Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

О ГОСУДАРСТВЕ

Первый день
Книга I

[Если бы предки наши не ставили блага государства превыше всего, то Марк Камилл не] избавил бы Рима от нашествия [галлов, Маний Курий, Гай Фабриций и Тиберий Корунканий не спасли бы его от нападения Пирра[1],] (I, 1) Гай Дуелий[2], Авл Атилий[3] и Луций Метелл[4] — от ужаса, который Риму внушал Карфаген, а двое Сципионов[5] кровью своей не потушили бы начинавшегося пожара второй пунической войны, Квинт Максим[6] не добился бы перелома в военных действиях, когда они возобновились после увеличения сил врага, Марк Марцелл[7] не сломил бы противника, а Публий Африканский[8] не перенес бы войны в стены вражеских городов, отбросив ее от ворот нашего города.

Далее, Марку Катону[9], человеку малоизвестному и новому[10], который всем нам, проявляющим такие же стремления, как бы подает пример настойчивости и доблести, право, было дозволено наслаждаться досугом[11] в Тускуле, здоровой местности близ Рима; но он,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
человек безрассудный, как думает кое-кто[12], предпочел, хотя его и не заставляла необходимость, до глубокой старости носиться по волнам в бури[13], а не вести приятнейшую жизнь в тишине и на досуге. Не говорю уже о бесчисленном множестве мужей, из которых каждый служил благу нашего государства; о тех кто [не] забыт нашим поколением, я упоминать не стану, дабы никто не мог посетовать на то, что я пропустил его или кого-нибудь из его родных. Утверждаю одно: природа наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно[14] и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга.

(II, 2) Но отличаться доблестью, словно это какая-то наука, не достаточно, если не станешь ее применять. Ведь науку, хотя ее и не применяешь, все же возможно сохранить благодаря самому знанию ее; но доблесть зиждется всецело на том, что она находит себе применение, а ее важнейшее применение — управление государством и совершение на деле, а не на словах, всего того, о чем кое-кто твердит в своих углах. Ведь философы не говорят ничего такого (я имею в виду то, что говорится действительно по справедливости и чести), что не было бы создано и подтверждено людьми, составлявшими законы для гражданских общин. И в самом деле, откуда возникло понятие о долге и кем была создана религия? Откуда появилось право народов[15] и даже наше право, называемое гражданским, откуда правосудие, верность, справедливость? Откуда добросовестность, воздержность, отвращение к позорным поступкам, стремление к похвалам и почету? Откуда стойкость в трудах и опасностях? Да ведь все это исходит от тех людей, которые, когда это благодаря философским учениям сложилось, обычаями подтвердили одно, другое укрепили законами. (3) Более того, Ксенократ[16], один из самых известных философов, на вопрос о том, чего достигают его слушатели, будто бы отвечал: они добровольно делают то, что им велят делать законы. Следовательно, тот гражданин, который своим империем[17] и страхом перед карой по закону заставляет всех людей делать то, к чему философы своей речью могут склонить разве только немногих, заслуживает предпочтения перед самими любителями наставлять, обсуждающими такие вопросы. И в самом деле, какую их речь, как бы отточена она ни была, можно было бы предпочесть правильному устройству гражданской общины, основанному на публичном праве[18] и на обычаях? И в самом деле, как «большие и могущественные города» (как их называет Энний[19]), по моему мнению, следует предпочитать деревенькам и крепостцам, так тех, кто благодаря своей мудрости и авторитету стоит во главе этих городов, следует именно за их мудрость ставить гораздо выше людей, чуждых какой бы то ни было государственной деятельности. А так как нас неудержимо влечет к умножению средств существования человеческого рода и мы, помыслами и трудами своими, стараемся сделать жизнь людей более безопасной и более богатой, причем искать этой радости нас побуждает сама природа, то будем держаться пути, по которому всегда шли все лучшие люди, и не станем слушать призывов тех, кто трубит к отступлению, желая повернуть вспять даже тех, кто уже продвинулся вперед.

(III, 4) Этим столь определенным и столь ясным доводам люди, несогласные с нами, противопоставляют труды, которые приходится совершать в защиту государства; для бдительного и деятельного человека это, конечно, препятствие небольшое и не только на таком важном поприще, но и при занятиях обыденных и при выполнении обязанностей частного человека или даже в личных делах заслуживающее пренебрежения. Говорят они и об опасностях, грозящих жизни, причем на позорный страх смерти указывают храбрым мужам, которым естественное угасание в старости кажется уделом более жалким, чем случай, когда им пришлось бы жизнь свою, которую рано или поздно придется отдать природе, именно за отечество отдать[20]. В этом вопросе они признают себя особенно красноречивыми, когда перечисляют несчастья, постигшие прославленных мужей, и обиды, нанесенные им неблагодарными согражданами. (5)Отсюда и примеры из истории греков: Мильтиад, победитель и усмиритель персов, когда у него еще не зажили те раны на груди, что он получил

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
в час величайшей победы, жизнь свою, сохраненную им от вражеских копий, окончил в оковах, наложенных на него согражданами[21]; Фемистокл, с угрозами изгнанный из отечества, которое он спас, бежал не в гавани Греции, сохраненные им, а в глубь варварской страны, которую он когда-то сокрушил[22]. Ведь в примерах непостоянства афинян и их жестокости к виднейшим гражданам недостатка нет. Такие события, происшедшие там и часто повторявшиеся, — говорят эти люди, — многократно совершались также и в нашем могущественном государстве. (6) Упоминают и об изгнании Камилла[23], и о злобном отношении к Агале[24], и о ненависти к Насике[25], и об изгнании Лената[26], и об осуждении Опимия[27], и о бегстве Метелла[28], и о величайшем несчастье, постигшем Гая Мария[29], [а по его возвращении] об убийстве первенствовавших людей, и о происшедшей вскоре после этого резне, унесшей много жертв[30]. При этом теперь не избегают называть также и меня и, пожалуй, именно потому, что мудростью моей и ценой грозившей мне опасности считают себя спасенными для этой мирной жизни, еще сильнее и с большей любовью ко мне сетуют на мои злоключения[31]. Но мне трудно сказать, почему, когда сами они, для получения образования или ради ознакомления, ездят за море… [Лакуна]

(IV, 7) [Когда] я, слагая с себя полномочия консула, на народной сходке поклялся в том, что государство было спасено, причем римский народ поклялся в том же[32], я, пожалуй, был вполне вознагражден за волнения и тяготы, связанные со всеми обидами. Впрочем, в злоключениях моих было почета больше, чем лишений, и не столько было тягот, сколько славы, и я от тоски, испытываемой честными людьми, почувствовал радость б**о**льшую, чем была боль, причиненная мне радостью бесчестных[33]. Но если бы, как я уже говорил, случилось иначе, то как мог бы я сетовать на это, когда на мою долю не выпало ничего такого, чего я не предвидел ранее, и — в сравнении с моими столь великими деяниями — ничего более тяжкого, чем я ожидал? Ведь я был таким человеком, что я, — хотя мне ввиду разнообразных приятных занятий, которым я предавался с отроческих лет[34], либо можно было получать от своего досуга плоды б**о**льшие, чем те, какие получают другие люди, либо, если бы всех постигло более тяжкое несчастье, пришлось бы испытать не какие-то особенные превратности судьбы, но равные тем, какие испытали бы и другие, — что я, ради спасения граждан, не поколебался встретить грудью сильнейшие бури и чуть ли не удары молний и, сам подвергаясь опасностям, принести спокойствие всем остальным[35]. (8) Ибо отечество[36] породило, вернее, взрастило нас не с тем, чтобы не ждать от нас никакой поддержки и только, служа нашим выгодам, создавать для нас безопасное убежище для жизни на досуге и спокойное место для отдохновения, но для того, чтобы оно само, себе на пользу, взяло в залог многие и притом величайшие силы нашего духа, ума, мудрости и предоставляло нам для наших личных потребностей лишь столько, сколько может оставаться после удовлетворения его собственных нужд[37].

(V, 9) Далее, к тем отговоркам, к каким эти люди прибегают для оправдания, дабы им еще легче было полностью наслаждаться досугом, конечно, менее всего следует прислушиваться, раз, по их словам, к государственной деятельности большей частью стремятся люди, совершенно недостойные честного дела, люди, равняться с которыми унизительно, а сражаться, особенно когда толпа возбуждена, опасно и чревато несчастьем. Поэтому, по их мнению, мудрому человеку не следует принимать бразды правления, раз он не в силах сдерживать безумные и неукротимые стремления черни, а свободному, борясь не на жизнь, а на смерть с подлыми и свирепыми противниками, незачем подвергаться ударам оскорблений или ожидать несправедливостей, нестерпимых для мудрого; как будто у людей честных, храбрых и наделенных большим мужеством, может быть какое-нибудь основание посвятить себя государственной деятельности, которое было бы более справедливым, чем желание не покоряться бесчестным людям и не позволять им раздирать государство на части[38], [чтобы не оказаться в таком положении,] когда они сами уже не будут в силах ему помочь, даже если и захотят.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(VI, 10) Но кто может одобрить этот отказ от деятельности? Ведь, по их словам, мудрый не станет принимать никакого участия в делах государства, если только обстоятельства и необходимость не заставят его[39]. Словно кто-нибудь может столкнуться с большей необходимостью, чем та, с какой столкнулся я[40]! Что смог бы я тогда сделать, не будь я в то время консулом? Но как мог бы я быть консулом, если бы с отроческих лет не держался в жизни того пути, идя по которому, я, происшедший из всаднического сословия, достиг высшей почетной должности[41]? Следовательно, хотя государству и грозят опасности, возможность прийти ему на помощь не появляется вдруг или по нашему желанию, если не занимаешь такого положения, что так поступить ты вправе. (11) Но в высказываниях ученых людей мне обычно кажется наиболее странным то, что они, когда море спокойно, держать кормило отказываются, так как не обучались этому и никогда не старались овладеть таким умением, но что они же объявляют о своем намерении встать у кормила, когда на море разыграется сильнейшая буря. Ведь они склонны открыто говорить и даже превозносить себя за то, что никогда не обучались ни устроению, ни защите государства, не обучают этому других и полагают, что знание всего этого следует предоставить не людям ученым и мудрым, а искушенным в этом деле. Как, в таком случае, возможно обещать государству свое содействие только тогда, когда тебя к этому принудит необходимость, раз ты — что было бы гораздо проще — управлять государством при отсутствии необходимости не умеешь? И право, если бы и было верно, что мудрый не склонен добровольно снисходить до занятий делами государства, но в том случае, когда обстоятельства заставят его сделать это, в конце концов все же не отказывается от этих обязанностей, то я все-таки полагал бы, что пренебрегать познаниями в государственных делах мудрому человеку отнюдь не следует, так как он должен овладеть всем тем, что ему, пожалуй, рано или поздно еще придется применять.

(VII, 12) Я изложил все это весьма обстоятельно по той причине, что решил выступить в этих книгах с рассуждением о государстве. Чтобы оно не оказалось бесполезным, я прежде всего должен был устранить сомнения насчет того, следует ли вообще заниматься государственной деятельностью. Но все же, раз существуют люди, которые считаются с авторитетом философов, то пусть они на короткое время возьмут на себя труд послушать тех, чьи авторитет и слава в глазах ученейших людей величайшие. Хотя некоторые из этих последних сами государственными делами не ведали, я лично — так как они рассмотрели много вопросов и много писали о государстве — все же думаю, что они выполнили некое обязательство перед государством. И право, тех семерых, кого греки назвали мудрецами[42], я, можно сказать, воочию вижу в самой гуще государственных дел. Ведь ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных.

(VIII, 13) Поэтому, так как мне посчастливилось, ведя дела государства, достигнуть некоторых успехов, достойных того, чтобы о них помнили, а развивая положения о гражданственности, приобрести некоторую подготовку благодаря не только своей деятельности, но и своему стремлению учиться самому и обучать других, … [Лакуна] [то задачу, взятую мною на себя, я нахожу для себя посильной.] … авторитеты, между тем как из моих предшественников одни были весьма изощрены в рассуждениях, но их деяния нам не известны, а другие за свою деятельность снискали одобрение, но в изложении своих взглядов были неискусны. Мне же предстоит не установить свои собственные, новые, мною самим придуманные положения, а по памяти привести беседу между прославленными мудрейшими мужами нашего государства, принадлежавшими к одному поколению. О этой беседе мне и тебе[43] в наши юные годы сообщил Публий Рутилий Руф, когда мы провели вместе с ним в Смирне несколько дней, причем он, по моему мнению, не пропустил ничего такого, что имело большое значение для этого вопроса в целом.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(IX, 14) Когда, в консульство Тудитана и Аквилия, знаменитый Публий Африканский, сын Павла, проводил дни Латинских празднеств[44] в своей загородной усадьбе, а его ближайшие друзья обещали ему часто навещать его в эти дни, во время самих празднеств к нему рано утром первым явился Квинт Туберон, сын его сестры. С радостью увидев его, Сципион ласково сказал: «Что же ты, Туберон, так рано[45]? Ведь эти празднества, пожалуй, дали тебе полную возможность предаться своим литературным занятиям».

ТУБЕРОН. — Книги мои в моем распоряжении в любое время; ведь они никогда не бывают заняты; но застать тебя на досуге — дело непростое, тем более при нынешних волнениях в государстве[46].

СЦИПИОН. — Но ты все-таки меня застал, однако, клянусь Геркулесом, на досуге скорее от дел, чем от размышлений.

ТУБЕРОН. — Все же тебе следует отдохнуть также и помыслами. Ведь мы — а нас много — готовы (если только это тебе приятно) воспользоваться вместе с тобой этим досугом, как мы и намеревались.

СЦИПИОН. — Я, конечно, буду рад, что мы, наконец, сможем вспомнить кое-что из философских учений.

(X, 15) *ТУБЕРОН.* — И вот, так как ты как бы приглашаешь меня и подаешь мне надежду на твое участие, то не согласишься ли ты, Публий Африканский, чтобы мы, пока соберутся остальные, сперва поговорили о втором солнце[47], о котором было доложено в сенате? Ведь нашлось немало и притом далеко не легковерных людей, которые, по их словам, видели два солнца, так что следует не столько отказывать им в доверии, сколько искать объяснения этому явлению.

СЦИПИОН. — Как я сожалею о том, что среди нас нет нашего Панэтия[48]! Ведь он склонен тщательнейшим образом изучать, помимо других вопросов, также и эти небесные явления. Но я (тебе, Туберон, я скажу откровенно, что думаю) во всем этом вопросе не вполне согласен с этим нашим другом, который утверждает, что все то, свойства чего мы можем только предполагать на основании догадок, он воочию видит и чуть ли не трогает рукой. Тем большую мудрость склонен я признавать за Сократом, так как он отказался от всякого стремления постигнуть все это и заявил, что вопросы о явлениях природы либо не доступны человеческому разуму, либо не имеют отношения к жизни людей[49].

(16) *ТУБЕРОН.* — Не понимаю, Публий Африканский, почему нам сообщают, что Сократ вообще отказался рассуждать об этом и был склонен рассматривать вопросы только о жизни и нравах людей. Можем ли мы сослаться на более авторитетное свидетельство о нем, чем свидетельство Платона? Ведь в книгах Платона, во многих местах, Сократ, рассуждая о нравах и добродетелях и даже о государстве, все же старается связать с этими вопросами числа, геометрию и гармонию, следуя Пифагору[50].

СЦИПИОН. — То, что ты говоришь, — правильно, но ты, Туберон, думается мне, слыхал, что после смерти Сократа Платон, для приобретения знаний, поспешил сперва в Египет, а затем в Италию и Сицилию, чтобы тщательно изучить открытия Пифагора, что он много общался с Архитом Тарентским и с Тимеем Локрийским[51], раздобыл записи Филолая и, так как в те времена слава Пифагора была велика в этой стране, общался с его учениками и посвятил себя этим занятиям. Поэтому, так как он глубоко почитал Сократа и был готов приписать ему все, он и сочетал в себе обаяние и тонкость рассуждений Сократа со

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
свойственной Пифагору темнотой и его хорошо известной глубиной в большинстве областей знания.

(XI, 17) Сказав это, Сципион вдруг увидел, что к ним идет Луций Фурий. Поздоровавшись с Фурием, Сципион дружески взял его за руку и предоставил ему место на своем ложе. А когда в это же время пришел Публий Рутилий, сообщивший нам об этой беседе, Сципион, поздоровавшись также и с ним, предложил ему сесть рядом с Тубероном.

ФУРИЙ. — Что вы обсуждаете? Неужели наш приход прервал вашу беседу?

Да нет же, — сказал Публий Африканский, — ведь ты усердно занимаешься вопросами этого рода, которые Туберон недавно начал изучать; что касается нашего друга Рутилия, то он даже под стенами Нуманции не раз беседовал со мною о таких вещах.

О чем же была речь? — спросил Фил.

СЦИПИОН. — Об этих двух солнцах. Я очень хотел бы, Фил, узнать твое мнение о них.

(XII, 18) Едва Сципион сказал это, как молодой раб возвестил, что к нему направляется Лелий, который уже вышел из дому. Тогда Сципион, надев башмаки и верхнее платье[52], вышел из спальни и, походив некоторое время по портику[53], встретил приближавшегося к нему Лелия и сопровождавших его Спурия Муммия, которого он очень любил, и Гая Фанния и Квинта Сцеволу, зятьев Лелия, образованных молодых людей в возрасте квесториев[54]. Поздоровавшись с ними всеми, Сципион повернул назад по портику и повел Лелия рядом с собой; ибо в их дружбе соблюдалось своего рода правило: в походах Лелий, как бога, почитал Публия Африканского за его исключительную военную славу, дома же Сципион, в свою очередь, как отца, чтил Лелия, старшего летами. Затем, после того, как они немного походили взад и вперед по портику, причем Сципион испытывал огромную радость от их прихода, им захотелось, так как время было зимнее, посидеть на лугу, ярко освещенном солнцем. Когда они уже собирались это сделать, к ним подошел Маний Манилий, сведущий муж, к которому все они относились с большим расположением и любовью. Сципион и другие встретили его дружескими приветствиями, и он сел рядом с Лелием.

(XIII, 19) *ФИЛ.* — Не вижу причины, почему мы из-за прихода друзей должны искать другого предмета для беседы. Думаю, что нам следует обсудить этот вопрос более тщательно и высказать нечто достойное их внимания.

ЛЕЛИЙ. — Что именно вы обсуждали, вернее, о чем была беседа, которую мы прервали?

ФИЛ. — Сципион спросил меня, каково мое мнение насчет того, что были видны два солнца, как все знают.

ЛЕЛИЙ. — Что ты, Фил? Разве мы уже изучили все то, что относится к нашим домашним делам и к государству, и потому хотим знать, что происходит на небе?

ФИЛ. — Неужели ты не считаешь для нас важным знать, что происходит и совершается в доме, которым является не пространство, ограниченное нашими стенами, а весь этот мир, данный нам богами как жилище и общее с ними отечество[55], — тем более что, если мы не будем знать всего этого, мы окажемся несведущими во многих и притом важных вопросах? Но ведь меня да и тебя самого, клянусь Геркулесом, Лелий, и всех жаждущих мудрости радует само познание и рассмотрение.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(20) *ЛЕЛИЙ.* — Я не против этого, тем более что теперь дни у нас праздничные. Можем ли мы, однако, что-нибудь послушать или же мы пришли чересчур поздно?

ФИЛ. — Пока еще мы ничего не обсудили, и так как мы еще не начинали, то я охотно дам тебе, Лелий, возможность высказать свое мнение.

ЛЕЛИЙ. — Да нет же, послушаем тебя, если только Манилий не сочтет нужным составить интердикт насчет двух солнц, — дабы они владели небом по тому праву, по какому каждое из них вступило во владение[56].

МАНИЛИЙ. — А ты, Лелий, не перестаешь издеваться над той наукой, в которой, во-первых, ты сам превосходишь других, и без которой, во-вторых, никто не может знать, что принадлежит ему и что чужое? Но об этом — немного погодя. Теперь послушаем Фила, которого, вижу я, спрашивают о вещах более важных, чем те, о каких советуются со мной или с Публием Муцием[57].

(XIV, 21) *ФИЛ.* — Я не сообщу вам ничего нового или придуманного или открытого мною самим. Ведь я помню, как Гай Сульпиций Галл[58], ученейший человек, как вы знаете, когда была речь о таком же наблюдении, а он случайно был в доме у Марка Марцелла, который вместе с ним когда-то был консулом, велел принести сферу, которую дед Марка Марцелла, завоевав Сиракузы, вывез из этого богатейшего и роскошно украшенного города, в то же время не доставив оттуда в свой дом ни одного другого предмета из столь значительной военной добычи. Хотя я очень часто слыхал рассказы об этой сфере, так как с ней было связано славное имя Архимеда[59], сама она не особенно нравилась мне; более красива и более известна в народе была другая сфера, созданная этим же Архимедом, которую тот же Марцелл отдал в храм Доблести[60]. (22) Но когда Галл начал с большим знанием дела объяснять нам устройство этого прибора, я пришел к заключению, что сицилиец обладал дарованием большим, чем то, каким может обладать человек. Ибо Галл сказал, что та другая, сплошная сфера без пустот была изобретена давно и что такую сферу впервые выточил Фалес Милетский[61], а затем Евдокс Книдский[62], по его словам, ученик Платона, начертал на ней положение созвездий и звезд, расположенных на небе; что спустя много лет Арат[63], руководясь не знанием астрологии, а, так сказать, поэтическим дарованием, воспел в стихах все устройство сферы и положение светил на ней, взятое им у Евдокса. Но — сказал Галл — такая сфера, на которой были бы представлены движения солнца, луны и пяти звезд, называемых странствующими и блуждающими[64], не могла быть создана в виде сплошного тела; изобретение Архимеда изумительно именно тем, что он придумал, каким образом, при несходных движениях, во время одного оборота сохранить неодинаковые и различные пути. Когда Галл приводил эту сферу в движение, происходило так, что на этом шаре из бронзы луна сменяла солнце в течение стольких же оборотов, во сколько дней она сменяла его на самом небе, вследствие чего и на небе сферы происходило такое же затмение солнца, и луна вступала в ту же мету[65], где была тень земли, когда солнце из области… [Лакуна]

(XV, 23) *СЦИПИОН.* — … так как я и сам почитал этого человека, и знал, что отец мой Павел[66] особенно уважал и любил его. Помнится, в моей ранней юности, когда мой отец, в то время консул, находился в Македонии и мы стояли лагерем, наше войско было охвачено суеверным страхом вследствие того, что в ясную ночь яркая и полная луна вдруг затмилась. Тогда Галл, бывший нашим легатом — приблизительно за год до того, как его избрали в консулы, — на другой день не поколебался во всеуслышание объявить, что это вовсе не было знамением и произошло и всегда будет происходить через определенное время — тогда, когда солнце окажется в таком месте, что его свет не сможет достигнуть луны.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Правда? — спросил Туберон, — он смог объяснить это, можно сказать, невежественным людям и перед неискушенными решился выступить с такой речью?

СЦИПИОН. — Да, и он сделал это с большой… [пользой для нашего войска.]

(24)… и это не было ни дерзкой похвальбой, ни словами, не подобающими человеку, занимающему высшее положение; ведь он достиг большого успеха, заставив встревоженных людей отбросить пустой суеверный страх.

(XVI, 25) Нечто подобное, по преданию, произошло и во время той величайшей войны, которую афиняне и лакедемоняне вели между собой, напрягая все свои силы[67]: знаменитый Перикл[68], первый в своем государстве по авторитету, красноречию и мудрости, когда солнце померкло и внезапно наступила тьма, а афинян охватил ужас, будто бы объяснил согражданам то, что сам он узнал от Анаксагора[69], чьим учеником он был, — что это происходит в определенное время и неизбежно всякий раз, когда вся луна заслоняет нам круг солнца; вот почему это, хотя бывает, правда, не в каждое новолуние, возможно только в определенные новолуния. Рассмотрев этот вопрос и дав объяснения, он избавил людей от страха, охватившего их; ибо это было необычное и в те времена неизвестное объяснение — что затмение солнца происходит вследствие промежуточного положения луны; как говорят, первый это открыл Фалес Милетский. Впоследствии это не ускользнуло от внимания нашего Энния; как он пишет, на триста пятидесятом году по основании Рима.

Ночь и луна закрыли солнце в июньские ноны[70].

И в этом вопросе достигнута такая точность расчетов, что, начиная с того дня, как мы видим, указанного Эннием и записанного в «Больших анналах»[71], было вычислено время предшествовавших затмений солнца, начиная с того, которое в квинтильские ноны произошло в царствование Ромула; среди этого мрака природа, правда, похитила Ромула с тем, чтобы он окончил свое человеческое существование, но его доблесть, говорят, вознесла его на небо[72].

(XVII, 26) *ТУБЕРОН.* — Не правда ли, Публий Африканский, то, насчет чего у тебя совсем недавно было иное мнение, …

[Лакуна] *СЦИПИОН.* — … то, что могут видеть другие. Но что может считать великим в делах человеческих тот, кто обозрел эти царства богов, или же долговременным тот, кто познал, что вечно, или же достославным тот, кто увидел, как мала земля — прежде всего земля в целом, а затем та часть ее, которую населяют люди? Ведь по ней, как надеемся мы, утвердившиеся на ее незначительной части, хотя и совершенно неизвестные большинству племен, имя наше должно летать и широко распространяться. (27) Но сколь счастливым следует находить человека, не склонного ни считать, ни называть богатствами ни земельные угодья, ни постройки, ни скот, ни неизмеримые запасы серебра и золота, так как выгода от них кажется ему ничтожной, польза — малой, права собственности — ненадежными, причем часто всем этим, не зная меры, владеют самые дурные люди! Ведь ему одному действительно дозволено не на основании квиритского права[73], а на основании права мудрых притязать на это, как на свою собственность, и притом в силу не гражданского обязательства[74], а общего для всех естественного закона, запрещающего, чтобы какая бы то ни было вещь принадлежала кому-либо, кроме людей, умеющих с ней обращаться и ею пользоваться. Каким счастливым следует считать человека, полагающего, что империй и наши консульские полномочия следует брать на себя для совершения дел необходимых, а не желательных, что их следует добиваться ради выполнения долга, а не ради наград или славы[75]; словом — человека, который может сказать о себе то же, что, как пишет Катон, говаривал дед мой Публий Африканский[76], — что он никогда не делает больше, чем тогда, когда не делает ничего, и никогда не бывает менее

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
один, чем тогда, когда он один. (28) Ибо кто действительно поверит, что Дионисий[77], отняв с величайшими усилиями у своих сограждан свободу, достиг чего-то большего, чем его согражданин Архимед, изготовив эту самую, уже упомянутую нами, сферу, когда он, казалось, ничего не делал? Но кто не согласится с тем, что люди, у которых нет никого, с кем они, находясь в толпе, заполняющей форум, хотели бы поговорить[78], более одиноки, чем те, которые, не подвергаясь ничьему суду, беседуют сами с собой или как бы присутствуют в собрании ученейших людей, наслаждаясь их открытиями и сочинениями? Поистине, кто сочтет кого-либо более богатым, чем человека, не испытывающего недостатка ни в чем таком, чего требует его природа, или более могущественным, чем человека, достигающего всего того, к чему он стремится, или более счастливым, чем человека, избавленного от всяческих душевных волнений[79], или более удачливым, чем того, кто владеет лишь таким имуществом, которое он, как говорится, может унести с собой даже после кораблекрушения[80]? И какой империй, какие магистратуры, какую царскую власть возможно предпочесть положению, когда человек, презирая все человеческое и находя это менее ценным, чем мудрость[81], не помышляет ни о чем, кроме вечного и божественного, и убежден в том, что, хотя другие и именуются людьми, но люди — только те, чей ум изощрен в знаниях, свойственных просвещенному человеку? (29) Таким образом, известные слова Платона (а может быть, это сказал и кто-нибудь другой) кажутся мне весьма удачными. Когда буря вынесла его из открытого моря к берегам неизвестной ему страны и выбросила на пустынный берег, то он, между тем как его спутники были объяты страхом, не зная, куда они попали, говорят, обнаружил начертанные на песке какие-то геометрические фигуры; заметив их, он воскликнул, что спутники его могут быть спокойны, так как он видит признаки присутствия людей; он, очевидно, усмотрел их в наличии не посевов, а признаков учености. Вот почему, Туберон, мне были всегда по душе и ученость, и образованные люди, и твои занятия.

(XVIII, 30) *ЛЕЛИЙ.* — Я не решаюсь, Сципион, в ответ на это сказать, что ты, или Фил, или Манилий в такой мере… [Лакуна]

ЛЕЛИЙ. — … к роду его отца принадлежал наш известный друг, достойный подражания, —

Редкостный ум и опыт в делах — таков был Секст Элий[82].

Ведь человеком редкостного ума и опытным в делах Энний назвал его не потому, что Секст Элий искал того, чего никогда не мог бы найти, но потому, что он давал ответы, избавлявшие тех, кто его спрашивал, от забот и затруднений, а когда Секст Элий осуждал занятия Галла[83], то у него на устах всегда были известные слова Ахилла из «Ифигении»[84]:

Астрологов знаки в небе, смысл их он понять желает:
Капра, Скорпион восходят, с ними и другие звери.
Что у ног, никто не видит, озирает страны неба.

Однако этот же муж (ведь я подолгу и охотно слушал его) говорил, что известный Зет у Пакувия[85] относился к учености чересчур враждебно; ему больше был по душе Неоптолем у Энния, говоривший, что «философствовать он хочет, но немного, так как вообще это ему не нравится»[86]. Но, хотя учения греков так нравятся вам, существуют и другие, более простые и более доступные всем, и мы можем применять их либо в своей частной жизни, либо с пользой для государства. А ваши науки, если они чего-нибудь и стоят, то только в том отношении, что они немного обостряют и как бы изощряют умы молодежи, чтобы ей было легче изучать более важные вопросы.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XIX, 31) *ТУБЕРОН.* — Не спорю с тобой, Лелий, но хотел бы знать, что ты считаешь более важным.

ЛЕЛИЙ. — Скажу это, клянусь Геркулесом, и ты, пожалуй, станешь меня презирать, так как именно ты спросил Сципиона об этих небесных явлениях. Но я полагал бы, что больше следует изучать то, что, как нам кажется, находится перед нашими глазами. И в самом деле, почему внук Луция Павла[87], родившийся в знатнейшей ветви рода и в нашем столь славном государстве, в присутствии этого вот своего дяди спрашивает здесь, каким образом были видны два солнца, но не спрашивает, почему в одном государстве существуют два сената и, можно сказать, два народа? Ибо, как вы видите, смерть Тиберия Гракха и еще раньше все его стремления как трибуна[88] разделили единый народ на две части. А хулители и завистники Сципиона, после того, как этому положили начало Публий Красс[89] и Аппий Клавдий[90], даже после их смерти поддерживают в одной части сената несогласие с вами, причем этим руководят Метелл[91] и Публий Муций, а этому вот человеку[92], который один в силах это сделать, они, подняв союзников и латинян[93], нарушив союзные договоры, не позволяют оказать государству помощь, когда мятежные триумвиры[94] изо дня в день замышляют перевороты, а честные мужи находятся в смятении из-за столь опасных событий. (32) Поэтому, если вы, юноши, меня послушаетесь, вы не станете бояться второго солнца; ведь оно либо не может существовать, либо, пусть даже существует, — раз его видели, — только бы оно не было людям в тягость; либо мы не состоянии познать это, а если и приобретем величайшие познания, все же, благодаря этим знаниям, не сможем стать ни лучше, ни счастливее. Но то, чтобы у нас были один сенат и один народ[95], — осуществимо, и очень огорчительно, если этого нет, а что этого действительно нет, мы знаем и понимаем, что мы, если это будет достигнуто, сможем жить лучше и счастливее.

(XX, 33) *МУЦИЙ.* — Что же мы, по твоему мнению, Лелий, должны изучать, чтобы быть в состоянии совершать именно то, чего ты от нас требуешь?

ЛЕЛИЙ. — Такие науки, которые могут сделать нас полезными государству; ибо это, по моему мнению, самая славная задача мудрости и величайшее проявление доблести и ее обязанность. Поэтому для того, чтобы эти праздничные дни были нами посвящены беседам, полезнейшим для государства, попросим Сципиона нам разъяснить, какое государственное устройство он считает наилучшим. Затем рассмотрим и другие вопросы. Обсудив их, мы, надеюсь, постепенно дойдем до нынешнего положения вещей и разберем сущность того, что нам теперь предстоит рассмотреть.

(XXI, 34) Когда Фил, Манилий и Муммий это вполне одобрили, … [Лакуна]

Не существует образца, с которым мы предпочли бы сравнить государство (Диомед).

…поэтому спустись, пожалуйста, в своей речи с неба и обратись к этим, более близким вещам. (*Ноний*, 85, 19).

ЛЕЛИЙ. — … я пожелал этого не только потому, что было бы разумно, чтобы о государстве говорил первенствующий в нем человек, но также и потому, что ты, как я помню, очень часто рассуждал об этом с Панэтием в присутствии Полибия[96] (а оба эти грека были, пожалуй, самыми искушенными в вопросах государственного устройства), и ты приводил много соображений и учил, что наилучшим является государственный строй, оставленный нам предками. Так как ты подготовлен к такому рассуждению лучше, чем мы, то ты (скажу также и от лица присутствующих), изложив нам свое мнение о государстве, обяжешь всех нас.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XXII, 35) *СЦИПИОН*. — Я, право, должен сказать, что я никаким иным размышлениям не предаюсь столь усердно и охотно, как именно этим, о которых ты, Лелий, мне говоришь. И право, когда я вижу, что всякий выдающийся мастер своего дела направляет все свои думы, помыслы и заботы только на то, чтобы лучше овладеть им, то, коль скоро мои родители и предки оставили мне одно это занятие — заботы о государстве и управление им[97], не придется ли мне признать, что я менее деятелен, чем любой мастер, если к величайшему искусству приложу меньше труда, чем тот труд, какой мастера прилагают к самым малым? (36) Но я и не удовлетворен теми сочинениями по этому вопросу, какие нам оставили выдающиеся и мудрейшие люди Греции, и не решаюсь ставить свои взгляды выше их воззрений. Поэтому прошу вас слушать меня как человека, и не совсем чуждого учения греков, и не предпочитающего их нашим, — тем более в этом вопросе, — но как одного из носящих тогу[98], получившего благодаря заботам отца весьма широкое образование и уже в отрочестве загоревшегося стремлением к учению, однако изощрившего свой ум гораздо больше благодаря своей деятельности и наставлениям, полученным дома, чем благодаря чтению книг.

(XXIII, 37) *ФИЛ*. — Я, клянусь Геркулесом, не сомневаюсь, что тебя, Сципион, умом не превзошел никто; опытом своим в важнейших делах государства ты превыше всех; каким занятиям ты себя всегда посвящал, мы знаем. Поэтому, если ты, по твоим словам, направил также и помыслы свои на эту науку и как бы искусство, то я глубоко благодарен Лелию; ибо надеюсь, что сказанное тобою будет для нас гораздо полезнее, чем все, написанное греками.

СЦИПИОН. — Право, ты возлагаешь на мои слова огромные надежды — тяжелейшее бремя для всякого, кто будет говорить о важных вещах.

ФИЛ. — Хотя мы и питаем великие надежды, ты все же их превзойдешь, по своему обыкновению. Ибо не приходится опасаться, что тебе, когда ты станешь рассуждать о государстве, изменит красноречие.

(XXIV, 38) *СЦИПИОН*. — Я исполню ваше желание, как сумею, и приступлю к рассуждению, руководясь правилом, которым, полагаю, следует руководствоваться при обсуждении всех предметов, если хотят избегнуть ошибки: если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступить к беседе; ибо никогда нельзя будет понять свойства обсуждаемого предмета, если сначала не понять, что он собой представляет. Поэтому, так как мы исследуем вопрос о государстве, рассмотрим сперва, что собой представляет именно то, что мы исследуем.

Когда Лелий это одобрил, Публий Африканский сказал:

Но я, рассуждая о предмете, столь знаменитом и столь известном, не стану обращаться к тем первоначалам, из которых в подобных вопросах обыкновенно исходят ученые люди, и мне незачем начинать с первой встречи между мужчиной и женщиной[99], затем говорить о продолжении рода и каждый раз определять сущность предмета и то, какими способами возможно обозначить его отдельные свойства. Так как я говорю перед людьми просвещенными, в походах и на родине вершившими важными делами государства, то я постараюсь, чтобы моя беседа была не менее ясной, чем тот предмет, о котором я рассуждаю. Ведь я не брал на себя задачи подробно изложить все до конца, как это делает школьный учитель, и не обещаю, что в этой беседе не будет пропущена ни одна мелочь.

ЛЕЛИЙ. — Я, со своей стороны, жду именно такого изложения, какое ты нам обещаешь.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XXV, 39) *СЦИПИОН*. — Итак, государство есть достояние народа[100], а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость[101], сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе[102]. Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при изобилии всего необходимого не… [удаляться от подобных себе.]

И чтобы сама природа к этому не только призывала, но также и принуждала (*Ноний*, 321, 16).

(40) Что такое государство, как не достояние народа? Итак, достояние общее, достояние, во всяком случае, гражданской общины. Но что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием? У римских авторов мы читаем:

Вскоре множество людей, рассеявшихся по земле и скитавшихся по ней, благодаря согласию превратилось в гражданскую общину (*Августин*, Послания, 138, 10).

Усматривали не единственную причину для закладки города. Одни говорят, что люди, первоначально происшедшие из земли, блуждая по лесам и полям, не будучи связаны друг с другом ни речью, ни правом и пользуясь ветками и травой как ложем, а пещерами и ямами — как домами, оказывались добычей диких зверей и более сильных животных; затем, что те люди, которые спаслись, хотя и получили ранения, и видели, как их близкие были растерзаны зверями, присоединились, поняв грозившую им опасность, к другим людям и молили их о защите; вначале они объяснялись знаками, затем стали делать первые попытки говорить; потом они, давая названия тем или иным отдельным вещам, понемногу усовершенствовались в своей речи. Видя, что им не защитить народа от диких зверей, они начали даже строить города, дабы обеспечить себе покой ночью и отвращать нападения диких зверей, не вступая с ними в схватки, а строя валы. (18) Иным людям это объяснение показалось нелепым, каким оно и было, и они говорили, что причиной объединения был не страх быть растерзанным дикими зверями, но скорее сама человеческая природа, и что объединились они потому, что человеческая природа избегает одиночества и стремится к общению и союзу (*Лактанций*, “Institutiones divinae”, VI, 10, 13—15, 18).

(XXVI, 41) … [Ибо, не будь у человека], так сказать, семян [справедливости], не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства. Итак, эти объединения людей, образовавшиеся по причине, о которой я уже говорил, прежде всего выбрали для себя в определенной местности участок земли, чтобы жить на нем. Использовав естественную защиту и оградив его также и искусственно, они назвали такую совокупность жилищ укреплением, или городом, устроили в нем святилища и общественные места.

Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину. (42) Далее, осуществление их следует поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство — царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа[103]. И каждый из трех видов государства — если только сохраняется та связь, которая впервые накрепко объединила людей ввиду их общего участия в создании государства, — правда, не совершенен и, по моему мнению, не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого. Ибо положение и справедливого и мудрого царя, и избранных, то есть первенствующих

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
граждан, и даже народа (впрочем, последнее менее всего заслуживает одобрения) все же, — если только этому не препятствуют несправедливые поступки или страсти, — по-видимому, может быть вполне прочным.

(XXVII, 43) Но при царской власти все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой, будучи лишен какого бы то ни было участия в совместных совещаниях и во власти, а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении. Поэтому хотя знаменитый перс Кир[104] и был справедливейшим и мудрейшим царем, все же к такому «достоянию народа» (а это, как я уже говорил, и есть государство), видимо, не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека. Если массилийцами, клиентами нашими[105], с величайшей справедливостью правят выборные и притом первенствующие граждане, то все-таки такое положение народа в некоторой степени подобно рабству. Если афиняне в свое время, отстранив ареопаг[106], вершили всеми делами только на основании постановлений и решений народа, то, так как у них не было определенных ступеней общественного положения, их община не могла сохранить своего блеска.

(XXVIII, 44) И я говорю это о трех видах государственного устройства, если они не нарушены и не смешаны один с другим, а сохраняют черты, свойственные каждому из них. Прежде всего, каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками, о которых я уже упоминал; далее, ему присущи и другие пагубные пороки; ибо из указанных видов устройства нет ни одного, при котором государство не стремилось бы по обрывистому и скользкому пути к тому или иному несчастью, находящемуся невдалеке от него. Ведь в упомянутом мною царе, терпимом и, если хотите, достойном любви, — Кире (назову именно его) скрывается, так как он волен изменять свои намерения, всем известный жесточайший Фаларид[107], по образцу правления которого единовластие скользит вниз по наклонному пути и притом легко. К знаменитому управлению государством, осуществлявшемуся в Массилии малым числом первенствовавших людей, близко стоит сговор клики тридцати мужей, некогда правившей в Афинах[108]. Что полновластие афинского народа, когда оно превратилось в безумие и произвол толпы, оказалось пагубным, … [показали дальнейшие события.]

(XXIX, 45) [Лакуна]… [государственное устройство] наихудшее, и из этой [формы правления] обыкновенно возникает правление оптиматов, или тираннической клики, или царское, или (даже весьма часто) народное и опять-таки из него — один из видов правления, упомянутых мною ранее, и изумительны бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве[109]. Если знать их — дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, — дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновленного мужа. Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее[110].

(XXX, 46) *ЛЕЛИЙ*. — Я знаю, что таково твое мнение, Публий Африканский! Ибо я часто слыхал это от тебя. И все же, если это тебе не в тягость, я хотел бы узнать, какой из этих трех видов государственного устройства ты находишь наилучшим. Ведь будет полезно для понимания… [Лакуна]

(XXXI, 47) *СЦИПИОН*. — …и каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит[111]. Поэтому только в таком государстве, где власть народа наибольшая, может обитать свобода; ведь приятнее, чем она, не может быть ничего, и она, если она не равна для

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
всех, уже и не свобода. Но как может она быть равной для всех, уж не говорю — при царской власти, когда рабство даже не прикрыто и не вызывает сомнений, но и в таких государствах, где на словах свободны все? Граждане, правда, подают голоса, предоставляют империй и магистратуры, их по очереди обходят, добиваясь избрания[112], на их рассмотрение вносят предложения, но ведь они дают то, что должны были бы давать даже против своего желания, и они сами лишены того, чего от них добиваются другие; ведь они лишены империя, права участия в совете по делам государства[113], права участия в судах, где заседают отобранные судьи[114], лишены всего того, что зависит от древности и богатства рода. А среди свободного народа, как, например, родосцы[115] или афиняне[116], нет гражданина, который… [сам не мог бы занять положения, какое он предоставляет другим.] [Лакуна]

(XXXII, 48) …когда в народе находился один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда — говорят они[117] — из-за их высокомерия и надменности[118] и создавалось вышеуказанное положение, так как трусы и слабые люди уступали богатым и склонялись перед их своеволием. Но если народ сохраняет свои права, то — говорят они — это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он — господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина и над его имуществом[119]. По их мнению, только такое устройство и называется с полным основанием государством, то есть достоянием народа. Поэтому, по их словам, «достояние народа» обычно освобождается от владычества царей и «отцов», но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов. (49) И право, говорят они, ввиду пагубных последствий, связанных с необузданностью народа, не следует отвергать вообще всего этого вида свободы для народа; нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же; из различия интересов, когда одному подходит одно, а другому другое, возникают раздоры[120]; поэтому, когда властью завладевали «отцы», государственный строй никогда не бывал прочен; но еще менее бывает так при царской власти, когда, по утверждению Энния[121],

…ни общности во власти нет священной, ни верности.

Поэтому, если закон есть связующее звено гражданского общества[122], а право, установленное законом, одинаково для всех, то на каком праве может держаться общество граждан, когда их положение не одинаково? И в самом деле, если люди не согласны уравнять имущество, если умы всех людей не могут быть одинаковы, то, во всяком случае, права граждан одного и того же государства должны быть одинаковы. Да и что такое государство, как не общий правопорядок?

(XXXIII, 50) … [Лакуна] … А остальные государства, по их мнению, не следует называть теми именами, какими они сами желают называться. И в самом деле, почему мне называть царем — по имени Юпитера Всеблагого — человека, жаждущего владычества и исключительного империя и властвующего над народом, угнетаемым им, а не называть его тиранном[123]? Ведь и тиранн может быть милосерден в такой же мере, в какой царь нестерпим, так что для народов имеет значение лишь одно: у милостивого ли властителя они в рабстве или у сурового; но совсем не быть в рабстве они не могут. Каким же образом прославленному Лакедемону в те времена, когда его государственное устройство считалось образцовым, удавалось обладать хорошими и справедливыми царями, если приходилось иметь царем всякого, кто только происходил из царского рода[124]? Далее, кто стал бы терпеть оптиматов, которые присвоили себе это наименование не с согласия народа, а в своих собственных собраниях? В самом деле, на каком основании человека признают «наилучшим»[125]? Ввиду его образования, интереса к наукам, стремлений… [Лакуна]

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XXXIV, 51) Если [государство] будет руководиться случайностью, оно погибнет так же скоро, как погибнет корабль, если у кормила встанет рулевой, назначенный по жребию из числа едущих[126]. Поэтому, если свободный народ выберет людей, чтобы вверить им себя, — а выберет он, если только заботится о своем благе, только наилучших людей, — то благо государства, несомненно, будет вручено мудрости наилучших людей[127] — тем более, что сама природа устроила так, что не только люди, превосходящие других своей доблестью и мужеством, должны главенствовать над более слабыми, но и эти последние охотно повинуются первым.

Но это наилучшее государственное устройство, по их словам, было ниспровергнуто вследствие появления превратных понятий у людей, которые, не зная доблести (ведь она — удел немногих, и лишь немногие видят и оценивают ее), полагают, что богатые и состоятельные люди, а также и люди знатного происхождения — наилучшие. Когда, вследствие этого заблуждения черни, государством начинают править богатства немногих[128], а не доблести, то эти первенствующие люди держатся мертвой хваткой за это наименование — оптиматов, но в действительности не заслуживают его. Ибо богатство, знатность, влияние — при отсутствии мудрости и умения жить и повелевать другими людьми — приводят только к бесчестию и высокомерной гордости, и нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими. (52) А что может быть прекраснее положения, когда государством правит доблесть; когда тот, кто повелевает другими, сам не находится в рабстве ни у одной из страстей[129], когда он проникся всем тем, к чему приучает и зовет граждан, и не навязывает народу законов, каким не станет подчиняться сам, но свою собственную жизнь представляет своим согражданам как закон? И если бы такой человек один мог в достаточной степени достигнуть всего, то не было бы надобности в большом числе правителей; конечно, если бы все сообща были в состоянии видеть наилучшее и быть согласными насчет него, то никто не стремился бы иметь выборных правителей. Но именно трудность принятия решений и привела к переходу власти от царя к большому числу людей, а заблуждения и безрассудство народа — к ее переходу от толпы к немногим. Именно при таких условиях, между слабостью сил одного человека и безрассудством многих, оптиматы и заняли среднее положение, являющееся самой умеренной формой правления. Когда они управляют государством, то, естественно, народы благоденствуют, будучи свободны от всяких забот и раздумий и поручив попечение о своем покое другим, которые должны о нем заботиться и не давать народу повода думать, что первенствующие равнодушны к его интересам. (53) Ибо равноправие, к которому так привязаны свободные народы, не может соблюдаться (ведь народы, хотя они и свободны и на них нет пут, облекают многими полномочиями большей частью многих людей, и в их среде происходит значительный отбор, касающийся и самих людей, и их общественного положения), и это так называемое равенство в высшей степени несправедливо[130]. И действительно, когда людям, занимающим высшее, и людям, занимающим низшее положение, — а они неминуемо бывают среди каждого народа — оказывается одинаковый почет, то само равенство в высшей степени несправедливо; в государствах, управляемых наилучшими людьми, этого произойти не может. Приблизительно вот это, Лелий, и кое-что в таком же роде обыкновенно и приводят в доказательство люди, особенно превозносящие этот вид государственного устройства.

(XXXV, 54) *ЛЕЛИЙ*. — А ты, Сципион? Какой из упомянутых тобою трех видов государственного устройства ты одобряешь больше всего?

СЦИПИОН. — Ты с полным основанием спрашиваешь, какой из трех видов государственного устройства наиболее одобряю я; ведь ни одного из них самого по себе, взятого в отдельности, я не одобряю и предпочитаю каждому из них то, что как бы сплавлено из них всех, взятых вместе. Но если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место.] [Если

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
говорить о видах власти,] названных здесь, то имя царя напоминает мне как бы имя отца, заботящегося о согражданах, как о своих детях, и охраняющего их тщательнее, чем … [Лакуна] … вас поддерживает заботливость одного наилучшего и выдающегося мужа. (55) Но вот встают оптиматы, чтобы заявить, что они делают это же самое лучше, и сказать, что мудрости будет во многих больше, чем в одном, а справедливость и честность та же. А народ, оглушая вас, кричит, что он не согласен повиноваться ни одному, ни немногим, что даже для зверей нет ничего сладостнее свободы, и что ее лишены все те, кто находится в рабстве, независимо от того, чьи они рабы — царя или оптиматов. Так благоволением своим нас привлекают к себе цари, мудростью — оптиматы, свободой — народы, так что при сравнении трудно выбрать, чего можно желать больше всего.

ЛЕЛИЙ. — Разумеется; но, если ты не доведешь своего рассмотрения до конца, нам едва ли удастся разобраться во всем остальном.

(XXXVI, 56) *СЦИПИОН*. — Итак, уподобимся Арату, который, приступая к рассуждению о важных предметах, считал нужным начинать с Юпитера[131].

ЛЕЛИЙ. — Почему с Юпитера? Лучше сказать, какое сходство со стихами Арата имеет наша беседа?

СЦИПИОН. — Лишь такое, что мы с полным основанием можем начать свою речь с того, кого одного и все ученые, и все неученые люди единогласно признают царем всех богов и людей.

Почему? — спросил Лелий.

СЦИПИОН. — По какой же иной причине, как не потому, что это очевидно? Если первенствующие в государствах люди ради житейской пользы заставили всех верить, что на небе есть единственный царь, наклонением головы сотрясающий весь Олимп, как говорит Гомер[132], и считать его царем и отцом всех, то существуют авторитетные и многочисленные (если только под многочисленными можно разуметь всех) свидетели тому, что народы согласились (очевидно, на основании решений первенствующих людей) в том, что лучше царя не бывает никого, так как, по их мнению, всеми богами правит воля одного. Если же это, как нас учили, основано на заблуждении неискушенных людей и похоже на сказания, то послушаем всеобщих, так сказать, учителей образованных людей; ведь они как бы воочию видели то, что мы с трудом познаем, когда об этом слышим.

Кто же они? — спросил Лелий.

СЦИПИОН. — Те, которые, изучая всю природу, поняли, что всем этим миром правит разум. … [Лакуна]

(57) [Платон] стоит за монархию, говоря, что существует единый бог, создавший и по своему изумительному замыслу упорядочивший мир. Аристотель, ученик Платона, признает существование единого разума, правящего миром. Антисфен говорит о существовании единого божества — природы, правящей всем миром. Много времени заняло бы рассмотрение всего того, что в прошлом высказали о высшем божестве Фалес, или Пифагор, или Анаксимен, а впоследствии стоики Клеанф, Хрисипп и Зенон, а из наших — Сенека, последователь стоиков, и сам Туллий; ведь все они пытались определить, что собой представляет бог, и утверждали, что он один правит миром и что он не подчиняется природе, так как вся природа создана им самим (*Лактанций*, Эпитома, 4, 1—3).

(XXXVII, 58) *СЦИПИОН*. — …Но если хочешь, Лелий, я назову тебе свидетелей, не особенно древних и отнюдь не варваров[133].

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ЛЕЛИЙ. — Именно этого я и хочу.

СЦИПИОН. — Итак, знаешь ли ты, что с тех пор, как наш город существует без царей, прошло уже около четырехсот лет?

ЛЕЛИЙ. — Да, менее четырехсот лет[134].

СЦИПИОН. — И что же? Разве эти четыреста лет существования города и гражданской общины — очень долгий срок?

ЛЕЛИЙ. — Нет, это едва возраст юности.

СЦИПИОН. — Итак, четыреста лет назад в Риме был царь?

ЛЕЛИЙ. — Да, и притом гордый[135].

СЦИПИОН. — А до него?

ЛЕЛИЙ. — Справедливейший[136], а ранее длинный ряд царей вплоть до Ромула, который был царем за шестьсот лет до нашего времени.

СЦИПИОН. — Следовательно, даже и он жил не очень давно?

ЛЕЛИЙ. — Совсем нет; в это время Греция уже начала стариться.

СЦИПИОН. — Скажи, разве Ромул был царем варваров?

ЛЕЛИЙ. — Если, как утверждают греки, все люди — либо греки, либо варвары, то он, пожалуй, был царем варваров; если же такое имя следует давать на основании нравов, а не на основании языка, то я не думаю, чтобы греки были варварами в меньшей степени, чем римляне.

СЦИПИОН. — Но мы, имея в виду предмет своей беседы, спрашиваем не о племени; о прирожденном уме спрашиваем мы. В самом деле, если люди разумные и притом отнюдь не в древние времена пожелали иметь царей, то я располагаю свидетелями, не очень древними, не лишенными образования и не дикими.

(XXXVIII, 59) *ЛЕЛИЙ*. — Я вижу, что у тебя, Сципион, довольно много свидетельских показаний, но на меня, как на хорошего судью, доказательства действуют больше, чем свидетели.

СЦИПИОН. — В таком случае, Лелий, ты сам воспользуйся доказательствами, которые тебе дают твои чувства.

ЛЕЛИЙ. — Какие чувства?

СЦИПИОН. — Когда тебе, быть может, показалось, что ты на кого-нибудь разгневан.

ЛЕЛИЙ. — Да, это бывало чаще, чем я хотел бы.

СЦИПИОН. — Что же, тогда, когда ты в гневе, ты позволяешь этому гневу господствовать над твоей душой?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Нет, клянусь Геркулесом, — сказал Лелий, — но я подражаю знаменитому Архиту Тарентскому, который, приехал в свою усадьбу и найдя, что там все сделано не так, как он велел, сказал управителю: «О несчастный, да я засек бы тебя до смерти, не будь я в гневе»[137].

(60) Превосходно, — сказал Сципион, — итак, Архит, очевидно, по справедливости считал гнев, так сказать, мятежом души, так как он не согласуется с разумом, и хотел успокоить этот гнев мудростью. Прибавь сюда алчность, прибавь жажду власти и славы, прибавь страсти — и ты поймешь, что, если в душах людей будет царский империй, то это будет господство одного начала, то есть мудрости (ведь это лучшая часть души), но что, при господстве мудрости, нет места ни для страстей, ни для гнева, ни для необдуманных поступков.

ЛЕЛИЙ. — Да, это так.

СЦИПИОН. — Значит, ты согласен с тем, чтобы человеческий ум был в таком состоянии?

ЛЕЛИЙ. — Вполне согласен.

СЦИПИОН. — Значит, ты не был бы доволен, если бы, после того, как мудрость была бы изгнана, страсти (а им нет числа) или припадки гнева держали в своей власти все?

ЛЕЛИЙ. — Да, по моему мнению, это было бы величайшим несчастьем и для такой души, и для человека с такой душой.

СЦИПИОН. — Итак, согласен ты, чтобы все части нашей души находились под царской властью и управлялись мудростью?

ЛЕЛИЙ. — Да, я согласен на это.

СЦИПИОН. — В таком случае, почему ты не знаешь, какое мнение тебе следует высказать о государстве? Ведь если вершить делами в нем будет поручено нескольким лицам, то, как сразу можно понять, оно не будет управляться империем, который, если он не един, невозможен вообще.

(XXXIX, 61) *ЛЕЛИЙ*. — Какое, скажи пожалуйста, различие между одним властителем и несколькими, если справедливость в руках у нескольких лиц?

СЦИПИОН. — Так как я понял, Лелий, что мои свидетели не производят на тебя большого впечатления, то я не перестану брать в свидетели тебя самого, дабы подтвердить справедливость своих слав.

Меня, — спросил Лелий, — каким же образом?

СЦИПИОН. — А я заметил недавно, когда мы были в твоей формийской усадьбе, как строго ты наказывал своей челяди[138] слушаться только одного человека.

ЛЕЛИЙ. — Разумеется, — управителя.

СЦИПИОН. — Ну, а в городском доме? Разве несколько человек ведает твоими делами?

ЛЕЛИЙ. — Нет, один.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

СЦИПИОН. — Далее, а разве всем твоим домом управляет еще кто-нибудь другой, помимо тебя?

ЛЕЛИЙ. — Конечно, нет.

СЦИПИОН. — Тогда почему ты не соглашаешься на это же в делах государственных — что владычество отдельных лиц, если только они люди справедливые, и есть наилучшее государственное устройство?

ЛЕЛИЙ. — Ты заставляешь меня почти согласиться с тобой.

(XL, 62) *СЦИПИОН*. — Ты, Лелий, согласишься со мною еще больше, если я, — отбросив сравнения, что поручить корабль одному кормчему, а больного одному врачу[139] (если только оба они владеют своим искусством) правильнее, чем поручать их многим, — перейду к более важным вопросам.

ЛЕЛИЙ. — К чему именно?

СЦИПИОН. — Разве ты сам не видишь, что из-за нестерпимого высокомерия одного человека — Тарквиния — само имя царя стало ненавистным для нашего народа?

Да, я это вижу, — сказал Лелий.

СЦИПИОН. — В таком случае ты видишь также и то, о чем я в нашей дальнейшей беседе намерен говорить подробнее: после изгнания Тарквиния народ неистовствовал ввиду, так сказать, крайней непривычки к свободе; тогда были отправлены в изгнание невиновные[140], тогда имущество многих людей было расхищено, тогда появились консулы с годичными полномочиями[141], тогда перед народом стали опускать ликторские связки[142], тогда была введена провокация по всем делам[143], тогда из Рима уходил плебс[144], словом, тогда в большинстве дел народ обладал всей полнотой власти.

(63) *ЛЕЛИЙ*. — То, что ты говоришь, соответствует действительности.

Да, — сказал Сципион, — так бывает во времена мира и спокойствия; ведь пока бояться нечего, можно и своевольничать, например, на корабле, а часто и при легкой болезни. Но подобно тому, как мореплаватель, как только по морю неожиданно начнут ходить волны, а больной, когда его состояние ухудшается, лишь одного человека молит о помощи, так и наш народ в мирное время и у себя дома повелевает и даже магистратам грозит, отказывает им в повиновении, совершает апелляцию[145] и провокацию, но во времена войны повинуется им, как повинуются царю[146]; ибо чувство самосохранения сильнее своеволия. А во время более трудных войн наши граждане постановляли, чтобы весь империй был в руках у одного, даже без коллеги[147], причем уже само название указывает на особенность его власти. Ибо диктатор так называется оттого, что его назначают, но в наших книгах[148], как ты знаешь, Лелий, его называют главой народа.

Знаю, — сказал Лелий.

СЦИПИОН. — Значит, те древние мудро [поступали]…

(XLI, 64) [Лакуна] … именно, когда народ теряет справедливого царя, то после кончины лучшего царя «сердцами надолго овладевает тоска по нем», как говорит Энний.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

…между собою
Так толкуют они: «О Ромул, божественный Ромул!
Стражем каким для отчизны боги тебя породили!
О родитель, отец, о кровь, рожденная небом!»[149]

Тех, кому люди повиновались согласно закону, они называли не повелителями, не властителями, наконец, даже не царями, а стражами отечества, отцами, богами. И не без оснований. В самом деле, что говорят они дальше?

Ты народ наш увел в края, озаренные светом[150].

Они полагали, что справедливость царя даровала им жизнь, почет, украсила их. Такое же настроение осталось бы и у их потомков, если бы цари остались такими же и долее; но ты видишь, что из-за несправедливости одного из них[151] рухнул весь тот вид государственного устройства.

ЛЕЛИЙ. — Да, я вижу это и стараюсь понять эти пути изменений не только в нашем государстве, но и во всяком другом.

(XLII, 65) *СЦИПИОН*. — Когда я выскажу свое мнение о том виде государственного устройства, который считаю наилучшим, мне вообще придется поговорить подробнее и о переменах в государстве, хотя в таком государстве они, по моему мнению, произойдут далеко не легко. Но при царском образе правления первая и самая неизбежная перемена следующая: когда царь начинает быть несправедлив, этот государственный строй тотчас же рушится, а этот же правитель становится тиранном[152]; это наихудший вид государственного устройства и в то же время близкий к наилучшему; если его ниспровергают оптиматы, как обыкновенно и случается, то государство получает второй из названных трех видов устройства; это — вид, уподобляющийся царской власти, то есть составленный из «отцов» совет первенствующих людей, заботящихся о благе народа[153]. Если же народ своей рукой убьет или изгонит тиранна, то он бывает несколько умерен только до той поры, пока владеет своими чувствами и умом, радуется своему деянию и хочет защитить им же установленный государственный строй. Но если народ применил насилие к справедливому царю или лишил его царской власти, или даже (это бывает еще чаще) отведал крови оптиматов и подчинил своему произволу все государство (не думай, Лелий, что найдется море или пламя, успокоить которое, при всей его мощности, труднее, чем усмирить толпу, не знающую удержу ввиду непривычного для нее положения), тогда и происходит то, что так ярко изобразил Платон[154], — если только мне удастся передать это на латинском языке; сделать это трудно, но я все же попытаюсь.

(XLIII, 66) «Когда, — говорит Платон, — ненасытная глотка народа пересохнет от жажды свободы, и народ, при дурных виночерпиях, вкусит не разумно размешанной, а совсем не разбавленной свободы, он начинает клеветать на магистратов и первенствующих людей, если они не особенно мягки и уступчивы и не дают ему полной свободы, начинает преследовать их, обвинять, называть своевластными, царями, тираннами»[155]. Думаю, что это тебе известно.

ЛЕЛИЙ. — Да, мне это очень хорошо известно.

(67) *СЦИПИОН*. — Платон продолжает так: «Тех, кто повинуется первенствующим людям, такой народ преследует и называет добровольными рабами, а тех, кто, занимая магистратуры, хочет походить на частных людей, а также и тех частных людей, которые стремятся к тому, чтобы между частным человеком и магистратом не было никакого различия, они превозносят похвалами и возвеличивают почестями, так что в подобном государстве свобода неминуемо господствует над всем: частный дом не повинуется власти, и это зло распространяется даже на

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
животных; даже отец боится сына, сын пренебрегает отцом, причем всякий стыд отсутствует; все совершенно свободны и нет различия между гражданином и иноземцем; учитель боится своих учеников и заискивает перед ними, а ученики презирают учителей; юноши напускают на себя важность стариков, а старики унижаются до юношеских забав, чтобы не быть юношам в тягость и не казаться чересчур важными. Вследствие этого даже рабы держат себя чересчур вольно, а женщины имеют те же права, что и мужчины; мало того, даже собаки, лошади, наконец, ослы, при такой вольности, так наскакивают на людей, что приходится уступать им дорогу. Итак, — говорит Платон, — это безграничное своеволие приводит к тому, что граждане становятся столь пресыщены и слабы духом, что они, если власти применят к ним малейшее принуждение, раздражаются, и не могут это стерпеть, а потому начинают даже пренебрегать законами, так что оказываются без какого бы то ни было властителя».

(XLIV, 68) *ЛЕЛИЙ.* — Ты вполне точно передал нам содержание высказываний Платона.

СЦИПИОН. — Далее, возвращаясь к изложению своей мысли, я прибавлю: из этого крайнего своеволия, которое эти люди считают единственной свободой, — говорит Платон, — вырастает, словно из корня, и как бы рождается тиранн. Ибо, подобно тому, как из чрезмерного могущества первенствующих людей возникает угроза самому их существованию, так сама свобода поражает этот чересчур свободный народ в конце концов рабством. Так и всякий избыток приятного — будет ли он в погоде, или на полях, или в теле человека — большей частью превращается в противоположное состояние; это происходит более всего в делах государственных, и чрезмерная свобода как у народов, так и у частных людей рушится, превращаясь в чрезмерное рабство. Таким образом, величайшая свобода порождает тираннию и несправедливейшее и тяжелейшее рабство. Ведь из этого необузданного или, лучше сказать, свирепого народа большей частью выходит предводитель, обращающийся против первенствующих граждан, уже сбитых с места[156] и повергнутых ниц, человек отважный, бесчестный, жестоко преследующий людей, часто оказывавших государству большие услуги, отдающий народу и свое, и чужое достояние[157], и так как ему, пока он оставался частным человеком, грозили многие опасности, то ему дают империй, который возобновляют на новый срок, даже дают ему стражу, как это было в Афинах с Писистратом[158]; наконец, такие люди становятся тираннами по отношению к тем, которые их выдвинули. Если этих тираннов, как это часто бывает, свергают лучшие люди, то государство возрождается; но если это совершают люди дерзкой отваги, то возникает хорошо нам известное правление клики, другой род тираннов, и такая же клика часто возникает из превосходного правления оптиматов, когда какие-нибудь пороки отвлекают самих первенствующих людей от их пути. Таким образом, государственную власть, словно мяч, выхватывают тиранны у царей, у самих тираннов — первенствующие люди или народ, а у народа — клика или тиранны, и государственное устройство в течение более или менее долгого времени никогда не сохраняется в одном и том же положении.

(XLV, 69) Ввиду всего этого, из трех указанных вначале видов государственного устройства, по моему мнению, самым лучшим является царская власть, но самое царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства[159]. Ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа. Такому устройству, прежде всего, свойственно, так сказать, [великое] равенство, без которого свободные люди едва ли могут долго обходиться, затем — прочность, так как виды государственного устройства, упомянутые выше, легко превращаются в свою порочную противоположность, — вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, — и так как эти самые виды государственного устройства часто сменяются новыми, тогда как при этом объединенном и разумно смешанном государственном

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
устройстве этого не случается почти никогда, разве только при большой порочности первенствующих людей. И действительно, нет причины для перемен там, где положение каждого прочно и ему некуда сорваться и свалиться[160].

(XLVI, 70) Но я боюсь, Лелий и вы, мои лучшие и просвещенные друзья, что моя беседа, если я и долее буду заниматься этими вопросами, покажется вам словами как бы наставника и учителя, а не человека, рассматривающего вопрос вместе с вами. Поэтому я приступлю к тому, что известно всем и уже давно нас занимает. Ведь я полагаю, думаю, утверждаю, что из всех государств ни одно —ни по своим основам, ни по распределению власти, ни по своему внутреннему укладу — не сравнимо с тем, которое нам оставили наши отцы, получив его уже от предков. И вот, так как вы пожелали услышать и от меня то, что и сами хорошо знали, я, с вашего позволения, опишу вам особенности этого государственного устройства, докажу, что оно — наилучшее, и, представив как образец наше государство, отнесу к нему, если сумею, всю свою речь о наилучшем государственном устройстве, которую мне предстоит произнести. И если мне удастся последовательно рассмотреть этот вопрос, то задачу, которую Лелий на меня возложил, я, думается мне, выполню с лихвой.

(XLVII, 71) *ЛЕЛИЙ*. — Задача эта тебе, Сципион, по силам, и притом одному тебе. В самом деле, кто мог бы лучше тебя говорить об установлениях предков, когда ты сам происходишь от прославленных предков[161]? Или о наилучшем государственном устройстве? Ведь если у нас таковое существует (впрочем, именно в настоящее время его нет), то кто мог бы занять более выдающееся положение, чем ты? Или о решениях, которые надо будет принимать? Ведь именно ты, дважды отвратив от нашего города страшную опасность[162], проявил свою способность предвидеть будущее.

Наиболее известные фрагменты из первой книги

1. Не [пишу я] для ученых. Чтоб Манилий, Персий
Прочитали, не хочу. Пусть Юний Конг читает[163].

2. Итак, раз отчизна сулит нам больше благодеяний и является родительницей, более древней, чем тот, кто нас произвел на свет, то ей, конечно, следует воздать благодарность бо**л**ьшую, чем та, какую следует воздать родителю[164] (*Ноний*, 426, 9).

3. Усвой себе, заклинаю тебя Геркулесом, это обыкновение, стремления и высказывания (*Ноний*, 276, 5).

4. Конечно, все рассуждения этих людей, хотя и содержат богатейшие источники доблести и знаний, все же, при сопоставлении с их деяниями, пожалуй, не столько принесли им пользу, сколько развлекали их на досуге (*Лактанций*, “Institut. div.”. III, 16, 5).

5. Да и Карфаген не обладал бы, без продуманных решений и распорядка, таким могуществом на протяжении почти шестисот лет[165] (*Ноний*, 526, 5).

ПРИМЕЧАНИЯ
О ГОСУДАРСТВЕ. Книга I.

1. Начало введения утрачено. В квадратных скобках, как и ниже, помещена конъектура. Ср. Цицерон, «О старости», 75; «Тускуланские беседы», I, 89.
2. *Гай Дуелий* во время первой пунической войны одержал победу над карфагенянами в морском бою под Милами в 260 г.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
3. *Авл Атилий Калатин* — консул 258 и 254 гг., диктатор 249 г., в 253 г. взял Панорм. См. Полибий, Всеобщая история, I, 38.
4. *Луций Цецилий Метелл* — консул 251 и 247 гг., диктатор 222 г., разбил Гасдрубала под Панормом. Метеллы, важнейшая ветвь плебейского Цецилиева рода, дали многочисленных консулов. См. Гней Невий (около 270—200):

Злой рок дает Метеллов Риму в консулы!

(*Перевод Ф.А. Петровского*)

5. Гней Корнелий Сципион Кальв — консул 222 г., был разбит Ганнибалом в 218 г. на реках Тицине и Требии; вместе с братом Публием Сципионом, консулом 218 г., пал в сражении с Гасдрубалом в Испании. Ср. Цицерон, речи: «I речь о земельном законе», 5; «В защиту Бальба», 34; «В защиту Планция», 60.
6. *Квинт Фабий Максим Веррукос* — консул 233, 228, 215, 214 и 209 гг., диктатор 221 и 217 гг., за свою тактику изматывания противника получил прозвание Кунктатора (Медлитель). См. Энний, «Анналы», фрагм. 306 Уормингтон:

Нам один человек республику спас промедленьем.

К Ганнибалу в то время примкнули некоторые италики, отпавшие от Рима, в частности Капуя. См. Цицерон, «Письма к Аттику», II, 19, 2 (46).
7. *Марк Клавдий Марцелл* — консул 222, 215, 214, 210, 208 гг., одержал в 216—215 гг. победы под Нолой и взял Сиракузы в 212 г. См. Цицерон, «Речи против Верреса», (II) IV, 115.
8. *Публий Корнелий Сципион Старший* разбил в 202 г. Ганнибала под Замой в Африке. Как триумфатор он получил прозвание «Африканский». См. прим. 19 к кн. VI.
9. *Марк Порций Катон Старший* (Цензорий) — (235—149), родом из Тускула, был консулом в 196 г. и цензором в 184 г. В глазах Цицерона — образец древней римской доблести. Цицерон назвал его именем свой трактат «О старости».
10. Homo novus. Так называли человека, не принадлежащего к сословию сенаторов, который первым в своем роду добивался или добился избрания в консулы. См. Цицерон, «Речь в защиту Мурены», 17; Квинт Цицерон, «Краткое наставление по соисканию консульства», I, 1; Саллюстий, «Югурта», 85, 13, 14, 25.
11. Otium. В данном случае — отказ от государственной деятельности ради занятий литературой и философией. Противоположное понятие — negotium, общеполезная деятельность. См. Цицерон, «О дружбе», 104.
12. Эпикурейцы, которых Цицерон осуждал за их политический абсентеизм; см. ниже, § 8 сл.: «Речь против Писона», 42, 59, 69; «Письма к близким», XIII, 1, 4 (198); Лукреций, «О природе вещей», II, 1 слл.
13. Имеется в виду политическая деятельность. Частая у древних метафора. Ср. Алкей, фр. 47 А; Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 46; Гораций, Оды, I, 14; Послания, II, I, 114.
14. В данном случае имеется в виду понятие ananke (*греч.*) стоической философии: сознаваемый человеком долг поступать доблестно. См. Цицерон, «О природе богов», I, 55.
15. *Ius gentium*. Во времена родового строя — междуродовое и междуплеменное право, субъектом которого был род или племя. С разложением родового строя и образованием государства оно разделилось на: 1) внутреннее право римской общины — право квиритов (ius Quiritium), впоследствии получившее название цивильного, или гражданского, права (ius civile), и 2) право, регулирующее внешние отношения римского государства, т.е. международное право, ius gentium; другие его названия — право войны и мира (ius belli et pacis), фециальный устав (ius fetiale); см. кн. II, § 31. Ius gentium определяло также и права иностранцев в римском государстве. См. прим. 53 к кн. II.
16. *Ксенократ* — 396—314 гг., родом из Халкедона, был учеником Платона; после Спевсиппа стоял во главе Академии.
17. *Imperium*. В древнейшую эпоху совокупность прав царя. В эпоху республики полнота власти высших магистратов (консулов и преторов), ограниченная коллегиальностью и годичным сроком, а в пределах померия (сакральная городская черта города Рима) также и интерцессией плебейских трибунов и правом провокации (апелляция к народу), которым

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
обладал римский гражданин. Империй слагался из права авспиций (см. прим. 11 к кн. II), набора войска и командования им, созыва куриатских комиций, права принуждения и наказания и юрисдикции. Различался imperium domi, т.е. власть в пределах померия, и imperium militiae, т.е. вся полнота власти вне померия — в Италии и в провинциях — как в мирное, так и в военное время. Магистрату, уже облеченному гражданской властью (potestas), империй предоставлялся изданием особого куриатского закона (lex curiata de imperio). Магистрат, обладающий империем, не имел права вступать в пределы померия. В I в. единый империй сохранился только у наместников провинций: он не был ограничен ни интерцессией, ни правом провокации и часто продолжался больше года. Под imperium maius разумели верховное командование с особыми полномочиями.

18. *Ius publicum* — совокупность правовых норм, определяющих взаимоотношения между государством и гражданином, а также и между гражданами, когда эти взаимоотношения имеют значение для государства в целом.

19. Энний, «Анналы», фрагм. 600 Мюллер. Квинт Энний (239—169), автор исторической хроники «Анналы» и ряда трагедий и комедий, ввел в римскую поэзию гексаметр, заменив им старинный сатурнический стих. Энний был связан дружескими отношениями с Корнелиями Сципионами. См. Цицерон, «Речь в защиту Архия», 22; «Об ораторе», II, 276; Гораций, Послания, II, I, 50.

20. В § 4 приводятся возражения эпикурейцев. О самопожертвовании см. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 116.

21. *Мильтиад*, греческий стратег V века, одержал победу над персами под Марафоном в 490 г. После неудачной экспедиции против Пароса был обвинен афинянами в том, что дал себя подкупить, присужден к штрафу в 500 талантов и заключен в тюрьму, не будучи в состоянии его заплатить. См. Цицерон, «Речь в защиту Сентия», 141; Корнелий Непот, «Жизнь Мильтиада», VII, 5—6.

22. *Фемистокл* участвовал в победе над персами в морском бою под Саламином; был изгнан из Афин в 471 г. и умер в Магнесии в 461 г. См. Цицерон, «Речь в защиту Архия» 20; «Речь в защиту Сестия», 141; «Речь в защиту Скавра», 3; «Письма к Аттику», VII, 11, 3 (303); IX, 10, 3 (364). «*Варварская страна*» — всякая страна, населенная не греками и не римлянами.

23. *Марк Фурий Камилл* — военный трибун с консульской властью, в начале IV в. завоевал Вейи и одержал победу над вольсками; обвиненный в утайке военной добычи, он в 391 г. удалился в изгнание и был возвращен в Рим в 390 г., во время нашествия галлов. См. Ливий, VII, 1.

24. *Гай Сервилий Структ Агала* — помощник диктатора Луция Квинкция Цинцинната (середина V в.), убил римского всадника Спурия Мелия, обвиненного в стремлении к единовластию; Агала также был обвинен в таком же стремлении. См. Цицерон, речи: «I речь против Катилины», 3; «О доме», 86; 101; «В защиту Сестия», 143; «В защиту Милона», 8; «II филиппика», 26.

25. *Публий Корнелий Сципион Насика Серапион* — консул 138 г., считался виновником гибели Тиберия Гракха (133 г.).

26. *Публий Попилий Ленат* — консул 132 г., противник Гракхов, был изгнан в 123 г. по предложению Гая Гракха. См. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 37 сл.; «К квиритам по возвращении из изгнания», 6, 9, 11; «О доме», 82, 87.

27. *Луций Опимий* — консул 121 г., противник Гая Гракха, в 115 г. был главой посольства, отправленного для переговоров с Югуртой; в 110 г. он был обвинен в получении взятки от Югурты и осужден на изгнание. См. Цицерон, речи: «К квиритам по возвращении из изгнания», 11; «В защиту Сестия», 140; «Против Писона», 95; «В защиту Планция», 69; «Брут», 128.

28. *Квинт Цецилий Метелл Нумидийский* — консул 129 г., победитель Югурты, добровольно удалился в изгнание, отказавшись дать клятву в соблюдении земельного закона Луция Апулея Сатурнина. См. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 25; «О доме», 22; «В защиту Сестия», 37, 101; «Письма к Аттику», I, 16, 4 (22).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
29. Бегство из Италии после неудачи в борьбе против Суллы. *Гай Марий*, бывший родом из Арпина, как и Цицерон, был консулом в 107, 104—100 и 86 гг.; победитель кимвров и тевтонов. Цицерон часто говорит о Марии как о «спасителе отечества»; см. речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 38; «К квиритам по возвращении из изгнания», 7, 9 сл.; «В защиту Сестия», 37 сл., 116; «Против Писона», 43; «В защиту Милона», 8 сл., 83.
30. Имеются в виду жертвы сулланских проскрипций 82 г.
31. Цицерон имеет в виду свое консульство 63 г. (подавление движения Катилины) и свое изгнание в 58 г. Из числа друзей Цицерона эпикурейцами были Тит Помпоний Аттик и Марк Марий; см. Цицерон, «Письма к близким», VII, 1 (127).
32. В последний день консульства Цицерона (29 декабря 63 г.) трибун Квинт Цецилий Метелл Непот не позволил ему обратиться к народу с речью. См. Цицерон, «Речь против Писона», 6; письма: «К близким», V, 2, 7 (14); «К Аттику», I, 16, 5 (22).
33. Оптиматы («*честные люди*») высоко оценили действия консула Цицерона, направленные на подавление движения Катилины: Луций Аврелий Котта предложил устроить благодарственные молебствия богам; Луций Геллий признал его заслужившим «гражданский венок», которым награждали за спасение жизни римского гражданина; Квинт Лутаций Катул провозгласил его «отцом отечества». См. Цицерон, речи: «III речь против Катилины», 15; «Против Писона», 6. См. ниже, прим. 125.
34. Ср. Цицерон, «Брут», 305—319; «Об ораторе», I, 2.
35. Ср. Цицерон, «III речь против Катилины», 1.
36. Цицерон употребляет слово «родина» в двояком значении: 1) место рождения и 2) отечество — как понятие юридическое; ср. «О законах», II, 5;, «Об обязанностях», I, 53.
37. Ср. Платон, «Критон», 51 А—С. Весь § 8 направлен против политического абсентеизма эпикурейцев.
38. Ср. Платон, «Государство», I, 347 С.
39. Ср. Лукреций, «О природе вещей», V, 1117 слл.
40. Имеется в виду борьба с движением Катилины.
41. Ср. Цицерон, «II речь о земельном законе», 1 сл.; «Письма к Аттику», II, 3, 4 (29).
42. Фалес Милетский, Солон Афинский, Биант Приенский, Питтак Митиленский, Клеобул Линдский, Периандр Коринфский, Хилон Спартанский. См. Цицерон, «Об ораторе», III, 137.
43. Обращение к брату Квинту, вместе с которым Цицерон ездил в 79—77 гг. в Грецию. По-видимому, диалог был обращен к Квинту Цицерону.
44. *Гай Семпроний Тудитан* и *Маний Аквилий* были консулами в 129 г. *Латинские празднества* ежегодно справлялись на Альбанской горе в честь Юпитера Лациара, покровителя Латинского союза, вначале под главенством Альбы-Лонги, а впоследствии Рима: ночное жертвоприношение с закланием белого быка. Они продолжались три дня; в 129 г. они были в январе-феврале. См. Лукан, «Фарсалия», 1, 550; V, 402.
45. Ср. Платон, «Критон», 1. Цицерон в точности повторяет начало этого диалога.
46. Имеются в виду потрясения в государстве, связанные с земельной реформой Тиберия Гракха.
47. Так называемые парелии. Если в воздухе носятся мелкие призматические кристаллы льда, то вокруг солнца бывают видны круги и проходящие через солнце вертикальные или горизонтальные полосы, которые в пересечении с окружающим солнце кругом дают усиленное освещенное пятно, называемое ложным солнцем. Обычно таких солнц наблюдаются два, но если одно из них закрыто тучей или находится ниже горизонта, то видно только одно ложное солнце. Такое явление наблюдалось в 129 г. Впоследствии его сочли предвестником смерти Сципиона Эмилиана. См. Цицерон, «О природе богов», II, 14; «О предвидении», I, 97. (*И.В.*).
48. *Панэтий Родосский* (род. около 172 г.) — философ-стоик, друг Сципиона Эмилиана и Лелия, наставник Гая Фанния, Квинта Муция Сцеволы Авгура, Публия Рутилия Руфа и Квинта Элия Туберона; автор сочинений по астрономии и философии, в частностях трактата

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
«Об обязанностях», послужившего образцом для одноименного диалога Цицерона. См. Цицерон, «Письма к Аттику», XVI, 11, 4 (799).
49. См. Ксенофонт, «Меморабилии», I, 1, 11 сл.; IV, 7, 2 слл. Ср. Цицерон, «Брут», 31; «Тускуланские беседы», V, 10.
50. *Пифагор Самосский* (вторая половина VI в.) родился на Самосе в эпоху правления тиранна Поликрата, союзника египетского фараона Амасиса. Самос был крупным центром инженерного искусства того времени (водопровод Евпалина и другие постройки). Благодаря связям с Египтом Пифагор мог познакомиться с основными интервалами (терция и квинта) струнных инструментов, а также и с архитектурой и скульптурой Египта; в последних давались числовые отношения размеров различных деталей здания (или частей тела), выраженных в некоторых единицах (модулях). Установив длину модуля по заданной совокупности отношений между частями, можно полностью восстановить соответствующее здание или фигуру. Таким образом, числа (у Пифагора целые) являлись «природой всех вещей»; в отличие от иранийцев, обращавших внимание на «материю», Пифагор интересовался «формой», выражая ее численными отношениями. Отсюда родился математический атомизм Пифагора. Переехавши из Самоса в Италию, Пифагор основал тайное общество, вступление в которое требовало значительной предварительной подготовки. Нельзя, конечно, считать Пифагора родоначальником мышления в математике, но очень существенно, что он обучал не столько различным теоремам геометрии, сколько умению их доказывать; на это указывает очень большое количество связанных с ним педагогических высказываний, сохранившихся у Ямвлиха («Жизнь Пифагора»). Очень трудно определить, какие математические теоремы были открыты Пифагором, если таковые существовали вообще (так называемая теорема Пифагора была известна вавилонянам за полторы тысячи лет до Пифагора), так как Пифагору приписывались все математические открытия, сделанные его учениками. После разгрома пифагорейских общин в южной Италии пифагорейцы разбрелись по всему греческому миру; оставшиеся влились в Академию Платона. (*И.В.*)
51. Архит Тарентский (около 400 г.) — был государственным деятелем, полководцем, математиком и механиком. Ему принадлежит решение задачи об удвоении куба и первая книга по механике. *Тимей Локрийский* был пифагорейцем. В его честь Платон назвал один из своих диалогов. Филолай известен своей космологической теорией, по которой Земля и «противоземлие» (антихтон) вращались вокруг центрального огня. (*И.В.*)
52. Дома римляне носили сандалии, вне дома — башмаки особого покроя, укреплявшиеся ремнями; патриции — башмаки красного цвета, сенаторы — черного. Выходя из дому, римляне надевали поверх туники (рубашки) тогу; см. ниже, прим. 98. Сципион оделся, уступая требованиям этикета. Ср. Цицерон. «Речи против Верреса», (II) V, 86.
53. *Портик* (галерея) для прогулок, называвшийся также и ambulatio, был принадлежностью римского загородного дома. Ср. Цицерон, «Письма к брату Квинту», III, 1, 1 (145).
54. По Виллиеву закону 180 *г.* (lex Villia annalis), магистратуры предоставлялись только после военной службы с промежутком в три года между каждой из них: квестура в возрасте не менее 27 лет, эдилитет — 30, претура — 33, консулат — 36. По Корнелиеву закону 81 г. (закон Суллы, lex Cornelia de magistratibus), квестура — не ранее 29-летнего возраста, претура (после обязательного 10-летнего промежутка) по достижении 39, консулат — 42 лет; второй консулат — только через 10 лет после первого. Избрание в указанном возрасте называлось избранием в «свой год» (suo anno). Бывший консул назывался консуляром (vir consularis), бывший претор — преторием, бывший эдил — эдилицием, бывший квестор — квесторием, бывший трибун — трибуницием. В 132 г. был издан Пинариев закон о магистратурах, положения его нам неизвестны; см. Цицерон, «Об ораторе», II, 261.
55. Представление, что мир (для Цицерона с вселенной отождествляется римская держава) есть общее жилище богов и людей, соответствует учению пифагорейцев. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 153; «О законах», I, 61.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
56. *Интердикт* — приказ претора, предписывавший или запрещавший то или иное действие. Далее в виде шутки приводится преторская формула насчет владения имуществом. Ср. Цицерон, «Речь по делу Цецины», 23, 36, 40, 55, 59.
57. *Публий Муций Сцевола* — консул 133 г., верховный понтифик, юрист, противник насильственных мер против Тиберия Гракха. См. Цицерон, «О законах», II, 47; «Об ораторе», I, 240, 242.
58. *Гай Сульпиций Галл* — астроном и политический деятель; претор в 169 г., легат Луция Эмилия Павла во время завоевания им Македонии (см. ниже, § 23), консул в 166 г. вместе с Марком Клавдием Марцеллом. См. Цицерон, «О старости», 49; «Брут», 78.
59. *Архимед* — 287—212 гг., знаменитый сиракузский механик и математик, военный инженер царя Гиерона, ученик математика и астронома Конона; написал ряд сочинений, в которых определил площади и объем различных фигур и тел, дал построение длины окружности при помощи «архимедовой спирали», а также вычислил значение числа π (пи) — отношения окружности к диаметру. В механике ввел понятие о центре тяжести, определил положение последнего для ряда фигур и тел и установил закон равновесия плавающих тел. Под конец жизни занимался астрономией, определял размеры мира («Псаммит») и построил астрономическую сферу, воспроизводившую движение небесных тел. Архимед был активным защитником Сиракуз против римлян; при взятии последними Сиракуз в 212 г. был убит. (*И.В.*) Во время своей квестуры в Сицилии Цицерон разыскал могилу Архимеда. См. Цицерон, «Речи против Верреса», (II) IV, 131; «Тускуланские беседы», I, 63; V, 63 слл.; Овидий, «Фасты», VI, 277; Плутарх, «Марцелл», 19.
60. Храм, построенный Марком Клавдием Марцеллом за Капенскими воротами Рима по обету, данному перед сражением под Кластидием в 222 г. Храм имел два отделения — божества Чести и божества Доблести. См. Ливий, XXIX, 11; Плутарх, «Марцелл», 20.
61. *Фалес Милетский* — (около 624—548), один из «семи мудрецов» Греции; занимался философией, математикой и астрономией (см. ниже, § 25); считал началом всего воду.
62. *Евдокс Книдский* — (около 350 г.), знаменитый греческий математик; дал определение отношений несоизмеримых величин и метод «исчерпывания» для определения площадей и объемов; автор кинематической модели движения планет при помощи комбинаций концентрических сфер (сложение вращений вокруг пересекающихся осей). (И.В.)
63. Арат — 315—240, член кружка македонского царя Антигона Гоната, затем придворный поэт сирийского царя Антиоха I, автор астрономической поэмы «Феномены», излагающей астрономические теории Евдокса. Эту поэму Цицерон перевел в молодости; до нас дошли отрывки его перевода. См. ниже, § 56; «О законах», II, 7; «Об ораторе», I, 69; Макробий, «Сатурналии», I, 18, 15. (*И.В.*)
64. Известные в то время планеты Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн.
65. *Мета* — три составленных вместе конических столба, находившиеся на каждом из концов продольной стенки или насыпи, перегораживавшей беговую дорожку римского цирка. Здесь коническая тень, падавшая на луну во время ее затмения (при движении солнца вокруг земли, по геоцентрической теории). См. Плиний, «Естественная история», II, 10, 47.
66. *Луций Эмилий Павел Македонский* — консул 182 и 168 гг., отец Сципиона Эмилиана; разбил македонского царя Персея под Пидной в 168 г. и покорил Македонию.
67. Имеется в виду Пелопоннесская война (431—404).
68. *Перикл* — 493—429 гг., был главой демократической партии в Афинах. Упоминаемое здесь затмение солнца произошло в 431 г. См. Плутарх, «Перикл», 35.
69. *Анаксагор Клазоменский* — (около 510—426 гг.) афинский философ; занимался квадратурой круга, автор теории гомойомер, в которой утверждалась возможность бесконечной делимости тела, причем получающиеся сколь угодно малые части имели ту же природу, что и первоначальное тело. Анаксагор первым открыл причину затмений солнца и луны. (*И.В.*)
70. Энний, «Анналы», фрагм. 166 Уормингтон. Цицерон следует датировке Полибия, согласно которой Рим был основан в 750 г. Таким образом, 350 г. по основании Рима соответствует 400

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
г. до н.э. Ноны — седьмое число месяцев марта, мая, квинктилия (июль) и октября и пятое число остальных месяцев. Энний допустил ошибку: упоминаемое им затмение солнца произошло 21 июня 400 г.
71. Верховный понтифик вел летопись о важнейших событиях, в частности консульствах. В 131 г. понтифик Публий Муций Сцевола переработал имевшиеся записи и выпустил их в 80 книгах под названием “Annales maximi”. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 52.
72. 7 июля 708 г. Ср. ниже, II, 17; Ливий, I, 16; Плутарх, «Ромул», 27.
73. *Квиритами* (populus Romanus Quiritium) первоначально назывались мужчины-патриции, способные носить оружие, не военные. О квиритском праве см. выше, прим. 15.
74. *Nexum*. В широком смысле — соглашение между римскими гражданами, заключавшееся при свидетелях с совершением символических действий и произнесением установленной формулы (манципация). В тесном смысле — акт ссуды или займа, причем должник обязывался, в случае неуплаты в срок, признать себя осужденным (damnas) и предоставить себя в распоряжение заимодавца; он становился nexus и, по закону, сохраняя гражданские права, фактически был на положении раба и должен был отработать свой долг, чтобы освободиться (nexi liberatio); в древнейшие времена он мог быть продан в рабство «за Тибр» и даже казнен; nexum было запрещено Петелиевым-Папириевым законом (около 236 г.).
75. Ср. Платон, «Государство», I, 347 В.
76. *Публий Корнелий Сципион Африканский Старший* — о нем, по-видимому, писал Катон Старший в своем историческом сочинении «Начала» (Origines). См. Цицерон. «Речь в защиту Планция», 66.
77. Сиракузский тиранн *Дионисий Старший* — 406—367 гг.; ср. кн. III, 43.
78. См. Цицерон, «Письма к Аттику», I, 18, 1 (24).
79. Понятие апатии стоиков.
80. Четыре характерные черты «мудрости» стоиков. Ср. Гораций, Послания, I, I, 106 сл.:

Словом, мудрец — одного лишь Юпитера ниже: богат он,
Волен, в почете, красив; наконец, он и царь над царями.

(*Перевод Н.С. Гинцбурга*)

81. Ср. Цицерон, «О дружбе», 27; «О пределах добра и зла», III, 29.
82. *Секст Элий Пет Кат* — консул 198 г., юрист и оратор. См. Цицерон, «Письма к близким», VII, 22 (762); «Об ораторе», I, 198; III, 133; «Тускуланские беседы», I, 18; «Брут», 78; Энний, «Анналы», фрагм. 326 Уормингтон.
83. О *Сульпиции Галле* см. выше, § 21 сл.
84. Энний, «Ифигения», фрагм. 249 сл. Уормингтон; Овидий, «Фасты», V, 111 слл. Многие созвездия носили имена животных. Ахилл насмехается здесь над пророчеством Калханта.
85. *Марк Пакувий* (220—130), «Антиопа». Трагический поэт Пакувий принадлежал к кружку Сципиона Эмилиана. Ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 155.
86. Энний, «Неоптолем», фрагм. 400 Уормингтон. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», II, 1; «Об ораторе», II, 156; Вергилий, «Энеида», II, 491; Авл Геллий, V, 15, 9; 16, 5.
87. Туберон, племянник Сципиона Эмилиана; см. выше, § 14 сл., «Речь в защиту Мурены», 75 сл. Патрицианский Элиев род делился на ветви: Тубероны, Петы, Галлы, Ламии. Элии, как и Юлии, вели свой род от богов. [Род Элиев был плебейским. Так, один из представителей рода Элиев Туберонов был народным трибуном в 194 г. до н.э. (Ливий, XXXIV, 53, 1). — Прим. О. Любимовой.]
88. *Тиберий Гракх* был плебейским трибуном в 133 г. Воображаемая дата диалога «О государстве» — 129 г. (год смерти Сципиона Эмилиана).
89. Брат консула 133 г. Публия Муция Сцеволы, усыновленный Публием Лициниием Крассом и получивший имя *Публия Лициния Красса Муциана*; консул 131 г. Его считали одним из авторов земельного закона Тиберия Гракха. См. Цицерон, «Брут», 98.
90. *Аппий Клавдий Пульхр* — тесть Тиберия Гракха, консул 143 г. и цензор 137 г., поддерживал Тиберия Гракха и был противником Сципиона Эмилиана.
91. *Квинт Цецилий Метелл Македонский* — консул 143 г.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
92. Лелий говорит о Сципионе Эмилиане. Подчеркивается, что государство нуждается в выдающейся личности, которая могла бы бороться с Гракхами.
93. *Союзниками* (socii) назывались городские общины Италии, заключившие с Римом союзный договор (foedus), который обязывал их предоставлять Риму войска. Договор этот мог быть равным (f. aequum) или неравным (f. iniquum). В первом случае союзники юридически были суверенными, во втором они признавали над собой величество римского народа (maiestas populi Romani) и теряли свою самостоятельность. В особом положении были городские общины Лация, т.е. ближайшие и древнейшие союзники Рима (prisci Latini, древние латиняне); при переселении в Рим их члены пользовались всеми гражданскими правами. Из числа этих общин, после их последнего восстания против Рима в 340 г., сохранили самостоятельность лишь немногие — их члены сохранили только право вступать в браки с римлянами (ius conubii) и право вести с ними торговлю (ius commercii), — а остальные были превращены в муниципии, т.е. общины с ограниченными гражданскими правами (civitas sine suffragio). Союзники и латиняне получили полные права римского гражданства только в 90 г. на основании Юлиева закона, изданного по окончании Союзнической войны.
94. Имеется в виду комиссия по проведению земельной реформы Тиберия Гракха.
95. Имеется в виду concordia ordinum — согласие и сотрудничество между сословиями сенаторов и римских всадников, Цицерон считал такое согласие основой римской государственности. Ср. выше, § 31. См. «Речь против Писона», 7; «Письма к Аттику», I, 14, 4 (20); 17, 10 (23); 18, 3 и 7 (24).
96. *Полибий* (около 210—125) — грек, привезенный в Рим в 168 г. в качестве заложника; учитель сыновей Луция Эмилия Павла; сопровождал Сципиона Эмилиана во время пунической и нумантинской войн и принадлежал к его кругу; написал «Всеобщую историю» в 40 книгах; сторонник смешанной формы государственного устройства. О Панэтии см. выше, прим. 48.
97. Сципион считает себя продолжателем политических традиций Корнелиев Сципионов и Эмилиев. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 116.
98. Т.е. римского гражданина. *Тога* — шерстяная верхняя одежда римских граждан: мужчин и детей. Кусок ткани овальной формы, который по определенным правилам обертывали вокруг тела. Курульные (старшие) магистраты носили тогу с пурпурной каймой (toga praetexta), как и мальчики. На 16-м году жизни мальчик сменял детскую тогу на белую (t. virilis, t. libera, t. pura), после чего его записывали в члены трибы. Выбеленную мелом тогу (t. candida) носили лица, добивавшиеся магистратур («кандидаты»). Слово togatus означало: 1) римский гражданин, 2) магистрат, не применяющий военной силы.
99. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 91 слл.; Лукреций, V, 922—1455.
100. *Est …res publica res populi. “Res”* как юридический термин — предмет, используемый человеком. В историческую эпоху термин “res publica” означал имущество, находящееся в общем, всенародном пользовании; таким образом, римское государство было предметом, используемым гражданской общиной (civitas Romana), идентичной греческому полису. *Populus* представляется юридическим лицом.
101. Взгляд Полибия (VI, 5, 4).
102. Ср. Аристотель, «Политика», I 1253а: человек по своей природе существо общественное.
103. Три формы государственного устройства подробно рассмотрены Полибием (VI, 3 сл.) и Платоном, «Государство», VIII.
104. *Кир Старший* — 600—529 гг. См. Ксенофонт, «Воспитание Кира»; Геродот, «История», I, 46 слл. См. Цицерон, «Письма к Квинту», III, 1, 8 (145).
105. *Патронат* и *клиентела* — в древнейшую эпоху отношения между патрицием и зависевшими от него людьми, возможно, из покоренного населения: патрон покровительствовал и помогал клиенту; клиенты поддерживали патрона при соискании магистратур и пр. Впоследствии отношения между влиятельным лицом и его вольноотпущенниками или городской общиной, между бывшим наместником провинции и ее населением; они были преемственными. — *Массилия* (ныне Марсель) — колония фокидян,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
основанная около 600 г.; во II в. прибегала к помощи Рима во время войн; поэтому Эмилиан и говорит о клиентах. См. Цицерон, речи: «В защиту Фонтея», 3; «В защиту Флакка», 63.
106. *Ареопаг* — высший государственный совет Афин; вначале он был составлен из аристократов, занимавших в прошлом должность архонтов. В середине V в. за ареопагом была сохранена только судебная власть по делам об убийстве.
107. *Фаларид* — тиранн Агригента (570—554), приказавший изготовить полого медного быка, в котором заживо сжигали людей. См. Цицерон, «Речь против Верреса», (II) IV, 73; «Письма к Аттику», VII, 20, 2 (317); Овидий, «Метаморфозы», I, 653.
108. Правление Тридцати тираннов (404—403).
109. Имеется в виду учение *о круговороте* государственных форм. См. вводную статью С.Л. Утченко, стр. 163 и 169. Ср. ниже, II, 45; «Речь в защиту Планция», 93; «Письма к Аттику», II, 9, 1 (36); 21, 2 (48); «О предвидении», II, 6.
110. Ср. Платон, «Государство», VIII, 543 A — 545 C.
111. Ср. Цицерон, «О законах», III, 31; «Письма к близким», I, 9, 12 (159); Платон, «Законы», IV, 711 C; Ксенофонт, «Воспитание Кира», VIII, 8, 3.
112. Имеется в виду ambitus (буквально — обход по очереди), действия кандидата с целью расположить избирателей в его пользу; допустимым считалось обратиться к гражданину по имени и взять его за руку; недопустим был подкуп в любой форме, считавшийся преступлением (crimen de ambitu). Для борьбы с подкупом был издан ряд законов: Корнелиев закон карал запретом занимать магистратуры в течение 10 лет; Кальпурниев-Ацилиев закон 67 г. — штрафом и полным запретом занимать магистратуры; Туллиев закон 63 г. запрещал денежное вознаграждение, зрелища для народа и угощение народа по трибам и карал 10-летним изгнанием. См. ниже, § 51; речи: «В защиту Суллы»; «В защиту Планция»; «Письма к Аттику», IV, 15, 7 (142); Квинт Цицерон, «Наставление по соисканию консульства».
113. Римский сенат.
114. *Iudices delecti*. Судьи, для слушания данного дела отобранные городским претором (praetor urbanus) из общего списка судей (album iudicum, iudices selecti).
115. Под римским владычеством Родос пользовался некоторой автономией. В 167 г., после битвы под Пидной, сенат решил начать против Родоса войну ввиду его недружественного поведения во время войны с Македонией. Против этого выступил Катон Цензорий. См. Авл Геллий, VI, 3, 15.
116. Сципион говорит об Афинах своего времени. Впоследствии Афины оказались на стороне Митридата VI Евпатора, были взяты Суллой в 88 г. и утратили свою автономию.
117. Сципион приводит мнение сторонников демократии.
118. Ср. Саллюстий, «Катилина», 10, 4; «Югурта», 5, 2.
119. Речь идет о народе как источнике права. См. выше, § 39 и прим. 100.
120. Ср. Саллюстий, «Катилина», 6—13; «Югурта», 41 сл.; Послания к Цезарю, II, 7.
121. Энний, «Тиест», фрагм. 303 Мюллер. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 26.
122. В историческую эпоху под термином lex понимали писаный закон. Ср. Цицерон, «О законах», I 18; Юстиниан, «Институции», II, 1, 11.
123. *Царем (rex*) называли Юпитера; см. ниже, § 56. — *Тираннией* называлась сложившаяся в VI—IV вв. форма правления в греческом полисе, возникавшая после захвата власти лицом, часто принадлежавшем к знати, но опиравшимся на народ и действовавшим от его имени. При некоторых тираннах полисы достигли расцвета. Впоследствии тиранния стала предметом ненависти народных масс. Цицерон в большинстве случаев придает понятию «тиранн» отрицательное значение. См. «Об обязанностях», III, 19, 32, 82; письма: «К Аттику», XIV, 14, 4 (720); «К близким», XII, 1, 2 (724); Вергилий, «Энеида», IV, 320.
124. В Спарте царская власть была наследственной, в Риме, согласно традиции, — выборной.
125. *Optimus*. Частая у Цицерона игра слов; optimus (наилучший, «честнейший») — оптимат.
126. «*Случайность*» — избрание правителей по жребию (Афины). Частое у древних сравнение государства с кораблем. См. выше, прим. 13.
127. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 96 слл.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
128. Имеется в виду подкуп избирателей.
129. Ср. Цицерон, «О законах», III, 28 слл.
130. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 50; II, 78. «*Почет*» (см. ниже) — избрание в консулы.
131. Об *Арате* см. прим. 63. Обращаться к Зевсу, начиная речь, — античная традиция. Ср. Цицерон, «О законах», II, 7; Вергилий, «Сельские поэмы», III, 60; Феокрит, «Идиллии», XVII, 1.
132. Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 4; Гомер, «Илиада», I, 527 сл.; Вергилий, «Энеида», IX, 105; X, 2, 115.
133. *Варварами* греки называли всех не греков, а римляне — всех не греков и не римлян.
134. Согласно традиции, цари были изгнаны из Рима в 509 г.; диалог отнесен к 129 г.
135. Царь Тарквиний Гордый.
136. Царь Сервий Туллий.
137. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 78. Об *Архите* см. выше, § 16.
138. *Familia rustica* — рабы, находящиеся в усадьбе, в сельской местности, в отличие от familia urbana — рабов, находящихся в городском доме, в Риме.
139. Ср. выше, §§ 2 и 51.
140. Имеется в виду Марк Фурий Камилл. См. выше, § 6; Ливий, V, 32.
141. Согласно традиции, это были Луций Брут и Коллатин; последний вскоре вернулся к частной жизни, и на его место был избран Публий Валерий Публикола (Попликола). Эти магистраты вначале назывались преторами, т.е. идущими впереди (войска), — от глагола praeire; впоследствии — консулами.
142. *Fasces* — связки прутьев, принадлежность ликторов, почетной охраны магистратов с империем; вне пределов померия в эти связки втыкались секиры. При диктаторе было 24 ликтора, при консуле — 12, при преторе — 2 в Риме и 6 в провинции. Ликторы приводили в исполнение наказания, а в провинции также и смертную казнь. См. ниже, кн. II, 53; Ливий, II, 7. Связки были опущены перед народом в знак признания его верховной власти.
143. Согласно традиции, *провокация* к народу (апелляция со стороны гражданина, осужденного на смерть) восходит к правлению царя Тулла Гостилия: случай с победителем Горацием, убившим свою сестру за то, что она оплакивала смерть своего жениха Куриация, врага Рима. Традиция знала три Валериевых закона о провокации — 509, 445 и 300 гг. Исторически достоверен только последний из них, приписывавшийся Публию Валерию Попликоле (прим. 141). См. ниже, кн. II, 53 слл.; речи: «Об ответах гаруспиков», 16; «В защиту Милона», 7; Ливий, I, 26; X, 9.
144. Известно пять случаев такого «*ухода*» плебса из Рима, в связи с его борьбой за свои права: в 494 и 449 гг.: на Авентинский холм, в 445 г. на Яникул, в 342 и 287 гг.
145. *Апелляция* — жалоба на действия магистрата, обращенная к равному или к высшему магистрату.
146. Скорее всего имеются в виду чрезвычайные полномочия, которые сенат предоставлял консулам в случае крайней опасности для государства, вынося особое постановление, так называемое senatus-consultum ultimum или s.-c. de re publica defendenda по формуле: Videant consules, ne quid detrimenti res publica capiat (Да примут консулы меры, дабы государство не понесло ущерба). Оно давало консулам право казнить римского гражданина без формального суда. Впервые оно было принято в 121 г. для борьбы с движением Гая Гракха, затем в 100 г. для борьбы против Сатурнина, в 77 г. против Лепида, в 63 г. против Катилины, затем в 62, 52, 49, 48 и 40 гг.
147. Имеется в виду диктатор, которого назначают. См. Ливий, II, 18.
148. Лелий и Сципион Эмилиан входили в состав коллегии авгуров. См. ниже, кн. II, 26 и прим. 11 и 26.
149. Энний, «Анналы», фрагм. 117 слл. Уормингтон.
150. Энний, «Анналы», фрагм. 119 Уормингтон.
151. Царь Тарквиний Гордый.
152. Ср. выше, § 44 сл.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
153. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 96: расширенное толкование понятия «*оптиматы*».
154. Ср. Платон, «Государство», VIII, 562 С — 563 Е. Цицерон дает сокращенный пересказ.
155. См. Цицерон, речи: «В защиту Суллы», 21; «Против Ватиния», 23.
156. Термин, относящийся к боям гладиаторов.
157. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», II, 43, 72 слл., 85.
158. *Писистрат* — афинский тиранн (прим. 123), пришедший к власти в 560 г., изгнанный после 5 лет правления, возвратившийся в 545 г. и бывший у власти до своей смерти (527 г.). См. Плутарх, «Солон», 30; Аристотель, «Политика», V, 9, 23.
159. Ср. Аристотель, «Политика», II, 3, 10.
160. Ср. выше, § 52 сл., «Речь в защиту Сестия», 98 слл., «Письма к близким», I, 4, 7 слл. (97).
161. Эмилии и Корнелии Сципионы.
162. Взятие Карфагена в 146 г. и Нуманции в 133 г. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Мурены», 28, 78; «О дружбе», 11.
163. Отрывок из Гая Луцилия (II в.); см. Плиний, «Естеств. история», предисловие, 7. *Манилий* — участник диалога. *Гай Персий* был образованным человеком того времени. *Марк Юний Конг Гракхан* был историком и интересовался римскими древностями. См. Цицерон, «Речь в защиту Планция», 58; «Брут», 99; «Об ораторе», I, 256; II, 25. Смысл отрывка: автор предназначает свой труд для широкого круга читателей.
164. Ср. выше, § 4 слл.
165. Этот фрагмент можно было бы отнести к концу § 44.

Первый день
Книга II

(I, 1) [Так как все горели желанием] послушать, Сципион начал свою речь так:

Вот слова старика Катона, которого я, как вы знаете, особенно почитал и перед которым глубоко преклонялся; ведь ему я, и по решению обоих своих отцов[1], и по своему собственному побуждению, с ранней юности посвящал все свое время[2]; беседой с ним никогда не мог я достаточно насладиться: так велик был его опыт в государственных делах, которые он очень успешно и весьма долго вел и в Риме, и в походах, и так велики были его сдержанность в речах и сочетавшееся с достоинством обаяние, а также и сильнейшее стремление учиться самому и обучать других, причем жизнь его вполне соответствовала тому, что он говорил.

(2) Катон обыкновенно говорил, что наше государственное устройство лучше устройства других государств по той причине, что в последних, можно сказать, отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений, например, у критян — Минос[3], у лакедемонян — Ликург[4], у афинян, чье государственное устройство весьма часто испытывало перемены, вначале — Тесей, затем Драконт, затем Солон, Клисфен[5] и многие другие, а под конец совершенно ослабевшему государству не дал погибнуть ученый муж Деметрий Фалерский[6]; напротив, наше государство создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
нескольких поколений. Ибо, говорил Катон, никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог обнять все стороны дела, не обладая долговременным опытом.

(3) Поэтому я, следуя его примеру, теперь поведу речь от «начал римского народа»[7]; ведь я охотно пользуюсь даже выражением Катона. А этой цели мне легче будет достигнуть, если я представлю вам, как государство наше рождалось, росло, зрело и, наконец, стало крепким и сильным, — чем в том случае, если бы я придумал для себя какое-нибудь государство, подобно тому, как у Платона это делает Сократ[8].

(II, 4) Когда все одобрили это, Сципион сказал:

Можно ли назвать какое-либо государство, основание которого было бы таким славным и столь широко известным, как закладка нашего города, совершенная Ромулом? Будучи сыном Марса, Ромул (согласимся со сказанием — тем более, что оно не только весьма древнее, но и мудро нам завещано предками для того, чтобы люди с большими заслугами перед государством считались не только наделенными божественным умом, но также и божественного происхождения), итак, Ромул, как только родился, говорят, был вместе с братом своим Ремом, по повелению альбанского царя Амулия, боявшегося ниспровержения своей царской власти, оставлен на берегу Тибра[9]; там его питал своим молоком хищный зверь[10]; после того, как Ромула взяли к себе пастухи и воспитали в суровых условиях жизни и среди лишений, он, по преданию, когда вырос, силой своего тела и неустрашимостью духа настолько превзошел всех остальных, что все, кто населял земли, где ныне стоит наш город, покорно и охотно начали ему повиноваться. Встав во главе их отрядов (перейдем теперь от сказаний уже к событиям), он, как говорят, захватил Альбу-Лонгу, в те времена сильный и могущественный город, и убил царя Амулия.

(III, 5) Стяжав такую славу, Ромул, по преданию, прежде всего задумал, совершив авспиции[11], заложить город и основать прочное государство. Что касается места для города, которое каждый, пытающийся создать долговечное государство, должен намечать весьма осмотрительно, то Ромул выбрал его необычайно удачно. Ведь Ромул не придвинул города к морю (а это было бы для него, при многочисленности его отряда, очень легко), дабы вторгнуться в область рутулов и аборигенов[12] и основать город в устье Тибра, куда через много лет вывел колонию царь Анк[13]; нет, этот муж, обладавший выдающейся способностью предвидеть, хорошо понимал, что приморское положение отнюдь не выгодно для тех городов, которые закладываются в надежде на их долговечность и могущество, — прежде всего потому, что приморским городам угрожают опасности не только многочисленные, но и скрытые. (6) Ведь твердая земля заблаговременно возвещает о приближении врагов — не только тех, которых ожидают, но и тех, которые нападают врасплох, — многими признаками: как бы гулом и даже грохотом; ибо ни один враг не может налететь по суше так, чтобы мы не могли знать не только о его прибытии, но также и о том, кто он и откуда явился. Между тем враг, приходящий с моря на кораблях, может появиться раньше, чем кто бы то ни было будет в состоянии заподозрить возможность нападения; при этом он, уже появившись, не дает понять, ни кто он, ни откуда идет, ни даже чего он хочет; словом, нельзя усмотреть ни единого признака, чтобы судить, мирные ли это люди или враги.

(IV, 7) Далее, приморским городам свойственны, так сказать, порча и изменение нравов; ибо они приходят в соприкосновение с чужим языком и чужими порядками, и в них не только ввозятся чужеземные товары, но и вносятся чуждые нравы, так что в их отечественных установлениях ничто не может оставаться неизменным в течение долгого времени. Жители этих городов уже не чувствуют привязанности к насиженному месту; нет, крылатые надежды

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
и помыслы увлекают их вдаль от дома, и даже тогда, когда они сами остаются на родине, в душе они все же удаляются прочь и странствуют. И право, ничто иное не повредило в большей степени уже давно поколебленным в своих устоях Карфагену и Коринфу[14], чем эти странствия и рассеяние их граждан, так как они, из-за своей страсти к торговле и мореплаванию, перестали обрабатывать поля и разучились владеть оружием. (8) Кроме того, по морю в государства доставляется много предметов, порождающих пагубную роскошь; их либо захватывают силой, либо ввозят. Да и само приятное расположение города таит в себе много разорительных и склоняющих к праздности соблазнов, побуждающих людей удовлетворять свои страсти. И то, что я сказал о Коринфе, пожалуй, можно вполне сказать и обо всей Греции; ведь и сам Пелопоннес почти весь лежит у моря, И, за исключением жителей Флиунта[15], нет такого племени, которое не соприкасалось бы с морем, а за пределами Пелопоннеса только эниане, доряне и долопы живут вдалеке от моря. К чему говорить мне о греческих островах, которые, будучи опоясаны волнами, чуть ли не сами носятся по ним вместе со своими гражданскими установлениями и укладом жизни? (9) Но это, как я уже говорил, относится к старой Греции. Что касается ее колоний, выведенных греками в Азию, во Фракию, Италию, Сицилию и Африку, то какой из них, кроме одной только Магнесии[16], не омывают морские волны? Таким образом, побережье Греции кажется как бы пришитым к землям варваров; ведь из самих варваров ранее никто не жил у моря, кроме этрусков и пунийцев; одни из них жили у моря с целью торговли, а с целью разбоя — другие. Вот очевидная причина бедствий и переворотов, происшедших в Греции, — недостатки, связанные с приморским расположением городов, вкратце рассмотренные мною ранее. Впрочем с этими недостатками сочетаются большие преимущества: в город, где ты живешь, по морю могут доставляться произведения всего мира, и, наоборот, то, что произрастает на его полях, жители могут вывозить и посылать в любую страну.

(V, 10) Каким образом Ромул смог бы с более божественной мудростью использовать преимущества приморского расположения города и в то же время избежать его опасностей, как не тем, что заложил город на берегу реки, которая течет непрерывно и равномерно и, впадая в море, образует широкое устье? Благодаря этому город мог и получать по морю все то, в чем нуждался, и отдавать то, чем изобиловал, и мог по этой же реке не только ввозить из-за моря все самое необходимое для пропитания и жизни, но и получать привезенное по суше; таким образом, Ромул, мне кажется, уже тогда предвидел, что наш город рано или поздно станет средоточием величайшей державы. Ибо городу, расположенному в какой бы то ни было другой части Италии, едва ли удалось бы с большей легкостью сохранить такое могущество.

(VI, 11) Далее, что касается природных средств защиты города, то найдется ли такой ненаблюдательный человек, который их не заметил бы и должным образом не оценил? Ведь как Ромул, так и последующие цари благодаря своей мудрости, использовав наличие крутых и обрывистых холмов, возвышавшихся со всех сторон, выбрали для городской стены[17] такое направление, что единственное доступное место, находившееся между Эсквилинским и Квиринальским холмами, после того, как был насыпан огромный вал, опоясывалось широчайшим рвом, а обнесенная стеной крепость[18] стояла так высоко на крутой и как бы обтесанной скале, что даже в памятные нам страшные времена галльского нашествия[19] осталась невредимой и нетронутой. В этой области, страдавшей от болезней, Ромул выбрал место, и богатое родниками, и здоровое; ведь там много холмов, которые не только сами обвеваются ветрами, но и дают тень долинам.

(VII, 12) И Ромул совершил все это очень быстро. Он основал город, который он велел назвать Римом в свою честь, а для укрепления новой гражданской общины принял решение, несколько необычное и довольно суровое, но достойное великого человека, уже тогда отличавшегося большой способностью предвидеть все то, что касалось упрочения царства и благополучия народа: он велел похитить знатных сабинских девушек, в день Консуалий[20]

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
явившихся в Рим, чтобы присутствовать на впервые тогда учрежденных Ромулом ежегодных играх в цирке[21], и отдал этих девушек в замужество в лучшие семьи. (13) Когда сабиняне из-за этого пошли на римлян войной, успех в которой был переменным, а исход казался сомнительным, Ромул заключил договор с сабинским царем Титом Тацием, причем похищенные матроны сами умоляли об этом; по этому договору Ромул принял сабинян в число граждан, приобщив их к священнодействиям, и разделил свою царскую власть с их царем[22].

(VIII, 14) А после гибели Тация, когда к Ромулу вернулась вся полнота власти, Ромул, хотя он вместе с Тацием ранее выбрал в царский совет первенствовавших людей, которые ввиду своего влияния были названы «отцами», и от имени своего, Тация и Лукумона, союзника, павшего в сражении с сабинянами, разделил народ на три трибы[23] и тридцать курий, дав этим куриям имена похищенных сабинских девушек, бывших предстательницами за заключение договора, — итак, хотя все это было именно так установлено еще при жизни Тация, все же, после того, как он был убит, Ромул стал царствовать, еще более опираясь на авторитет и мудрость «отцов».

(IX, 15) Совершив это, Ромул прежде всего понял и признал правильным то же самое, что несколько ранее в Спарте понял Ликург: посредством единоличного империя и царской власти можно лучше повелевать и править государствами в том случае, когда к этому виду власти присоединяется авторитет всех лучших граждан. И вот, найдя себе опору и защиту в этом совете и как бы «сенате»[24], Ромул весьма удачно вел много войн с соседями[25] и, сам не унося ничего из добычи к себе в дом, не переставал обогащать своих сограждан. (16) Далее, — мы сохраняем это и поныне для вящей безопасности государства, — Ромул неизменно считался с авспициями. Ведь он и сам (что было вместе с тем и началом нашего государства) заложил город, совершив авспиции, а затем выбрал из каждой трибы по авгуру[26], чтобы тот, находясь при нем, совершал авспиции каждый раз, когда Ромул приступал к какому-нибудь государственному делу. Наконец, он также распределил плебс на клиентелы[27] у первенствовавших людей (какую пользу это принесло, я рассмотрю впоследствии) и применял меры принуждения, налагая пеню в виде овец и быков (так как в те времена имущество состояло из скота и земельных владений, ввиду чего людей называли «богатыми скотом»[28] и «занимающими земли»[29]), а не обращаясь к насилию и казням.

(X, 17) И вот Ромул, процарствовав тридцать семь лет[30], создав два прекрасных устоя государства — авспиции и сенат, достиг столь многого, что, когда он исчез во время внезапно происшедшего затмения солнца[31], его причислили к сонму богов, а такой чести никогда не мог бы удостоиться ни один смертный, не снискавший выдающейся славы за свою доблесть. (18) И по отношению к Ромулу это было тем более изумительно, что все другие, по преданию, ставшие из людей богами, жили в менее просвещенные века, когда измышлять было легко, так как неискушенные люди были легковерны; Ромул же, как мы видим, жил менее шестисот лет назад, когда письменность и науки уже давно стали общим достоянием, а всяческие старинные заблуждения, связанные с диким образом жизни, исчезли. В самом деле, если Рим, как возможно установить на основании летописей греков, был основан во втором году седьмой олимпиады[32], то Ромул жил в тот век, когда в Греции уже было много поэтов и певцов и люди относились к сказаниям — если только они не касались глубокой древности — с меньшим доверием. Ведь первая олимпиада была установлена через сто восемь лет после того, как Ликург начал составлять свои законы, и только ошибка в имени позволила некоторым думать, что она была установлена самим Ликургом. А те, кто относит Гомера ко времени, более близкому к нам, полагают, что он жил приблизительно за тридцать лет до Ликурга[33]. (19) Из этого следует, что Гомер жил задолго до Ромула, так что, коль скоро люди уже были учеными, а сами времена — просвещенными, едва ли был какой-либо повод для вымыслов. Ведь только древность принимала сказания, иногда… [даже и нескладно сочиненные, но век Ромула, уже

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
образованный и особенно склонный смеяться над тем, чего не может быть, отверг бы их.] [Лакуна]

[Далее, Гесиод[34], хотя и жил через много веков после Гомера, все же, как известно, жил до Ромула. Через несколько лет после основания Рима родился Стесихор[35],] (20) внук Гесиода по дочери, как говорили некоторые; в год смерти Стесихора, в пятьдесят шестую олимпиаду, родился Симонид[36]. Таким образом очевидно, что в бессмертие Ромула поверили тогда, когда жизнь людей уже вошла в колею, и они познали ее и приобрели опыт. И все же так велика была в Ромуле сила ума и мужества, что насчет него, со слов Прокула Юлия[37] человека простого, приняли на веру то, чему еще многими веками ранее не поверили бы, будь это рассказано о ком бы то ни было другом из смертных; говорят, правда, что Прокул по наущению «отцов», желавших отвести от себя подозрения в гибели Ромула, сказал на народной сходке, что видел Ромула на том холме, который теперь называется Квиринальским, и что Ромул поручил ему просить народ о том, чтобы на этом месте ему было устроено святилище: он — бог и именуется Квирином.

(XI, 21) Итак, не кажется ли вам, что благодаря мудрости одного человека новый народ не только появился на свет, но что Ромул оставил его не младенцем, плачущим в колыбели, но уже выросшим и, можно сказать, возмужавшим?

ЛЕЛИЙ. — Да, мы видим это, как и то, что ты вступил в рассуждениях своих на необычный путь, о котором нигде не упоминается в книгах греков. Ведь тот выдающийся человек[38], которого еще никто не превзошел в своих сочинениях, мысленно выбрал участок земли, чтобы создать на нем, по разумению своему, государство, быть может, и превосходное, но далекое от уклада жизни людей и их нравов. (22) Остальные[39] рассуждали о видах государств и об их особенностях, не имея перед собой какого-либо определенного примера и формы государственного устройства. Но ты, мне кажется, намерен сделать и то, и другое. Ведь ты повел свое изложение так, словно предпочитаешь приписывать свои воззрения другим, а не прибегать к вымыслам (как у Платона поступает Сократ) и, говоря о местоположении города Рима, объяснять сознательным поступком то, что Ромул совершил случайно и по необходимости, и рассуждать, не отвлекаясь в сторону, а имея в виду лишь одно определенное государственное устройство. Поэтому продолжай так, как начал; ведь мне кажется, что я, пока ты будешь рассматривать правление остальных царей, уже буду видеть перед собой совершенное государство.

(XII, 23) Итак, — сказал Сципион, — когда сенат Ромула, составленный из оптиматов, которым сам царь воздал такую большую честь, что пожелал, чтобы они именовались «отцами», а их сыновья — «патрициями»[40], после кончины Ромула сам, без царя, попытался управлять государством, то народ этого не стерпел и, в тоске по Ромулу, с тех пор не переставал требовать для себя царя. Тогда первенствующие люди, проявив благоразумие, придумали необычный и неслыханный среди других народов выход — учреждение междуцарствия[41] — с тем, чтобы, пока не будет избран постоянный царь, государство и не оставалось без царя, и не имело царя на долгий срок, и чтобы ни у кого не было возможности, когда его власть уже приобретет давность, ни оказаться чересчур медлительным в своем отказе от империя, ни чересчур сильным, чтобы его за собой удержать. (24) И вот, в это время наш, правда, еще молодой народ все-таки понял то, что ускользнуло от внимания лакедемонянина Ликурга, который полагал, что следует не избирать царя (если только это могло быть во власти Ликурга), а иметь царем человека, каков бы он ни был, но лишь бы он вел свой род от Геркулеса; а наши предки, хотя они были тогда дики, поняли, что следует требовать царской доблести и мудрости, а не царского происхождения.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XIII, 25) Так как шла молва, что именно этими качествами более, чем кто-либо другой, обладает Нума Помпилий, то сам народ, минуя своих собственных граждан, с одобрения «отцов» принял в цари иноземца и призвал его на царство — сабинянина в Рим из Кур[42]. Как только он сюда прибыл, он, хотя народ, постановлением куриатских комиций, и повелел ему быть царем, все же сам внес куриатский закон о своем империи[43], а увидев, что римляне, следуя порядкам, установленным Ромулом, горят желанием воевать, признал нужным несколько отучить их от этого.

(XIV, 26) Прежде всего он разделил между гражданами, по наделу на каждого мужчину, те земли, которые завоевал Ромул, и доказал, что, обрабатывая землю, возможно, не прибегая ни к разорению других народов, ни к грабежам, пользоваться изобилием всех благ; он внушил гражданам любовь к спокойствию и миру, которыми лучше всего укрепляется правосудие и верность и под сенью которых особенно хорошо обеспечиваются обработка полей и сбор урожая. Тот же Помпилий, учредив «большие авспиции», к прежнему числу авгуров прибавил двоих, священнодействия поручил пятерым понтификам из числа первенствовавших людей и, предложив эти законы, сохранившиеся в наших памятниках, религиозными обрядами смягчил нравы людей, привыкших к войнам и жаждавших воевать; кроме того, он к числу жрецов прибавил фламинов[44], салиев[45] и дев-весталок[46] и объявил все стороны нашего религиозного устава неприкосновенными. (27) Что касается самих священнодействий, то повелел, чтобы тщательное совершение их было трудным, а предметы, нужные для них, — очень простыми. Ведь он ввел много такого, что надо было знать наизусть и соблюдать; зато все это не требовало издержек[47]. Так, в соблюдении религиозных обрядов он трудностей прибавил, затраты упразднил. Этот же царь учредил и торжища, и общественные игры и нашел всяческие поводы к многолюдным собраниям. Всеми этими установлениями он людей жестоких, грубых и воинственных направил на путь человечности и мягкости. Процарствовав таким образом тридцать девять лет[48] в обстановке полного мира и согласия (мы здесь предпочитаем следовать нашему Полибию, наиболее точному в указании времени событий), он ушел из жизни, укрепив две величайшие основы долговечности государства — религию и милосердие.

(XV, 28) После того, как Сципион сказал это, Манилий спросил: Справедливо ли, Публий Африканский, предание, гласящее, что этот царь Нума был учеником самого Пифагора и, во всяком случае, пифагорейцем? Ведь мы часто слыхали это от старших и полагаем, что таково всеобщее мнение, но мы, однако, не видим, чтобы это было подтверждено государственными летописями[49].

СЦИПИОН. — Все это неверно, Манилий, и не просто вымышлено, а вымышлено невежественно и нелепо. Ведь россказни эти говорят не только о том, чего не было, но и о том, чего и вообще быть не могло, — этим они и нестерпимы. Ибо оказывается, что Пифагор приехал в Сибарис, Кротон[50] и эти области Италии тогда, когда Луций Тарквиний Гордый царствовал уже четвертый год. Ведь начало царствования Тарквиния Гордого и приезд Пифагора приходятся на одну и ту же олимпиаду — шестьдесят вторую[51]. (29) Из этого, рассчитав годы царствований, можно понять, что Пифагор впервые приехал в Италию приблизительно через сто сорок лет после смерти Нумы, и у тех, кто изучал летописи событий тщательно, это никогда не вызывало никаких сомнений.

Бессмертные боги! — сказал Манилий, — как велико это заблуждение и как оно укоренилось! И все же меня радует, что мы воспитаны не на заморских и занесенных к нам науках, а на прирожденных и своих собственных доблестях.

(XVI, 30) Но тебе будет легче понять это, — сказал Публий Африканский, — если ты обратишь внимание на то, как наше государство преуспевает и как оно, идя, так сказать,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
естественным путем, достигает наилучшего состояния. Более того, ты именно потому и сочтешь нужным прославлять мудрость наших предков, что многое, даже заимствованное из других мест, у нас, как ты поймешь, было намного улучшено в сравнении с тем, каким оно было там, где возникло впервые, и откуда было перенесено сюда; ты поймешь, что римский народ достиг своей мощи не случайно, но благодаря мудрости и старому порядку и притом не наперекор судьбе.

(XVII, 31) После смерти царя Помпилия народ, по предложению интеррекса, в куриатских комициях избрал царем Тулла Гостилия, а он, по примеру Помпилия, запросил народ по куриям насчет своего империя. Тулл Гостилий стяжал выдающуюся военную славу и совершил великие подвиги во время войн. На средства, полученные от продажи военной добычи, он устроил и оградил комиций и курию[52]. Он установил правила для объявления войн; эти правила, весьма справедливо придуманные им, он подтвердил фециальным уставом[53], согласно которому всякая война, которая не была возвещена и объявлена, признавалась несправедливой и нечестивой. А дабы вы поняли, сколь мудро уже наши цари предусмотрели, что кое-какие права должны быть даны народу (об этом нам придется сказать еще многое), я укажу, что Тулл Гостилий даже знаками своего царского достоинства решался пользоваться только по велению народа. Ибо на то, чтобы двенадцати ликторам было дозволено шествовать перед ним, [он просил согласия народа.] [Лакуна]

(32) Насчет Тулла Гостилия, который был после Ромула третьим по счету царем и был убит молнией, тот же Цицерон говорит в этих же книгах следующее: молве, что он, после такой смерти, был принят в сонм богов, не поверили потому, что установившегося мнения насчет Ромула, то есть твердой уверенности, римляне, быть может, не хотели опошлить, то есть принизить, если оно будет с легкостью отнесено также и к другому (*Августин*, «О государстве божьем», III, 15).

Тулл Гостилий, третий римский царь, победив этрусков, первый ввел в Риме курульное кресло, сопровождение ликторов и вышитую тогу с пурпурной каймой — принадлежности этрусских магистратов (*Макробий*, «Сатурналии», I, 6, 7).

(XVIII, 33) *ЛЕЛИЙ* (?). — …ведь государство — в соответствии с тем, как ты начал свою беседу, — не ползет, а летит в своем стремлении к лучшему устройству.

СЦИПИОН. — После Тулла Гостилия народ избрал царем Анка Марция, внука Нумы Помпилия от дочери, и он также провел куриатский закон о своем империи. Наголову разбив латинян, он принял их в число граждан; он присоединил к Городу холмы Авентинский и Целий, захваченные им земли разделил, а все леса, расположенные у моря и им захваченные, объявил государственной собственностью. В устье Тибра он основал город[54] и укрепил его, поселив в нем колонов. Процарствовав таким образом двадцать три года, он умер[55].

ЛЕЛИЙ. — Также и этот царь заслуживает хвалы; но темна римская история, так как, кто была мать этого царя, мы знаем, но нам не известен его отец.

СЦИПИОН. — Да, это верно, но от тех времен до нас дошли, можно сказать, одни только имена царей.

(XIX, 34) Но в эти времена граждане, по-видимому, стали более образованными сперва благодаря некоторым чужеземным учениям. Ведь в наш город притек из Греции не малый, я бы сказал, ручеек, а полноводная река наук и искусств. По преданию, был некто Демарат из Коринфа, несомненно, первенствовавший среди сограждан по своему почетному положению, авторитету и богатству. Не стерпев правления коринфского тиранна Кипсела, он будто бы бежал, захватив все свое большое имущество, и направился в Тарквинии, процветавший город Этрурии. А когда до него дошли вести об укреплении владычества Кипсела, он как человек свободолюбивый и храбрый отказался от отечества; он был принят тарквинянами в число их

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
граждан и поселился в этой городской общине. Когда его жена, бывшая родом из Тарквиниев, родила ему двух сыновей, он дал им хорошее образование в греческом духе[56]… [Лакуна]

(XX, 35) …легко получив права гражданства, он благодаря своей просвещенности и образованию стал другом царя Анка, так что его считали участником всех замыслов царя и чуть ли не его соправителем. Кроме того, он отличался величайшим дружелюбием, величайшей готовностью помогать всем гражданам, поддерживать и защищать их и даже щедро их одаривать. Поэтому, после смерти Марция, народ единогласно избрал его царем под именем Луция Тарквиния; именно так он изменил свое греческое имя, дабы казалось, что он во всех отношениях перенял обычаи нашего народа. Проведя закон о своем империи, он прежде всего удвоил прежнее число «отцов» и назвал уже ранее существовавших «отцами старших родов» (им он в первую очередь предлагал высказывать мнение[57]), а тех, кого он сам принял в сенат, он назвал «отцами младших родов». (36) Затем он создал конницу по образцу, сохранившемуся и поныне[58], но не смог, хотя и очень желал этого, изменить наименования тициев, рамнов и луцеров[59], так как высоко прославленный авгур Атт Навий[60] на это не согласился. Также и коринфяне, знаю я, некогда, за счет подати с сирот и вдов, заботились о снабжении всадников конями и их прокорме за счет казны. Во всяком случае, он, прибавив к уже существовавшим отрядам конницы новые, довел ее численность до тысячи восьмисот всадников, то есть удвоил ее состав. Впоследствии он покорил большое и храброе племя эквов, угрожавшее благополучию римского народа, а сабинян, отбросив их от стен города Рима, рассеял своей конницей и разбил наголову. Он же, как мы знаем, первый устроил великие игры, названные Римскими[61], а во время войны с сабинянами, во время самой битвы, дал обет построить в Капитолии храм Юпитеру Всеблагому Величайшему и умер, процарствовав тридцать восемь лет[62].

(XXI, 37) *ЛЕЛИЙ*. — Вот и подтверждаются слова Катона, говорившего, что государство создается не сразу и не одним человеком. Ибо мы видим, как много благодетельных и полезных установлений прибавил каждый из царей. Но после них правил царь, который, по моему мнению, был в государственных делах еще более прозорлив, чем все остальные.

Это верно, — сказал Сципион, — ведь после него, по преданию, впервые без избрания народом, царствовал Сервий Туллий, который будто бы родился от рабыни из дома Тарквиния, зачавшей его от одного из клиентов царя. Когда он, воспитанный среди рабов, прислуживал за царским столом, царь не мог не заметить искры ума, уже тогда горевшей в мальчике; так искусен был он и во всякой работе, и в беседе. По этой причине царь, дети которого были еще очень малы, полюбил Сервия так, что его в народе считали царским сыном, и с величайшим усердием обучал его всем тем наукам, которые когда-то постиг сам, и дал ему прекрасное образование по греческому образцу.

(38) Но после того, как Тарквиний погиб по проискам сыновей Анка, и Сервий начал царствовать, как я уже говорил, не в силу своего избрания гражданами, но по их желанию и с их согласия[63] (так как в то время, когда Тарквиний — как ложно утверждали — болел после ранения, но еще был жив, Сервий в царском уборе творил суд, на свои деньги освободил несостоятельных должников и, проявив большое дружелюбие, убедил народ в том, что творит суд по повелению Тарквиния), Сервий не стал доверяться «отцам», а после похорон Тарквиния сам спросил народ относительно себя и, получив повеление царствовать, провел куриатский закон о своем империи. Прежде всего он, пойдя войной на этрусков, покарал их за обиды. Когда он в этой войне… [Лакуна] [захватил обширные земли, отняв их у церетанов, тарквинян и вейентов, он распределил их между новыми гражданами; затем он учредил ценз, установление, полезнейшее для такого государства, которому судьбой назначено стать великим; на основании ценза подати и в мирное, и в военное время взимались не без разбора, а в соответствии с имуществом. Он учредил восемьдесят центурий, состоявших из граждан,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
имевших по 100 000 сестерциев и больше, то есть сорок старших и сорок младших центурий; к ним он присоединил центурии всадников в числе…]

(XXII, 39) …восемнадцати, с наибольшим имущественным цензом. Затем Сервий, отобрав большое число всадников из всего народа, разбил весь остальной народ на пять разрядов и отделил старшие разряды от младших[64]; он распределил их так, чтобы исход голосования зависел не от толпы, а от людей состоятельных; он позаботился и о том, чтобы (этого всегда следует придерживаться в государственных делах) большинство не обладало наибольшей властью. Не будь это распределение вам известно, я разъяснил бы вам его. Но вы уже видите, что расчет был таким, чтобы центурии всадников вместе с шестью голосами и первый разряд, с прибавлением к ним центурии, для вящей пользы города Рима предоставленной мастерам-плотникам, вместе составляли восемьдесят девять центурий; если из ста четырех центурий (ведь в остатке было именно столько) к этим восьмидесяти девяти центуриям прибавлялось хотя бы восемь[65], то в народе создавался перевес, и остальное огромное большинство людей в составе девяноста шести центурий не отстранялось от голосования, что было бы проявлением высокомерия, но и не было чересчур сильным, что было бы опасно. (40) При этом Сервий внимательно отнесся также и к словам и даже к названиям: богатых он назвал «ассодателями» — от слов «асс» и «давать», а тех, кто при цензе либо предъявил не более тысячи пятисот ассов, либо не предъявил ничего, кроме самих себя, он назвал пролетариями, чтобы было ясно, что от них ожидается потомство, то есть как бы продолжение существования государства[66]. Но тогда в каждой центурии из тех девяноста шести состояло, на основании ценза, больше людей, чем почти во всем первом разряде. Таким образом, с одной стороны, никто не лишался права голоса; с другой стороны, при голосовании наиболее влиятельными были те, кто был наиболее заинтересован в том, чтобы государство было в наилучшем состоянии. Более того, акценсам[67], вспомогательным войскам, трубачам, горнистам, пролетариям… [он предоставил права.] [Лакуна]

(XXIII, 41) [Я считаю]… наилучшим государственным устройством такое, которое, с соблюдением надлежащей меры будучи составлено из трех видов власти — царской, власти оптиматов и народной, и не возбуждает, наказывая, жестоких и злобных чувств… (*Ноний*, 342, 28).

(42) [Это видел Карфаген,] бывший шестьюдесятью пятью годами древнее, так как был основан за тридцать девять лет до первой олимпиады[68]. И знаменитый Ликург, живший в древнейшие времена, имел в виду почти то же. Итак, это равновесие и это из трех видов власти составленное государственное устройство, как мне представляется, были у нас общими с этими народами. Но то, что свойственно нашему государству и прекраснее чего ничто не может быть, я, если смогу, рассмотрю более подробно; ведь ничего, подобного этому, не найти ни в одном государстве. Ибо все начала, описанные мною ранее, правда, сочетались и в нашем государстве, и у лакедемонян, и у карфагенян, но далеко не равномерно. (43) Дело в том, что в государстве, где какой-либо один человек бессменно облечен властью, тем более — царской (хотя там существует и сенат, как это было в Риме во времена царей, как это было в Спарте по законам Ликурга), даже если народ обладает какими-то правами (как это было при наших царях), царская власть все же имеет наибольшее значение, и такое государство не может не быть и не называться царством. Но этот вид государства в высшей степени изменчив по той причине, что государство, подорванное порочностью одного человека, очень легко гибнет. Ведь царский образ правления сам по себе не только не заслуживает порицания, но, пожалуй, должен быть поставлен несравненно выше остальных простых видов государственного устройства (если бы я вообще одобрял какой бы то ни было простой вид государственного устройства), однако лишь до тех пор, пока он сохраняет свой строй. Но это такой строй, когда благополучие, равноправие и спокойствие граждан вверены постоянной власти, справедливости и мудрости одного человека, проявляющейся во всем. Вообще народу,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
находящемуся под царской властью, недостает многого и прежде всего свободы, которая состоит не в том, чтобы иметь справедливого владыку, а в том, чтобы не иметь никакого[69]… [Лакуна]

(XXIV, 44) …терпели [произвол Тарквиния.] Ведь этому несправедливому и суровому владыке[70] в течение некоторого времени сопутствовало счастье: он завоевал весь Лаций, взял богатый, всем изобилующий город Суессу Помецию и, захватив большую добычу, состоявшую из золота и серебра, исполнил обет отца, построив Капитолий; он вывел колонии и, следуя обычаю предков, послал великолепные дары, как бы жертву, в Дельфы Аполлону[71].

(XXV, 45) Здесь опять повернется тот круг, естественное движение и оборот[72] которого вам следует научиться узнавать с самого начала. Вот основа государственной мудрости, составляющей все содержание нашей беседы: видеть пути и повороты в делах государства, дабы, зная, куда приведет то или иное из них, быть в состоянии задержать его ход и даже воспрепятствовать ему.

Ибо царь, о котором я говорю, запятнанный убийством лучшего царя[73], прежде всего не был в здравом уме[74] и, сам страшась высшей кары за совершенное им злодеяние, хотел, чтобы его страшились. Кроме того, он, полагаясь на свои победы и богатства, не знал удержу в своей заносчивости и не мог совладать ни со своими наклонностями, ни с развращенностью своих родичей. (46) И вот, когда его старший сын учинил насилие над Лукрецией, дочерью Триципитина и женой Конлатина, а целомудренная и знатная женщина, после такого оскорбления, сама покарала себя смертью, то Луций Брут, муж выдающегося ума и храбрости, сбросил с граждан это несправедливое ярмо жестокого рабства. Хотя Брут был частным человеком, он взял на себя все государственные дела и, первый в нашем государстве, доказал, что при защите свободы граждан нет частных лиц[75]. По его предложению и под его началом граждане, вспомянув и свежие в их памяти жалобы отца и близких Лукреции, и гордость Тарквиния, и многие обиды, перенесенные и от него самого, и от его сыновей, повелели и самому царю, и его детям, и Тарквиниеву роду удалиться в изгнание[76].

(XXVI, 47) Итак, разве вам не ясно, что царь превратился во владыку, и что вследствие порочности одного человека самый род государственного устройства из хорошего стал весьма дурным? Ведь именно такого владыку над народом греки и называют тиранном[77]; ибо царем они склонны считать такого, который заботится о народе, как отец, и печется о возможно лучших условиях жизни для тех, над кем он поставлен; это действительно хороший вид государственного устройства, как я уже говорил, но все же склонный к переходу в пагубнейший строй и как бы катящийся вниз. (48) Ведь как только царь вступит на путь сколько-нибудь несправедливого владычества, он тут же станет тиранном, то есть самым отвратительным, самым омерзительным и самым ненавистным для богов и людей существом, какое только возможно вообразить себе. Хотя по внешности он — человек, но дикостью своих нравов превосходит самых лютых зверей[78]. И в самом деле, кто по справедливости назовет человеком того, кто не хочет, чтобы у него были с его согражданами и вообще со всем человеческим родом какая-либо общность в праве, какое-либо объединение в человеческих отношениях? Но у нас еще будет другой, более подходящий повод поговорить об этом, когда сам предмет побудит меня высказаться против тех, кто, даже освободив граждан, стал добиваться владычества[79].

(XXVII, 49) Вот так впервые появляется тиранн; ибо такое наименование греки дали несправедливому царю, а мы, римляне, называли царями всех тех, кто обладал единоличной постоянной властью над народом. Поэтому и о Спурии Кассии[80], и о Марке Манлии[81], и о Спурии Мелии[82] говорили, что они захотели захватить царскую власть, а недавно [Тиберий Гракх]… [Лакуна]

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XXVIII, 50) …Ликург в Лакедемоне назвал геронтами; их было, правда, очень мало — двадцать восемь[83]. Он предоставил им высшее право совещательного голоса, тогда как высший империй принадлежал царю. Наши предки последовали примеру Ликурга и перевели на наш язык введенное им название: тех, кого он назвал старейшинами, они назвали сенатом; так (мы уже говорили об этом) поступил и Ромул, избрав «отцов». Но в таком государстве все же решительно преобладает могущество, власть и имя царя. Удели некоторую власть также и народу, как поступили Ликург и Ромул; свободой ты его не насытишь, но жаждой свободы зажжешь, если только дашь ему возможность вкусить власти. Однако над ним всегда будет тяготеть страх, что царь (как это большей частью и бывает) окажется несправедливым. Итак, не прочна судьба народа, когда она, как я уже говорил, зависит от воли, вернее, от нрава одного человека.

(XXIX, 51) Итак, пусть это будет первая форма, первый вид и первоисточник тираннии, обнаруженный нами в том государстве, которое Ромул основал, совершив авспиции, а не в том, которое, как пишет Платон, для себя описал Сократ в своей известной изысканной беседе[84]; вот каким образом Тарквиний полностью ниспроверг этот род государства с царем во главе — и не тем, что он захватил какую-то новую власть, но тем, что несправедливо использовал ту, какой располагал. Противопоставим Тарквинию другого мужа — хорошего, мудрого и искушенного во всем том, что касается пользы и достоинства граждан, и как бы опекуна и управителя государства. Ведь именно так следует называть всякого, кто будет «правителем и кормчим» государства. Умейте распознать такого мужа; ведь именно он, умом своим и деятельностью, способен охранять государство. Но так как название это пока еще малоупотребительно в нашем языке и нам еще не раз придется говорить о таком человеке в своей дальнейшей беседе, то…

(XXX, 52) [Платон] признал нужным и создал государство скорее такое, какого следовало желать, а не такое, на какое можно было бы рассчитывать, — самое малое, какое он только мог создать, не такое, какое могло бы существовать, а такое, в каком было бы возможно усмотреть разумные основы гражданственности. Но я, если только мне удастся, постараюсь, руководствуясь теми основаниями, какие усмотрел Платон, не по общим очертаниям и не по изображению гражданской общины, а на примере огромного государства как бы жезлом коснуться причин всякого общественного блага и всякого общественного зла.

Ибо по прошествии двухсот сорока лет правления царей[85] (а вместе с междуцарствиями[86] несколько больше) и после изгнания Тарквиния римский народ почувствовал к имени царя столь же сильную ненависть, сколь сильна была овладевшая им тоска после кончины, вернее, после исчезновения Ромула. И вот, как римский народ тогда не мог обходиться без царя, так он, после изгнания Тарквиния, не мог слышать имени царя. Но когда он получил возможность… [Лакуна]

(XXXI, 53) Итак, эти превосходные установления Ромула, прочно просуществовав около двухсот двадцати лет, … (*Ноний*, 526, 7).

Поэтому они, не перенося владычества царя, учредили империй сроком на один год и должности двух императоров, которых назвали консулами — от слова consulere, заботиться; их не назвали ни царями — от слова «царствовать», ни владыками — от слова «владычествовать» (*Августин*, «О государстве божьем», V, 12).

…тот закон был отменен в целом. При таком состоянии умов наши предки затем изгнали ни в чем не виноватого Конлатина, ввиду подозрения, павшего на него в связи с его родством[87], а также и остальных Тарквиниев из-за их ненавистного имени. При таком же состоянии умов Публий Валерий велел первый опустить ликторские связки, когда начал говорить на народной сходке, и перенес свой дом к подошве холма Велии после того, как он,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
приступив к постройке дома на более высокой части Велии, где некогда жил царь Тулл, понял, что в народе возникают подозрения. Он же (этим он особенно оправдал свое прозвание «Публикола»[88]) внес на рассмотрение народа закон, который был первым принят центуриатскими комициями, — о том, чтобы ни один магистрат не имел права, вопреки провокации, ни казнить римского гражданина, ни наказать его розгами. (54) Но, как свидетельствуют понтификальные, а также и наши авгуральные книги, провокация применялась уже во времена царей[89]. О дозволении совершать провокацию по любому судебному приговору и по наложению пени указывают и многие законы Двенадцати таблиц. А предание о том, что децемвиры[90], составившие эти законы, были избраны без возможности провокации по их решениям, показывает достаточно ясно, что на прочих магистратов право провокации распространялось. И консульский закон Луция Валерия Потита и Марка Горация Барбата[91], разумно решивших, ради сохранения согласия, стоять за народ, установил, что ни один магистрат не может быть избран без того, чтобы по его решению не была возможна провокация, да и Порциевы законы, три закона, предложенные троими Порциями[92], как вы знаете, не прибавили ничего нового, кроме санкции[93].

(55) И вот Публикола, проведя этот закон о провокации, тотчас же велел убрать секиры из ликторских связок[94], а на другой день добился доизбрания Спурия Лукреция как своего коллеги и велел своим ликторам перейти к Лукрецию, так как тот был старше годами. Публикола установил первый, чтобы ликторы, которые шествовали перед консулами, каждый месяц переходили от одного из них к другому, дабы, при свободе для народа, знаков империя было не больше, чем их было при царской власти. Это был, по моему мнению, муж незаурядный, раз он, предоставив народу умеренную свободу, довольно легко сохранил за первенствующими людьми их значение.

И я теперь не без причины твержу вам о столь древних и столь известных событиях, а на примере знаменитых личностей и славных времен описываю вам людей и дела, чтобы в соответствии с ними направить свою дальнейшую беседу.

(XXXII, 56) Итак, в те времена сенат управлял государством так, что, хотя народ и был свободен, волей народа вершилось мало дел, а большая часть — решениями сената и по установившимся обычаям, и консулы при этом обладали властью, по времени лишь годичной, но по ее характеру и правам царской[95]. А то, что имело наибольшее значение для упрочения могущества знати, соблюдалось строго: постановления народных комиций входили в силу только после одобрения их решением «отцов»[96]. Кроме того, именно в эти времена, приблизительно через десять лет после избрания первых консулов[97], был назначен также и диктатор — Тит Ларций, что показалось беспримерным родом империя, весьма близким к царской власти и похожим на нее. Но как бы то ни было, всеми государственными делами — с согласия народа — с наивысшим авторитетом ведали первенствующие люди, и в те времена храбрейшие мужи, облеченные высшим империем, — диктаторы и консулы совершали великие подвиги на войне.

(XXXIII, 57) Но то, свершения чего требовала сама природа вещей, — чтобы народ, избавленный от царей, заявил притязания на несколько б**о**льшие права, — произошло через короткий промежуток времени, приблизительно на шестнадцатом году после их изгнания, в консульство Постума Коминия и Спурия Кассия[98]. Разумного основания для этого, пожалуй, не было, но в государственных делах сама их природа часто берет верх над разумом. Вы должны твердо помнить то, что я сказал вам вначале[99]: если в государстве нет равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий — с тем, чтобы достаточно власти было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей и достаточно свободы у народа, то этот государственный строй не может сохраниться неизменным. (58) Ибо в те времена, когда среди граждан начались волнения из-за долгов, плебс занял сначала

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
Священную гору, а затем Авентинский холм[100]. Ведь даже порядок, установленный Ликургом, не удержал греков в узде; ибо и в Спарте, в царствование Феопомпа[101], было назначено пятеро человек, которых греки называют эфорами, на Крите — десять космов, как их называют; как задачей плебейских трибунов было сдерживать консульский империй, так задачей тех должностных лиц было сдерживать царский произвол.

(XXXIV, 59) У наших предков, при большом бремени долгов, быть может, и был тот или иной способ помочь должникам; такой способ незадолго до того не ускользнул от внимания афинянина Солона, а некоторое время спустя — и от нашего сената, когда из-за волнений, вызванных произволом одного человека, все кабальные обязательства граждан[102] были отменены, а впоследствии эта форма обязательств была упразднена. И всегда, когда плебс, вследствие бедствий, постигавших государство, бывал разорен поборами, искали какого-то облегчения и помощи ради всеобщего блага. Но так как тогда такой меры не применили, то это дало народу основание умалить власть и значение сената, путем мятежа избрав двух плебейских трибунов. Значение сената оставалось, однако, все еще большим и важным, так как умнейшие и храбрейшие мужи охраняли государство оружием и своими мудрыми решениями, и их авторитет был в полном расцвете, потому что они, намного превосходя других людей своим почетным положением, уступали им в своем стремлении к наслаждениям и были выше их по своему имущественному положению. При этом доблесть каждого из них в делах государственных была людям тем более по-сердцу, что в частной жизни они заботливо поддерживали сограждан делом, советом, деньгами.

(XXXV, 60) При таком положении в государстве Спурий Кассий, необычайно влиятельный в народе человек, задумал захватить царскую власть; его обвинил в этом квестор и, как вы знаете, после того, как отец Спурия Кассия заявил, что он установил виновность сына, квестор, с согласия народа, обрек Спурия на смерть[103]. Далее, консулы Спурий Тарпей и Авл Атерний приблизительно на пятьдесят четвертом году после первого консульства провели в центуриатских комициях угодный народу закон о денежной пене и иске с внесением залога[104]. Двадцать лет спустя, ввиду того, что цензоры Луций Папирий и Публий Пинарий, назначением пени, отняли у частных лиц много крупного скота и передали его в собственность государства, законом консулов Гая Юлия и Публия Папирия была установлена дешевая оценка скота при наложении пени[105].

(XXXVI, 61) Но несколькими годами ранее, когда сенат обладал высшим авторитетом, а народ соглашался и повиновался ему, было принято решение о том, чтобы консулы и плебейские трибуны отказались от своих магистратур, и чтобы были избраны децемвиры, облеченные величайшей властью и избавленные от возможности провокации, и чтобы они обладали высшим империем и составили законы. После того, как они составили десять таблиц законов[106], проявив при этом необычайную справедливость и проницательность, они провели выборы других децемвиров на следующий год, но ни честность, ни справедливость последних не удостоились такой же высокой хвалы. Однако и в этой коллегии выдающуюся хвалу заслужил Гай Юлий; он потребовал представления поручителей от знатного Луция Сестия, в спальной которого в присутствии Гая Юлия, по его словам, был вырыт труп человека (хотя сам Луций Сестий обладал высшей властью, так как он, будучи одним из децемвиров, был избавлен от возможности провокации); Гай Юлий, по его словам, не собирался пренебречь превосходным законом, разрешавшим только в центуриатских комициях выносить постановление о жизни и смерти римского гражданина[*] [107].

(XXXVII, 62) Наступил третий год децемвирата; оставались те же децемвиры, противившиеся избранию других на их место. При таком положении в государстве, которое, как я уже не раз говорил, не может быть продолжительным, так как всем сословиям граждан не предоставляется одинаковых прав, вся власть была в руках первенствовавших людей, так

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
как во главе государства были поставлены знатнейшие децемвиры; им не были противопоставлены плебейские трибуны; при децемвирах не было никаких других магистратов, и не было сохранено права провокации к народу, если гражданину грозила казнь или наказание розгами. (63) И вот, вследствие несправедливости децемвиров, внезапно начались сильные потрясения, и произошел полный государственный переворот. Ибо децемвиры, прибавив две таблицы несправедливых законов, бесчеловечным законом воспретили браки между плебеями и «отцами», хотя обыкновенно разрешаются даже браки с иноземцами (закон этот был впоследствии отменен Канулеевым плебисцитом[108]), и, в силу своего империя творя всяческий произвол, правили народом жестоко и своекорыстно. Всем, конечно, хорошо известно (об этом говорят и очень многие литературные произведения), как из-за необузданности одного из этих децемвиров некий Децим Вергиний своей рукой убил на форуме дочь-девушку и, охваченный горем, бежал к войску, тогда стоявшему на горе Альгиде[109]; воины отказались продолжать военные действия, которые они вели, и с оружием в руках сперва заняли Священную гору (подобно тому, как некогда произошло в таком же случае), а затем и Авентинский холм… [Лакуна]

…после того, как Луция Квинкция назначили диктатором[110]… (*Сервий*, к «Георгикам» Вергилия, III, 125).

…предки наши, я полагаю, и весьма одобрили, и с величайшей мудростью сохранили…

(XXXVIII, 64) Когда Сципион закончил, и все в молчании ждали продолжения его речи, Туберон сказал:

Так как присутствующие, которые старше меня, ни о чем не спросили тебя, Публий Африканский, позволь мне сказать тебе, чего я не нахожу в твоем изложении.

Да, конечно, — ответил Сципион, — я выслушаю весьма охотно.

ТУБЕРОН. — Ты похвалил, кажется мне, наше государство, хотя Лелий спрашивал тебя не о нашем, а о государстве вообще[111]. Но я все же не узнал из твоих слов, какими порядками, какими обычаями или, лучше, какими законами можем мы сохранить то самое государство, которое ты превозносишь.

(XXXIX, 65) *ПУБЛИИ АФРИКАНСКИЙ*. — Я думаю, Туберон, мы вскоре найдем более подходящий случай для подробного рассмотрения вопроса о том, как создают и сохраняют государства; что касается наилучшего государственного устройства, то я, как я полагаю, ответил на вопрос Лелия достаточно ясно. Ведь я прежде всего определил виды государств, заслуживающие одобрения, числом три, и столько же пагубных, противоположных трем, упомянутым выше, и указал, что ни один из этих видов не является наилучшим, но только тот, который представляет собой разумное сочетание трех первых, превосходит каждый из видов государства, взятый в отдельности. (66) А то обстоятельство, что я взял за образец именно наше государство, имело значение не для определения наилучшего государственного устройства (ибо это было бы возможно и без пользования образцом), а для того, чтобы на примере величайшего государства была ясно видна сущность строя, который я описал в своем рассуждении и беседе. Но если ты, не обращаясь к примеру в виде того или иного народа, спрашиваешь о самом роде наилучшего государственного устройства, то нам следует воспользоваться изображением, данным нам природой, так как это изображение города и народа тебя… [не удовлетворяет.] [Лакуна]

(XL, 67) …которого я ищу уже давно и с которым желаю встретиться.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ЛЕЛИЙ. — Ты, пожалуй, ищешь разумного человека?

СЦИПИОН. — Именно такого.

ЛЕЛИЙ. — Среди присутствующих немало таких людей. Начни хотя бы с себя самого.

СЦИПИОН. — О, если бы во всем сенате было достаточно таких людей! Ведь разумен тот, кто, — как мы часто видели в Африке, — сидя на диком и огромном звере[112], укрощает и направляет его, куда только захочет, и ласковым словом и прикосновением заставляет это дикое животное повернуть.

ЛЕЛИЙ. — Знаю и часто видел это в бытность свою твоим легатом.

СЦИПИОН. — Итак, тот индиец или пуниец укрощает только одного зверя и притом поддающегося обучению и привыкшего к характеру человека; но ведь то начало, которое скрыто в душе человека и, будучи частью его души, называется рассудком, обуздывает и покоряет не просто одного зверя, с которым возможно совладать, — если только ему это удается, что бывает весьма редко. Ибо и того дикого зверя надо держать в узде… [Лакуна]

(XLI, 68) …[зверь,] который питается кровью, которого каждая жестокость веселит так, что он с трудом может насытиться видом мучительной смерти людей, … (*Ноний*, 300, 24).

…но жадному, стремительному, похотливому и погрязшему в наслаждениях… (*Ноний*, 491, 16).

…как четвертое по счету огорчение, переходящее в плач и печаль, всегда само себя возбуждающее… (*Ноний*, 72, 30).

…испытывать горе, быть постигнутым несчастьем, вернее, быть объятым страхом и страдать от трусости… (*Ноний*, 228, 19).

…подобно тому, как неопытный возница оказывается совлеченным с колесницы, раздавленным, израненным, уничтоженным… (*Ноний*, 292, 32).

(XLII, 69) …можно было бы сказать.

ЛЕЛИЙ — Я уже вижу, какие обязанности и задачи ты готов поручить мужу, появления которого я ожидал.

Разумеется, — сказал Публий Африканский, — перед ним, пожалуй, надо поставить только одну задачу (ибо в ней одной, пожалуй, заключены и остальные): никогда не переставать учиться и обращать свой взор на себя самого, призывать других людей подражать ему, блистательностью своей души и жизни быть как бы зеркалом для сограждан. Ведь подобно тому, как при струнной и духовой музыке и даже при пении следует соблюдать, так сказать, лад различных звуков, изменения и нарушения которого нестерпимы для утонченного слуха, причем этот лад все же оказывается согласным и стройным благодаря соблюдению меры в самых несходных звуках, так и государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий (словно составленное из звуков), стройно звучит благодаря согласованию [самых несходных начал; тем, что музыканты называют гармонией в пении, в государстве является согласие[113], эта теснейшая и наилучшая связь, обеспечивающая безопасность в каждом государстве и никоим образом не возможная без справедливости.] (*Августин*, «О государстве божьем», II, 21).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

… по струнам надо ударять легко и спокойно, а не сильно и не вдруг (Помпей Трог).

(XLIII) И когда Сципион значительно подробнее и обстоятельнее разобрал вопрос о том, насколько справедливость полезна государству и как велик вред, какой ему нанесло бы ее отсутствие, слово взял Фил, один из участников беседы, и предложил, чтобы именно этот вопрос был рассмотрен еще тщательнее и чтобы о справедливости было сказано больше, так как всюду говорят о том, что править государством, не совершая несправедливости, невозможно (*Августин*, «О государстве божьем», II, 21).

(XLIV, 70) …быть сама справедливость.

СЦИПИОН. — Я вполне согласен с вами и утверждаю вот что: мы должны признать, что все, доныне сказанное нами о государстве, ничего не стоит, и что нам некуда будет идти в своих рассуждениях, если не будет доказана не только ложность мнения, будто государством невозможно править, не совершая несправедливости, но и глубокая правота мнения, что им никоим образом невозможно править без величайшей справедливости. Но, с вашего согласия, на сегодня достаточно. Дальнейшее (ведь остается еще довольно много) отложим на завтра.

Так как все согласились с ним, то в этот день беседа была прекращена.

ПРИМЕЧАНИЯ
О ГОСУДАРСТВЕ. Книга II.

1. Луций Эмилий Павел и Публий Корнелий Сципион, сын Сципиона Африканского Старшего, приемный отец Сципиона Младшего Эмилиана.
2. См. Плутарх, «Катон Старший», 27.
3. *Минос* — по мифологии, сын Зевса и Европы, царь-законодатель Крита, судья в подземном царстве.
4. *Ликург* — законодатель Спарты (начало IX в.); см. ниже, §§ 15, 18.
5. *Тесей* — сын афинского царя Эгея, согласно традиции, объединил под главенством Афин сельские общины (демы) Аттики. В 621 г. архонт *Драконт*, по-видимому, уже историческое лицо, составил писаное уголовное право, отличавшееся суровостью.
В 594 г. архонт *Солон* отменил рабство за долги, разделил население на четыре разряда по его имущественному положению и установил, что политические права определяются цензом. *Клисфен*, известный своей борьбой против тираннии Писистратидов, в 508 г. приступил к демократическим реформам: усиление власти народных собраний и введение выборных должностей.
6. *Деметрий Фалерский* — философ-перипатетик и историк; участвовал в правительстве Афин с 317 по 307 г., произвел реформу законодательства.
7. Историческое сочинение Катона Старшего носило название “Origines” (Начала).
8. В диалоге Платона «Государство».
9. См. Ливий, I, 4. Мигрирующий сюжет; ср. сказание о Моисее, об Эдипе.
10. Волчица, предмет тотемистического культа у древних латинян.
11. Официальные акты (созыв комиций, назначение диктатора, избрание интеррекса, выступление войска в поход и т.п.) требовали предварительного вопрошения воли богов — авгурий или *авспиций*; по представлению римлян, о ней можно было узнать на основании небесных явлений, полета и крика птиц, поедания корма священными курами, необычного поведения людей. Право авспиций принадлежало царю, а впоследствии магистратам с империем. Различались auspicia urbana, совершавшиеся внутри померия, и a. bellica, совершавшиеся в походе и перед боем; a. impetrativa, полученные при нарочитом наблюдении; a. oblativa, выявившиеся случайно, например, приступ падучей болезни во время комиций. В Риме городские авспиции совершались на авгуракуле, особом месте в крепости. Авспиции

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
совершались в присутствии жреца-авгура, истолковывавшего их. Уже одного заявления магистрата, что им начаты авспиции (нунциация), было достаточно, чтобы комиции были отложены. Его заявление, что знамения неблагоприятны, называлось обнунциацией. Право нунциации и обнунциации, принадлежавшее магистратам и трибунам, по-видимому, было установлено Элиевым законом (середина II в.). Этим правом широко пользовались в политических целях. См. ниже, прим. 26.
12. *Рутулы* населяли приморскую часть Лация. *Аборигены* — древнейшее население Лация. См. Ливий, I, 32, 11; 52, 2.
13. Царь *Анк Марций*, по преданию, основал город Остию. См. Ливий, I, 33.
14. *Карфаген* и *Коринф* были разрушены римлянами в 146 г.
15. *Флиунт* — город в Арголиде. См. Цицерон, «Письма к Аттику», VI, 2, 3 (257).
16. В М. Азии было два города, удаленных от побережья, носивших название *Магнесии*.
17. Каменные *стены*, окружавшие Палатинский холм и Семихолмие, относятся к IV в. Во времена царей укрепления были, скорее всего, бревенчатые.
18. *Arx*. Укрепленная северная вершина Капитолийского холма. См. Цицерон, «Речь в защиту Рабирия» (63 г.), 35.
19. Согласно традиции, в 390 г.
20. *Консуалии* — празднества в честь Конса, покровителя зерна, брошенного в землю или сложенного в амбар; справлялись 21 секстилия (августа) и 15 декабря и сопровождались скачками на лошадях. Сабиняне жили в центральной Италии.
21. Очевидно, будущий Circus Maximus (Большой цирк), место беговых состязаний и скачек; он находился в низине между Палатинскими и Авентинскими холмами. Там же находился алтарь божества Конса.
22. Это легендарное двоевластие можно связать с фактом существования двух консулов.
23. *Лукумон* — этрусское имя. Названия триб — Ramnes (Ramnenses, Ramnetes); Tities (Titienses), Luceres (Lucerenses) — также этрусского происхождения. См. Ливий, I, 13.
24. Слово «*сенат*» означает собрание старейших; сенат называли также и “patres” («отцы» в нашем переводе).
25. Главным образом, с Вейями и Фиденами. См. Ливий, I, 14 сл.
26. Коллегия жрецов, по преданию учрежденная Ромулом; вначале составлялась из патрициев; в 300 г., на основании Огульниева закона, в нее получили доступ и плебеи; пополнялась путем кооптации, а с 154 г., на основании Домициева закона, путем избрания 17 трибами, выбранными по жребию. Авгурат был пожизненным; *авгур* носил богатую одежду и изогнутый посох. Он истолковывал авспиции (прим. 11) и, признав их дурными, распускал собрание, произнося формулу: “Alio die!” (в другой день). Ср. Лукан, «Фарсалия», IV, 600.
27. См. прим. 105 к кн. I.
28. *Pecuniosus*; *pecunia* от pecus — скот.
29. *Locuples* от locus — местность, участок земли.
30. С 753 по 716 г.
31. См. I, 16.
32. Т.е., в 750 г. Эту дату принимает Полибий (I, 74). В традиции насчет времени основания Рима имеются расхождения; согласно Варрону, Рим был основан в 753 г. *Олимпиада* — период времени в полные четыре года; летосчисление по олимпиадам (по времени игр в Олимпии, повторяющихся через каждые четыре года на пятый) было введено в Греции в 776 г.
33. Деятельность законодателя *Ликурга* относится к началу IX в. Его смешивали («*ошибка в имени*») с другим Ликургом, который по случаю учреждения олимпиад ввел священное перемирие между Спартой и Афинами. См. Плутарх, «Ликург», 1.
34. *Гесиод* — греческий поэт конца VIII и начала VII в., представитель дидактического эпоса. Его наиболее важные поэмы: «Труды и дни» и «Феогония» (Происхождение богов).
35. Тисий из Гимеры, по прозванию *Стесихор* («постановщик хоров»), — лирический поэт (около 630—550).
36. *Симонид Кеосский* — лирический поэт, автор эпиграмм (556—468).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
37. По преданию, патриций из Альбы-Лонги. См. Ливий, I, 16; Плутарх, «Ромул», 28.
38. Платон. Имеется в виду его диалог «Государство».
39. Аристотель, Феофраст. Ср. Цицерон, «О законах», III, 13 сл.; «О предвидении», II, 3.
40. Слово *patricius* — прилагательное, образовавшееся от слова pater, отец; впоследствии оно стало существительным.
41. *Interregnum*. В эпоху республики, в случае смерти обоих консулов, сенаторы-патриции избирали из своей среды правителя на пятидневный срок (интеррекс, «междуцарь»); интеррекс проводил выборы новых консулов; иногда приходилось избирать нескольких интеррексов одного за другим. См. Цицерон, «О законах», III, 9; Ливий, I, 17.
42. См. Плутарх, «Нума», 2. *Куры* — главный город Сабинской области.
43. Каждая курия составлялась из 10 родов; 10 курий составляли трибу. Куриатские комиции были патрицианскими. Закон об империи принимался куриатскими комициями; в I в. это стало формальностью: куриатские комиции представляли 30 ликторов, собиравшихся под председательством верховного понтифика.
44. Коллегия из 15 жрецов: трех фламинов главных божеств — Юпитера, Марса и Квирина, и 12 фламинов младших божеств. Наибольшими правами и значением обладал фламин Юпитера (flamen Dialis).
45. Коллегия жрецов Марса.
46. *Девы-весталки* — жрицы Весты, покровительницы домашнего и государственного очага; поддерживали неугасимый огонь в ее храме; в течение 30 лет служения богине были обязаны хранить целомудрие; нарушение этого обета каралось закапыванием в землю заживо. Весталка имела право миловать осужденного на казнь, свидетельствовать в суде и составлять завещание. См. Ливий, I, 20.
47. См. Цицерон, «О законах», II, 19; 25.
48. По свидетельству Ливия (I, 21), Нума царствовал 42 года.
49. *Летописи*, которые вел верховный понтифик. См. прим. 71 к кн. I.
50. Греческие колонии на италийском берегу Ионического моря.
51. Т.е. в 532—529 гг.
52. *Комиций* — северо-западная часть римского форума, место собраний; здесь было построено здание для собраний сената, получившее название Гостилиевой *курии*.
53. *Фециалы* — коллегия жрецов бога верности (dius Fidius), следившая за соблюдением международных договоров, объявлявшая войну и заключавшая мир; при этом совершались ритуальные обряды: при объявлении войны старшина фециалов (pater patratus) бросал копье на вражескую территорию. См. прим. 15 к кн. I; «О законах», II, 21.
54. Остия — морской порт Рима, расположенный в устье Тибра.
55. См. Ливий, I, 32 сл.
56. См. Ливий, I, 34. Далее речь идет о младшем сыне Демарата, переселившемся в Рим. *Кипсел* правил в Коринфе с 657 по 627 г.
57. «*Высказывать мнение*» (sententiam dicere) — технический термин: выступать с речью в сенате, вносить мотивированное предложение. Число сенаторов было доведено до 300.
58. Так называемые «*всадники*» составляли зажиточный класс граждан (18 центурий); они несли военную службу в коннице; государство оплачивало им содержание их коней. См. ниже, § 39.
59. См. выше, § 14.
60. Ср. Цицерон, «О законах», II, 33; «О предвидении», I, 31 слл.; «О природе богов», II, 9; Ливий, I, 36.
61. *Великие игры* — в честь капитолийских божеств: Юпитера, Юноны и Минервы; происходили с 5 по 19 сентября. См. Ливий, I, 35.
62. См. Ливий, I, 34—38.
63. См. Ливий, I, 41.
64. Текст испорчен. Увеличение числа центурий конницы до 18 (вместо прежних 6) приписывается Сервию Туллию. «*Младшие*» разряды были составлены из мужчин в возрасте

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
до 45 лет, способных нести военную службу; «*старшие*» разряды были резервом. См. Ливий, I, 43.
65. «*Шесть голосов*» — это 6 центурий римских всадников, которые учредил Тулл Гостилий. Таким образом, 12 + 6 центурий всадников + 70 центурий первого разряда + 1 центурия плотников составили 89 центурий. *Восемь центурий*, о которых говорится здесь, — это центурии второго разряда. 89 + 8 = 97, т.е. большинство. См. Цицерон, «Речь в защиту Флакка», 15.
66. *Assiduus* — от слов *as* — монета и *do* — даю. Ср. Геллий, «Аттические ночи», XVI, 10, 15. Слово «*пролетарий*» происходит от слова proles — потомство.
67. *Акценс* — в гражданском быту служители консулов и преторов; в военном быту 1) помощники центурионов, 2) легковооруженная пехота.
68. Согласно традиции, *Карфаген* был основан в 815 г., т.е. за 65 лет до основания Рима.
69. См. I, 50.
70. Царь Тарквиний Гордый.
71. В *Дельфах* (Фокида) находился знаменитый храм Аполлона и оракул.
72. См. I, 45.
73. Царя Сервия Туллия.
74. По представлению древних, преступник боялся кары за совершенное им злодеяние и потому его рассудок мог помутиться. См. Цицерон, «Речь об ответах гаруспиков», 39.
75. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», III, 19; «Письма к близким», XI, 7, 2 (812). *Луций Юний Брут* — едва ли историческая личность. См. Ливий, I, 57—60.
76. Согласно традиции, это произошло в 510 г.
77. О *тиранне* см. прим. 123 к кн. I.
78. Ср. Цицерон, «О дружбе», 54 сл.
79. Ср. кн. I, 65, 68. Возможно, намек на Цезаря.
80. *Спурий Кассий Вецеллин* — консул 468 г., вместе с Прокулом Вергинием, предложил закон о распределении части государственных земель между плебсом; закон этот встретил сопротивление со стороны Вергиния и сената. Кассий предложил также возвратить плебсу деньги, уплаченные им за зерно, полученное из Сицилии. Кассий был обвинен в стремлении к царской власти и осужден на смерть. См. ниже, § 60; речи: «О доме», 101; «II филиппика», 87 и 114; Ливий, II, 41.
81. *Марк Манлий* — консул 390 г., отразил нападение галлов на Капитолий, за что был прозван Капитолийским; впоследствии был обвинен в стремлении к царской власти, но был оправдан; в 392 г. был обвинен снова, осужден и сброшен с Тарпейской скалы, как Спурий Кассий.
82. О *Спурии Мелии* см. прим. 24 к кн. I.
83. Герусия состояла из 30 членов в возрасте старше 60 лет, избиравшихся народом. «Геронт» значит старик, старейшина.
84. См. Платон, «Государство», VIII, 565 — IX, 580.
85. Т.е. с 751 по 509 г.
86. См. выше, прим. 41.
87. *Луций Тарквиний Конлатин* (Коллатин) был родственником изгнанного царя Тарквиния Гордого. См. Ливий, II, 2.
88. *Публий Валерий* заменил Конлатина, отказавшегося от консульства. Согласно традиции, он произвел демократические реформы. Ликторские связки (прим. 142 к кн. I) были опущены перед народом в знак признания его верховной власти. См. кн. I, 62; Ливий, II, 7.
89. О *провокации* и *Валериевом законе* см. прим. 143 к кн. I. О *децемвирах* см. ниже, § 61.
90. По традиции, в 451 г. См. Ливий, III, 35 слл.
91. Консулы 449 г. См. Ливий, III, 39.
92. Известны три *Порциевых закона*, изданные в 198, 195 и 185 гг. Их обычно объединяли в один закон — lex Porcia de tergo civium. См. Цицерон, речи: «В защиту Гая Рабирия», 12; «Против Верреса», (II) V, 163; Ливий, X, 9.
93. Кара за нарушение закона, упоминаемая в конце его текста.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
94. Секиры, вложенные в *ликторские связки*, символизировали право жизни и смерти, которым магистраты, облеченные империем, располагали за пределами померия (imperium militiae). См. прим. 17 и 142 к кн. I.
95. Ср. Цицерон, «О законах», III, 8; Ливий, II, 1, 7; IV, 3, 9; Полибий, VI, 11, 12.
96. Так называемая *auctoritas patrum*; см. выше, § 25; Ливий, I, 17, 9; 22, 1: IV, 3, 10; VI, 42, 10.
97. См. Ливий, II, 18, 4. Согласно традиции, это произошло в 498 г. *Тит Ларций*, консул 501 и 498 гг., был первым диктатором.
98. В 493 г. Упоминание о требовании «*природы вещей*» отражает представления стоицизма. Ср. выше, § 45.
99. См. I, 69.
100. Об «*уходах плебса*» см. прим. 144 к кн. I. После первого ухода плебса был учрежден трибунат; плебейские трибуны получили право оказывать плебеям помощь, налагая запрет на решение магистратов (*ius auxilii*); см. ниже, § 59.
101. *Феопомп* царствовал в 704 г. Списки эфоров восходят к более раннему времени.
102. Солон в 592—591 гг. издал закон об уменьшении долгового бремени, запрещавший обращать в рабство за долги, закон этот имел обратное действие. В Риме волнения были вызваны действиями ростовщика Луция Папирия; консулы Гай Петелий Либон и Луций Папирий Курсор в 323 г. провели закон (Петелиев—Папириев закон), запрещавший заключать должника в тюрьму, но не касавшийся его имущественной ответственности. См. Ливий, VIII, 28; Валерий Максим, VI, 7, 9. См. прим. 74 к кн. I.
103. Первое в традиции упоминание о судебной власти квестора. См. выше, § 49.
104. Консульские фасты относят этих консулов к 454 г. См. Ливий, III, 65; Дионисий Галикарнасский, X, 50. — Штраф (multa) в древнейшую эпоху платили скотом, впоследствии деньгами; штраф за неповиновение властям или за нарушение закона налагался либо магистратом, либо трибутскими комициями. *Иск* с внесением денежного залога (legis actio sacramento) был древнейшей формой гражданского процесса: каждая из сторон давала клятву (sacramentum) и вносила денежный залог; проигравшая сторона теряла этот залог, и он поступал в казну; залог этот также получил название sacramentum.
105. Согласно традиции, в 430 г. См. Ливий, IV, 30.
106. *Codex decemviralis. Duodecim tabulae*. Согласно традиции, в 451 г. комиссия в составе десяти патрициев выработала эти законы (см. ниже, § 63). Текст законов был вырезан на бронзовых досках, которые были выставлены на форуме; они погибли во время нашествия галлов. До нас дошли фрагменты, относящиеся к судебной процедуре и к гражданскому и уголовному праву. См. Ливий, III, 35 слл.
107. *Гай Юлий Юл* был децемвиром второго года. См. Ливий, III, 33. Поручители должны были обеспечить явку обвиняемого в суд; обвиняемый оставался на свободе. *Провокация* (см. выше, § 51 слл.) совершалась к «народу» (ad populum), каковым в древнейшие времена считались только патриции. Совокупность прав римского гражданина обозначалась словом caput.
108. Согласно традиции, *плебисцит Канулея* был принят в 445 г. Плебисцитом называлось постановление трибутских комиций.
109. Северо-западная часть Альбанской горы; согласно традиции, это произошло в 449 г. Эпизод с Вергинией повторяет историю Лукреции; см. выше, § 46.
110. Согласно традиции, в 458 г.
111. Ср. Цицерон, «О законах», II, 53.
112. «*Огромный зверь*» — слон.
113. *Concordia ordinum*. См. выше, кн. I, 32, прим. 95.
* Перевод этого фрагмента неверен. В оригинале: «quo tamen e collegio laus est illa eximia C. Iuli, qui hominem nobilem L. Sestium, cuius in cubiculo ecfossum esse se praesente corpus mortuum diceret, cum ipse potestatem summam haberet quod decemvirum unus sine provocatione esset, vades tamen poposcit, quod se legem illam praeclaram neglecturum negaret, quae de capite civis Romani nisi comitiis centuriatis statui vetaret»: «Однако из этой коллегии исключительна слава Гая

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
Юлия, который от знатного человека Луция Сестия, в спальне которого, как он [Юлий] утверждал, в его [Юлия] присутствии был откопан труп, все же потребовал поручителей — хотя сам [Юлий] и обладал высшей властью, ибо, как один из децемвиров, был избавлен от возможности провокации; он [Юлий] заявил, что не намерен пренебречь превосходным законом, который запрещал выносить решение о жизни и смерти римского гражданина иначе, чем в центуриатных комициях». Смысл отрывка: Юлий вызвал Сестия на суд центуриатных комиций, хотя имел право казнить его собственной властью. Ср. Liv. III 33, 10. Цицерон ошибочно включает Гая Юлия во вторую коллегию децемвиров: он был членом первой коллегии (Fasti Cap.; Liv. III 33, 3, 10; Diod. XII 23, 1; Dion Hal. X 56, 2). — Прим. О.В. Любимовой.

Второй день
Книга III

Так как обсуждение этого вопроса было отложено на следующий день, то рассмотрение его в третьей книге вызвало оживленные споры. Сам Фил, предупредив с самого начала, что это мнение не следует приписывать именно ему, изложил взгляды тех, кто считает, что править государством, не совершая несправедливости, не возможно, и кто настойчиво высказывался в защиту несправедливости и против справедливости, на основании соображений, похожих на истину, и примеров пытаясь доказать, что первая государству полезна, а вторая не полезна. Затем, по просьбе всех присутствовавших, Лелий стал защищать справедливость и всячески доказывать, что нет ничего столь враждебного государству, как несправедливость, и что вообще государство может управляться, вернее, сохраняться, только благодаря великой справедливости[1]. После того, как вопрос этот был рассмотрен, по общему признанию, достаточно, Сципион возвратился к тому, на чем он остановился, и повторил и предложил свое краткое определение государства, которое он назвал «достоянием народа»; но народ, по его мнению, не любое множество людей, а множество людей, объединенных согласием относительно права и общностью интересов. Затем он показал, как велика при обсуждении вопроса польза «определения», и на основании этих своих определений сделал вывод, что государство, то есть «достояние народа», существует тогда, когда им хорошо и справедливо правит либо один царь, либо немногочисленные оптиматы, либо весь народ. Но когда несправедлив царь, которого Сципион, по греческому обычаю, назвал тиранном, или несправедливы оптиматы, сговор которых он назвал кликой, или же несправедлив сам народ, который он, не найдя для него подходящего наименования, также назвал тиранном, то государство уже не только порочно, о чем говорилось накануне, но — как показывает вывод из приведенных определений — его вообще не существует, так как оно уже не достояние народа, раз его захватил тиранн или клика, да и сам народ в этом случае уже не народ, раз он не справедлив, так как это не множество людей, объединенных согласием относительно права и общностью интересов, каковое определение было дано народу (*Августин*, «О государстве божьем», II, 21).

(I, 1) В своей третьей книге о государстве этот же Туллий говорит, что человек рожден природой для жизни — словно она ему не мать, а мачеха — с телом нагим, хилым и слабым, с душой, робкой при трудностях, поддающейся страхам, нестойкой при лишениях и склонной к чувствительности, с душой, которой, однако, присущ как бы внесенный в нее божественный огонь дарований и ума (*Августин*, «Против Юлиана Пелаг.», IV, 12, 60).

И в самом деле, какое существо находится в более жалком положении, чем мы, ввергаемые в эту жизнь как бы нищими и нагими, с тщедушным телом, с робким сердцем, со слабым духом, пугливыми при тревогах, ленивыми в трудах, склонными к наслаждениям? (*Амвросий*, «О кончине Сатира», 2, 27).

(2) Хотя человек рождается хилым и слабым, ему все же не опасно ни одно бессловесное существо, а всем им, рождающимся сильными, все же, хотя они стойко переносят непогоду, опасен человек. Таким образом, разум приносит человеку пользу бо́льшую, чем та, какую бессловесным существам приносит природа, так как последних ни значительность их сил, ни стойкость их тела не могут избавить от истребления нами и подвластности нам. (19) Платон, мне думается, желая опровергнуть этих неблагодарных, высказал природе благодарность за то, что родился человеком (*Лактанций*, “De opificio Dei”, III, 16, 17, 19).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(II, 3) [Лакуна] [Разум предоставил в распоряжение человека,] ввиду медленности его передвижения, повозки, а когда разум этот обнаружил, что люди беспорядочно издают нечленораздельные и невнятные звуки[2], то он разделил эти звуки, разбил их на части и, так сказать, как знаки оттиснул слова на предметах и людей, ранее между собой разобщенных, связал приятнейшими узами речи. Тот же разум обозначил и выразил все звуки человеческого голоса, казавшиеся бесчисленными, небольшим количеством знаков, которые он изобрел, — чтобы посредством их можно было сохранять и беседу с людьми отсутствующими, и изъявления воли, и записи прошлого. К этому прибавилось число, вещь и необходимая для жизни, и единственная, которая не изменяется и существует вечно. Число впервые подвигло нас и на то, чтобы мы, глядя на небо, не следили понапрасну за движением звезд, но, считая дни и ночи, … [приводили в порядок календарь.] [Лакуна]

(III, 4) [Философы,]… чей ум возвысился еще больше и смог совершить и придумать нечто достойное дара богов, как я уже говорил. Поэтому да будут для нас те, кто рассуждает о правилах жизни, великими людьми (какими они и являются), да будут они учеными, да будут они наставниками в истине и доблести, только бы истина и доблесть — независимо от того, придуманы ли они мужами, хорошо знакомыми с разными видами государственного устройства, или же изучались ими на досуге и по сочинениям (как это и было), — отнюдь не встречали пренебрежения к себе. Я имею в виду гражданственность и устроение жизни народов, которое вызывает (и весьма часто уже и вызывало) в честных сердцах появление, так сказать, необычайной и богами внушенной доблести. (5) Но если кто-нибудь к тем способностям своего ума, которые получены им от природы и благодаря гражданским установлениям, признал нужным прибавить образование и более обширные познания, — как поступили те, кто занимается обсуждением этих вот книг, — то не найдется человека, который не предпочел бы таких людей всем остальным. И право, что может быть более славным, чем сочетание великих дел и опыта с изучением этих наук и познанием их? Другими словами, можно ли вообразить себе более благородного человека, чем Публий Сципион, чем Гай Лелий, чем Луций Фил, которые, дабы не пройти мимо всего того, чем достигается вся слава, выпадающая на долю знаменитых мужей, прибавили к обычаям отечественным и дедовским также и это чужеземное учение, исходящее от Сократа? (6) Следовательно, кто пожелал и смог добиться и того, и другого, то есть познать и установления предков, и философские учения, тот, по моему мнению, достиг всего того, что приносит славу. Но если следует избрать один из этих двух путей к мудрости, то — даже если спокойный образ жизни, протекающей в благороднейших занятиях и науках, кому-либо и покажется более счастливым, — все же жизнь гражданина более достойна хвалы и, несомненно, более славна, коль скоро за нее выдающихся мужей превозносят так, как, например, превозносили Мания Курия[3] —

Тот, кого никто ни мечом не осилил, ни златом.

или… [Лакуна]

Его никто — ни гражданин, ни гость —
За подвиги не сможет наградить[4].

(IV, 7) [Лакуна]… [что оба пути] были мудростью, но различие между тем и другим заключалось в том, что одни люди воспитывали природные начала наставлениями и науками, а другие — установлениями и законами. Но одно наше государство дало большее число если и менее мудрых мужей (так как эти философы истолковывают это название столь ограничительно), то, несомненно, людей, достойных высшей хвалы, так как они почитали поучения и открытия мудрецов. И если мы — независимо от того, сколько существует и существовало государств, достойных хвалы (так как нужна величайшая и непревзойденная в природе мудрость, чтобы создать государство, которое может быть долговечным), — если мы

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
в каждом из таких государств найдем хотя бы одного такого мужа, то какое тогда окажется великое множество выдающихся мужей! Но если мы пожелаем мысленно обозреть в Италии Лаций, или там же племена сабинян и вольсков, Самний, Этрурию, знаменитую Великую Грецию[5], если мы затем обратим свой взор на ассирийцев, на персов, на пунийцев, на эти… [Лакуна]

(V, 8) *ФИЛ.* — Вы мне поручаете поистине превосходную задачу, желая, чтобы я взял на себя защиту бесчестности.

ЛЕЛИЙ. — Конечно, если ты выскажешь то, что обычно высказывают против справедливости, ты, пожалуй, можешь произвести впечатление, что и ты такого же мнения, хотя сам ты — как бы исключительный образец древней порядочности и честности, и хотя хорошо известно твое обыкновение рассуждать с противоположных точек зрения[6], так как, по твоему мнению, таким образом легче всего дойти до истины.

ФИЛ. — Ну, хорошо, я исполню ваше желание и сознательно испачкаюсь. Так как от этого не отказываются люди, ищущие золото, то мы, ищущие справедливости, которая гораздо дороже всякого золота, конечно, не должны страшиться трудностей. О, если бы мне, коль скоро я должен буду использовать чужие доводы, было дозволено поручить эту речь другому! Теперь Луций Фурий Фил должен сказать то, что Карнеад[7], грек, привыкший выгодную ему мысль… [выражать] словами, … [высказал против справедливости.] [Лакуна]

(9) …чтобы вы ответили Карнеаду, который, по изворотливости своего ума, часто высмеивает наилучшие положения.

(VI) Кто не знает, как велика была убедительность доводов Карнеада, философа академической школы, и каким красноречием и остротой ума он отличался, тот именно это поймет из оценки, данной ему Цицероном, или же из оценки, данной ему Луцилием, у которого Нептун, рассуждая о труднейшем вопросе, указывает, что он не сможет его разъяснить, «если Орк[8] не отпустит к нему самого Карнеада». Когда Карнеад был прислан афинянами в Рим в качестве посла, он произнес обстоятельную речь о справедливости в присутствии Гальбы и Катона Ценсория, величайших ораторов того времени. Но этот же Карнеад на другой день опроверг свои положения противоположными положениями и справедливость, которую превозносил накануне, уничтожил и притом не убедительной речью философа, чье мнение должно быть твердым и незыблемым, но как бы ораторским упражнением, при котором рассуждение ведется с обеих точек зрения. Так он поступал обычно, чтобы быть в состоянии опровергнуть мнения других людей, отстаивавших любое положение. Рассуждение, которым отвергается справедливость, у Цицерона вспоминает Луций Фурий, мне думается, потому, что он рассуждал о государстве, чтобы выступить с защитой и прославлением справедливости, без которой, по его мнению, править государством невозможно. Но Карнеад для того, чтобы опровергнуть положения Аристотеля и Платона, поборников справедливости, в своей первой речи собрал все то, что высказывалось в защиту справедливости, чтобы быть в состоянии все это опровергать, как он и поступил (*Лактанций*, “Instit. div.”, V, 14, 3—5).

(VII, 10) Большинство философов, а особенно Платон и Аристотель, высказало о справедливости многое, превознося ее как истину и доблесть, достойную высшей хвалы, так как она воздает каждому свое и сохраняет равенство между всеми. И между тем как другие доблести как бы безмолвны и замкнуты в себе, справедливость — единственная доблесть, не замкнутая в себе и не скрытая, но обнаруживающаяся вся целиком и склонная к хорошим поступкам ради того, чтобы приносить возможно бо́льшую пользу. Как будто справедливость должна быть присуща одним только судьям и людям, облеченным какой-либо властью, а не всем! (11) Между тем нет человека даже среди самых незначительных и нищих людей, который не мог бы приобщиться к справедливости. Но так как они не знали, что она собой представляет, откуда проистекает, каково ее назначение, то они эту высшую доблесть, то есть общее благо, объявили уделом немногих и заявили, что она не ищет своей пользы, а только благоприятствует чужим выгодам. И Карнеад, человек необычайного дарования и остроты ума, с полным основанием выступил, дабы доказать несостоятельность утверждений этих людей и отвергнуть значение справедливости, не имевшей прочного основания, — не потому, что он полагал, что справедливость заслуживает порицания, но с целью доказать, что поборники справедливости не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
выставили в ее защиту никаких определенных, никаких незыблемых доводов (*Лактанций*, Эпитома, 50 [55], 5—8).

Справедливость глядит наружу, вся выступает вперед и выдается… (*Ноний*, 373, 30).

… доблесть, которая вся более, чем все другие, стремится к служению другим и в этом и проявляется (*Ноний*, 299, 30).

(VIII, 12) *ФИЛ.* — …находил бы и защищал, … но другой[9] рассуждениями своими о самой справедливости заполнил четыре весьма обширных книги. Ведь от Хрисиппа[10] я не ожидал ничего великого и блестящего: он говорит, так сказать, в своем духе, рассматривая все по значению слов, а не по сущности вещей. Уделом тех героев[11] было оживлять эту доблесть, когда она лежит поверженная, и возводить ее на божественный престол рядом с мудростью; ведь одна она (если она существует), рожденная для других, а не для себя, весьма благотворна и щедра и всех любит больше, чем себя самое. (13) И ведь у них вовсе не было недостатка ни в желании (какое же у них было иное основание писать и вообще какое другое намерение?), ни в даровании, которым они превосходили всех; но действительность оказалась сильнее их желания и их способностей. Ведь право, которое мы исследуем, есть нечто, относящееся к гражданственности, но отнюдь не к природе[12]. Ибо, если бы оно относилось к природе, то — подобно горячему и холодному, подобно горькому и сладкому — справедливое и несправедливое были бы одинаковыми для всех людей.

(IX, 14) Но теперь, если бы кто-нибудь «с колесницы, влекомой крылатыми змеями», как писал Пакувий[13], мог обозреть с высоты и воочию увидеть многие и разные народы и города, то он прежде всего заметил бы, что египтяне, самый старозаветный из всех народов и располагающий летописями событий за очень много веков, считают божеством какого-то быка, которого они зовут Аписом. Такой человек увидел бы у тех же египтян и многие другие чудовища и разных зверей, причисленных ими к богам. Затем он увидел бы в Греции, как и у нас, великолепные храмы, посвященные богам в человеческом образе. Персы сочли это кощунством, и Ксеркс, как говорят, повелел предать огню храмы афинян по одной той причине, что считал кощунством держать взаперти богов, чей дом — весь этот мир[14]. (15) Но впоследствии и Филипп, намеревавшийся воевать с персами, и Александр[15], пошедший на них войной, оправдывали эту войну своим желанием отомстить за храмы Греции. Греки не считали нужным даже восстанавливать их, дабы у их потомков было перед глазами вечное доказательство злодеяний персов[16]. Как много было народов, — как, например, тавры на берегах Аксинского Понта[17], как египетский царь Бусирид[18], как галлы[19], как пунийцы[20], — считавших человеческие жертвоприношения делом благочестия, весьма угодным богам!

И действительно, правила жизни настолько не сходны, что критяне и этоляне считают морской разбой почетным делом[21], а лакедемоняне объявляют своими все те земли, куда могло долететь их копье. Афиняне имели обыкновение клятвенно объявлять от имени государства, что им принадлежат все те земли, на которых растут оливы и хлебные злаки[22]. Галлы считают для себя постыдным сеять хлеб своими руками[23]; поэтому они, вооруженные, снимают урожай с чужих полей. (16) А мы, якобы самые справедливые люди, не позволяем заальпийским народам сажать оливы и виноград, дабы наши сады олив и виноградники стоили дороже[24]. Когда мы так поступаем, то говорят, что мы поступаем разумно, но не говорят, что справедливо, — дабы вы поняли, что между благоразумием и справедливостью существует различие. Между тем Ликург, придумавший наилучшие законы и справедливейшее право, велел земли богачей обрабатывать плебеям, словно они были рабами[25].

(X, 17) Но если бы я пожелал описать виды права, установлений, нравов и обычаев, различные не только у стольких народов, но и в одном городе и даже в нашем, то я доказал бы вам, что они изменялись тысячу раз: наш истолкователь права Манилий[26] говорит, что насчет

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
легатов[27] и наследств в пользу женщин ныне существуют одни права, а он сам, в свои молодые годы, говорил о других, когда Вокониев закон[28] еще не был издан. Именно этот закон, предложенный в интересах мужчин, — сама несправедливость по отношению к женщинам. И в самом деле, почему бы женщине не иметь своего имущества? Почему у девы-весталки наследник может быть, но его не может быть у ее матери? И почему — если для женщины следует установить предельную меру имущества — дочь Публия Красса[29], если она единственная у отца, могла бы, без нарушения закона, иметь сто миллионов сестерциев, а моя дочь не могла бы иметь и трех миллионов?… [Лакуна]

(XI, 18) [Если бы сама природа] для нас установила права, все люди пользовались бы одними и теми же [законами], а одни и те же люди не пользовались бы в разные времена разными законами. Но я спрашиваю: если долг справедливости человека и честного мужа — повиноваться законам, то каким именно? Всяким ли, какие только ни будут изданы[30]? Но ведь доблесть не приемлет непостоянства, а природа не терпит изменчивости; законы же поддерживаются карой, а не нашим чувством справедливости. Таким образом, право не заключает в себе ничего естественного; из этого следует, что нет даже людей, справедливых от природы. Или законы, как нам говорят, изменчивы, но честные мужи, в силу своих природных качеств, следуют той справедливости, которая существует в действительности, а не той, которая таковой считается? Ведь долг честного и справедливого мужа — воздавать каждому то, чего каждый достоин[31]. (19) Как же, следовательно, отнесемся мы прежде всего к бессловесным животным? Ведь не люди посредственного ума, а выдающиеся и ученые мужи, Пифагор и Эмпедокл[32], заявляют, что все живые существа находятся в одинаковом правовом положении; они утверждают, что тем, кто нанесет повреждение животному, грозит бесконечная кара. Итак, нанести вред дикому животному — преступление и это преступление… [для того,] кто [не] захочет [его избегнуть, оказывается пагубным.] [Лакуна]

(XII, 20) А если человек пожелает следовать справедливости, не будучи при этом сведущ в божественном праве, то он примет законы своего племени, словно они являются истинным правом, законы, которые при всех обстоятельствах придумала не справедливость, а выгода. И в самом деле, почему у всех народов приняты различные и отличающиеся одни от других законы, но каждое племя установило для себя то, что оно признало полезным для себя? Но в какой мере польза расходится со справедливостью, дает понять сам римский народ, который, объявляя войны при посредстве фециалов, нанося обиды законным путем и всегда желая чужого и захватывая его, завладел всем миром (*Лактанций*, “Instit. div.”, VI, 9, 2—4).

Ведь всякая царская власть или империй, если я не ошибаюсь, добываются посредством войны и распространяются путем побед. Но война и победы основаны более всего на захвате и разрушении городов. Эти действия неизбежно связаны с оскорблением богов, таковы же и разрушения городских стен и храмов; им подобно и истребление граждан и жрецов, и с ними вполне сходно разграбление сокровищ священных и мирских. Следовательно, римляне совершили святотатств столько же, сколько у них было трофеев; триумфов по случаю побед над богами они справили столько же, сколько и по случаю побед над народами; добыча их столь велика, сколько до сего времени у них остается изображений плененных ими богов (*Тертуллиан*, «Апология», XXV, 14—15).

(21) Итак, Карнеад ввиду того, что положения философов были шатки, осмелился опровергать их, поняв, что опровергнуть их возможно. Его доказательства сводились к следующему: люди установили для себя права, руководствуясь выгодой, то есть права, различные в зависимости от обычаев, причем у одних и тех же людей права часто изменялись в зависимости от обстоятельств; но права естественного не существует; все люди и другие живые существа под руководством природы стремятся к пользе для себя; поэтому справедливости либо не существует вообще, либо — если какая-нибудь и существует — это величайшая нелепость, так как она сама себе вредит, заботясь о чужих выгодах. И он приводил следующие доводы: всем народам, процветающим благодаря своему могуществу, в том числе и самим римлянам, чья власть простирается над всем миром, — если только они пожелают быть справедливыми, то есть возвратить чужое, — придется вернуться в свои хижины и влачить жизнь в бедности и нищете (*Лактанций*, “Instit. div.”, V, 16, 2—4).

(22) Благу отчизны всегда и во всем отдавать предпочтенье[33],

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
не обращая внимания на человеческие распри; правило это теряет всякий смысл. И действительно, что другое представляет собой выгода для отчизны, если не невыгоду для другого государства или для другого народа? Это значит расширять пределы отчизны, насильственно захватывая чужие земли; укреплять свою власть, взимать бо́льшую дань. (23) Кто таким образом приобретет для отечества эти «блага», как они их называют, то есть, уничтожив государства и истребив народы, набьет казну деньгами, захватит земли, обогатит сограждан, того превозносят похвалами до небес и видят в нем высшую и совершенную доблесть; таково заблуждение не только народа и неискушенных людей, но и философов, которые даже преподают наставления в несправедливости, дабы неразумие и злоба не были лишены обоснования и авторитета (*Лактанций*, “Instit. div.”, VI, 6, 19, 23).

(XIII, 23) *ФИЛ.* — …ведь все, обладающие властью над жизнью и смертью людей, — тиранны, но предпочитают, чтобы их называли царями, по имени Юпитера Всеблагого[34]. Когда же определенные люди, благодаря своему богатству, или происхождению, или каким-либо преимуществам, держат государство в своих руках, то это клика, но называют их оптиматами. А если наибольшей властью обладает народ и все вершится по его усмотрению, то это называется свободой, но в действительности это есть безвластие. Но когда один боится другого (и человек — человека, и сословие — сословия), то, так как никто не уверен в своих силах, заключается как бы соглашение между народом и могущественными людьми. Так возникает то, что Сципион восхвалял, — объединенный род государственного устройства; и в самом деле, мать справедливости не природа и не добрая воля, а слабость. Ибо, когда предстоит выбрать одно из трех — либо совершать беззакония, а самому их не терпеть, либо их и совершать и терпеть, либо не делать ни того, ни другого, то наилучший выход — их совершать, если можешь делать это безнаказанно; второе — их не совершать и не терпеть, а самый жалкий удел — всегда биться мечом, и совершая беззакония, и страдая от них. Итак, те, которые достичь первого [не могли, объединились на втором, и так возникло смешанное государственное устройство.] [Лакуна]

(XIV, 24) …ибо, когда его спросили, какие преступные наклонности побудили его сделать море опасным для плавания, когда он располагал одним миопароном, он ответил: «Те же, какие побудили тебя сделать опасным весь мир»[35] (*Ноний*, 125, 12).

(XV) …Благоразумие велит нам всячески умножать свое достояние, увеличивать свои богатства, расширять границы (в самом деле, какие основания были бы для хвалебных надписей, высекаемых на памятниках выдающимся императорам[36]: «Границы державы он расширил»[37], — если бы он не прибавил некоторой части чужой земли?), повелевать возможно бо́льшим числом людей, наслаждаться, быть могущественным, управлять, владычествовать. Напротив, справедливость учит щадить всех, заботиться о людях, каждому воздавать должное, ни к какой вещи, посвященной богам, ни к какой государственной или чужой собственности не прикасаться. Что же, следовательно, достигается, если станешь повиноваться голосу благоразумия? Богатство, власть, имущество, почести, империй, царская власть и для частных людей, и для народов. Но так как мы говорим о государстве, то для нас более очевидно то, что совершается от его имени, и так как сущность права в обоих случаях одна и та же, то, по моему мнению, следует поговорить о благоразумии народа. О других народах я говорить не стану. А наш народ, чье прошлое Публий Африканский во вчерашней беседе представил нам с самого начала и чья держава уже распространилась на весь мир? Благодаря чему он из незначительного стал величайшим — благодаря справедливости или благоразумию?… [Лакуна]

(25) *ФИЛ.* — …за исключением аркадян и афинян, которые, пожалуй, опасаясь, что когда-нибудь появится этот запрет, то есть чувство справедливости, придумали, что они возникли из земли, — ну, совсем так, как полевые мышки — из пашни[38].

(XVI, 26) На это прежде всего обыкновенно так возражают те, кто достаточно искусен в рассуждениях и пользуется в этом вопросе тем бо́льшим авторитетом, что они — когда речь

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
идет о честном муже, которого мы хотели бы видеть искренним и простым, — в беседе об этом не лукавы, не склонны к хитроумию, не коварны[39]: они утверждают, что мудрый не потому честен, что его восхищают честность и справедливость сами по себе, но потому, что жизнь честных мужей свободна от страха, забот, тревог и опасностей; напротив, бесчестных мужей всегда гнетет забота, у них перед глазами всегда суд и казнь; но, по их словам, нет преимущества, нет выгоды, рожденной несправедливостью и столь значительной, чтобы стоило всегда бояться, всегда опасаться какой-то нависшей, грозящей кары, утраты… [Лакуна]

(XVII, 27) *ФИЛ.* — Если перед вами два человека: один — доблестнейший муж, добросовестнейший, необычайно справедливый, на редкость верный своему слову, а другой — в высшей степени преступный и дерзкий, и если граждане заблуждаются, считая честного мужа преступным, злонамеренным, нечестивым, а в том, кто бесчестнее всех, видят высшую порядочность и верность слову, и если, вследствие такого мнения всех сограждан, честный муж терпит преследования, нападки, если его берут под стражу, выкалывают ему глаза, осуждают его, на него налагают оковы, его клеймят, изгоняют и обрекают на нищету, и если он, наконец, также и с полным основанием кажется всем людям самым жалким человеком, а бесчестного, напротив, все восхваляют, чтят и любят и со всех сторон воздают ему все почести, облекают его империем, вручают ему все средства, все богатства, словом, его, по всеобщему мнению, признают мужем наилучшим и вполне достойным самой счастливой судьбы, то — спрашиваю я — кто будет столь безрассуден, чтобы не знать, которым из двоих он предпочтет быть[40]?

(XVIII, 28) Что справедливо относительно отдельных лиц, то справедливо и относительно народов: не найдется государства, столь неразумного, чтобы оно не предпочло несправедливо повелевать, а не быть в рабстве по справедливости. Дальше я не пойду. Будучи консулом, я, когда вы были моими советчиками, спросил вас о нумантийском договоре. Кто не знал, что Квинт Помпей заключил подобный же договор и что Манцин был в таком же положении, как он[41]? Манцин как честнейший муж даже поддержал предложение, когда я внес его в силу постановления сената; Помпей ожесточенно защищался. Если мы ищем добросовестности, порядочности, верности своему слову, то все эти качества проявил Манцин; если же мы ищем обоснованности, обдуманности, проницательности, то Помпей его превосходит. Которого из них двоих… [Лакуна]

(XIX, 29). Затем Карнеад, оставив общие вопросы, перешел к частным. Если у порядочного человека, сказал он, есть раб, склонный к побегам, или дом в нездоровой местности, порождающей болезни, причем недостатки эти известны ему одному, и он потому и объявляет о продаже дома или раба, то как поступит он: заявит ли он о продаже раба, склонного к побегам, или дома, порождающего болезни, или же скроет эти недостатки от покупателя? Если он заявит о них, то его, конечно, сочтут порядочным человеком, так как он не обманывает, но все же глупым, так как он либо продаст свое имущество дешево, либо не продаст его совсем; если же он эти недостатки скроет, то он будет, правда, благоразумным, так как позаботится о своей выгоде, но окажется дурным человеком, так как обманет покупателя. Опять-таки, если он найдет человека, полагающего, что продает медь, в то время как это — золото, или же человека, полагающего, что продает свинец, в то время как это — серебро, то промолчит ли он, чтобы купить это по дешевой цене, или же скажет об этом, чтобы купить по дорогой? Предпочесть покупку по дорогой цене, несомненно, будет глупо. Из этого, по мысли Карнеада, следовало понять, что справедливый и порядочный глуп, а благоразумный — человек дурной, но все же возможно, что существуют люди, которые довольны своей бедной долей и при этом не чувствуют себя обиженными.

(XX, 30) Затем он перешел к более важным вопросам и указал, что никто не может быть справедлив, не подвергая своей жизни опасностям; он говорил: конечно, это справедливость — человека не убивать, к чужому имуществу вообще не прикасаться. Но как поступит справедливый человек, если потерпит кораблекрушение, а кто-нибудь, более слабый, чем он, ухватится за доску? Неужели он завладеет этой доской, чтобы взобраться на нее самому и, держась за нее, спастись, — тем более, что в открытом море свидетелей нет? Если он благоразумен, то он так и сделает; ведь ему самому придется погибнуть, если он не поступит так; если же он предпочтет смерть, лишь бы не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
совершать насилия над другим, то он, конечно, справедлив, но неразумен, раз он своей жизни не оберегает, оберегая чужую. Опять-таки, если враги, прорвав строй, начнут наседать, и наш справедливый человек встретится с каким-нибудь раненым, сидящим на коне, то пощадит ли он его, чтобы самому быть убитым, или же сбросит его с коня, чтобы спастись от врага? Если он это сделает, то он благоразумный, но при этом дурной человек; если не сделает, то он справедлив, но в то же время, конечно, неразумен. (31) Итак, разделив справедливость на две части и назвав одну из них гражданской, а другую естественной, Карнеад уничтожил обе, так как гражданская, правда, представляет собой благоразумие, но справедливостью не является; естественная же справедливостью, правда, является, но не является благоразумием. Все это, конечно, хитроумно и пропитано ядом, так что Марк Туллий не смог опровергнуть это; ибо, хотя он и заставляет Лелия отвечать Фурию и говорить в защиту справедливости, он, не опровергнув этого, обошел это, словно ров, так что Лелий, как кажется, защищал не естественную справедливость, которая стала отдавать неразумием, а гражданскую, которую Фурий согласился признать благоразумием, но несправедливым (*Лактанций*, “Instit. div.”, V, 16, 5—13).

(XXI, 32) *ФИЛ*. — …Я не колебался бы высказаться, Лелий, если бы не думал, что присутствующие этого хотят, и если бы я сам не желал, чтобы и ты принял некоторое участие в этой нашей беседе, — тем более, что вчера ты сам сказал, что даже превзойдешь наши ожидания. Но это никак не возможно; все мы просим тебя не отказываться от своего намерения (*Геллий*, I, 22, 8).

…но наше юношество вовсе не должно его слушать[42]; ибо, если он думает то, что говорит, то он человек подлый; если — иное (что я предпочитаю), то его рассуждения все же чудовищны (*Ноний*, 323, 18).

(XXII, 33) *ЛЕЛИЙ*. — Истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая; запрещая, от преступления отпугивает; оно, однако, ничего, когда это не нужно, не приказывает честным людям и не запрещает им и не воздействует на бесчестных, приказывая им что-либо или запрещая. Предлагать полную или частичную отмену такого закона — кощунство; сколько-нибудь ограничивать его действие не дозволено; отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем, и ничего нам искать Секста Элия[43], чтобы он разъяснил и истолковал нам этот закон, и не будет одного закона в Риме, другого в Афинах, одного ныне, другого в будущем; нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей — бог, создатель, судья, автор закона. Кто не покорится ему, тот будет беглецом от самого себя и, презрев человеческую природу, тем самым понесет величайшую кару, хотя и избегнет других мучений, которые таковыми считаются (*Лактанций*, “Instit. Div.”, VI, 8, 6—9).

(XXIII, 34) …что наилучшее государство никогда само не начинает войны, кроме тех случаев, когда это делается в силу данного им слова или в защиту своего благополучия (*Августин*, «О государстве божьем», XXII, 6).

…Но от этих наказаний, которые чувствуют даже величайшие глупцы, — от нищеты, изгнания, тюремного заключения, наказания розгами — частные лица нередко избавляются, если им представляется возможность быстро умереть; для государств же карой является сама смерть, которая, как нам кажется, отдельных лиц избавляет от наказания; ибо государство должно быть устроено так, чтобы быть вечным. Поэтому никакая гибель не естественна для государства, как это бывает в отношении людей, для которых смерть не только неизбежна, но даже весьма часто желанна. Но когда уничтожается, разрушается, перестает существовать государство, то это — сравним малое с великим — как бы напоминает нам гибель и уничтожение всего этого мира (*Августин*, «О государстве божьем», XXII, 6).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(35) …Несправедливы те войны, которые были начаты без оснований. Ибо, если нет основания в виде отмщения или в силу необходимости отразить нападение врагов, то вести войну справедливую невозможно (*Исидор*, Origines, XVIII, 1).

Ни одна война не считается справедливой, если она не возвещена, не объявлена, не начата из-за неисполненного требования возместить нанесенный ущерб (*Исидор*, Origines, XVIII, 1; Etymol., XVIII, 12).

…Но наш народ, защищая своих союзников, уже покорил весь мир (*Ноний*, 498, 13).

(XXIV, 36) В тех же книгах о государстве ведется, несомненно, самый ожесточенный и самый смелый спор против несправедливости и в защиту справедливости. И так как, когда ранее говорилось в защиту несправедливости и против справедливости и высказывалось мнение, что государство может держаться и увеличиваться только несправедливостью, то было принято как прочнейшая основа, что несправедливо, чтобы одни люди были в рабстве у других людей, владычествующих над ними; однако, если несправедливости этой не станет придерживаться повелевающее государство, чья страна обширна, то оно не сможет управлять провинциями. От лица справедливости был дан ответ: это справедливо потому, что таким людям рабское состояние полезно и что это делается им на пользу, когда делается разумно; то есть, когда у бесчестных людей отнимут возможность совершать беззакония, то угнетенные окажутся в лучшем положении, между тем как они, не будучи угнетены, были в худшем. Чтобы подкрепить это положение, привели известный пример, взятый у природы, и было сказано:

Разве мы не видим, что всем лучшим людям владычество даровано самой природой к вящей пользе слабых? Почему же бог повелевает человеком, душа — телом, разум — похотью, гневом и другими порочными частями той же души? (*Августин*, «Против Юлиана Пелаг.», IV, 12, 61).

(XXV, 37) Но следует видеть различия и в том, как повелевают, и в том, как подчиняются. Ибо, как душа, говорят, повелевает телом, как она, говорят, повелевает похотью (но телом она повелевает так, как царь своими гражданами или как отец своими детьми, похотью же — так, как рабами — их владыка, потому что душа сдерживает и смиряет ее), так власть царей, власть императоров, власть магистратов, власть отцов, власть народов правит гражданами и союзниками, как телом правит душа; но владыки подавляют рабов так, как наилучшая часть души, то есть мудрость, подавляет порочные и слабые части той же души, каковы страсти, вспышки гнева, другие треволнения…

…частям тела, ввиду их готовности повиноваться, приказывают, как сыновьям, а порочные части души, как рабов, принуждают более суровой властью (*Августин*, «О государству божьем», XIV, 23).

…Существует вид несправедливого рабства, когда те, кто может принадлежать себе, принадлежат другому; но когда такие люди пребывают в рабстве, … (*Ноний*, 109, 2).

(XXVI, 38) Если, — говорит Карнеад, — ты будешь знать, что где-нибудь скрывается змея, а кто-то, по неосмотрительности, хочет сесть на это место, причем его смерть будет тебе выгодна, то поступишь подло, не предупредив этого человека, чтобы он туда не садился, хотя и останешься безнаказанным. И в самом деле, кто смог бы изобличить тебя в том, что ты об этом знал? Но мы говорим об этом чересчур много. Ведь очевидно, что, если справедливость, верность своему слову и правосудие не будут проистекать из природы и если все эти качества будут иметь в виду одну только выгоду, то честного человека нам не найти. Обо всем этом Лелий достаточно подробно высказался в моих книгах о государстве (*Цицерон*, «О пределах добра и зла», II, 59).

И если я, как ты мне напоминаешь, справедливо сказал в тех книгах, что благо — только то, что честно, и что зло — только то, что позорно, … (*Цицерон*, «Письма к Аттику», X, 4, 4).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XXVII, 39) Мне приятно, что твоя дочка доставляет тебе радость, и что ты согласен с тем, что желание иметь детей естественно. Право, если этого нет, то у человека не может быть естественной связи с человеком, а с уничтожением ее уничтожается и общность жизни. «Ну, и на здоровье!» — говорит Карнеад. Это скверно, но все же благопристойнее, чем то, что говорят Луций и Патрон[44], которые, относя все к себе, считают, что ничего никогда не делается для другого человека, и, утверждая, что честным мужем следует быть только для того, чтобы самому не терпеть бед, а не потому, что это хорошо от природы, не понимают, что говорят о хитром человеке, а не о честном муже. Но об этом, если не ошибаюсь, говорится в тех книгах, похвалив которые, ты прибавил мне силы духа (*Цицерон*, «Письма к Аттику», VII, 2, 4).

…В этих книгах я соглашаюсь с тем, что справедливость, порождающая тревогу и чреватая опасностями, не свойственна мудрецу (Присциан, VIII, 6, 32).

(XXVIII, 40) *ЛЕЛИЙ*. — …Доблесть явно желает почестей, а иной награды за доблесть нет никакой… Награду она принимает охотно, но ее настоятельно не требует.

Какими богатствами прельстишь ты этого мужа? Каким империем? Какими царствами? Его, который считает их человеческими, а свое имущество признает божественным! …Но если все неблагодарные люди, или многие завистники, или могущественные недруги отнимут у доблести ее награды, то ее все же будет многое радовать и утешать, и она более всего будет искать опоры в своей собственной красоте (*Лактанций*, “Instit. div.”, V, 18, 4—8)…

Не тела их были взяты на небо[45]; ведь природа не допустила бы, чтобы происшедшее из земли оставалось где-либо в другом месте, а не на земле (*Августин*, «О государстве божьем», XXII, 4).

…храбрости, настойчивости, упорства храбрейшего мужа никогда не… (*Ноний*, 125, 18).

…Щедрости Пирра, очевидно, недоставало Фабрицию; богатства самнитян — Курию[46] (*Ноний*, 132, 17).

…Когда наш знаменитый Катон приезжал к себе в Сабинскую область, он, как мы слышали от него самого, обыкновенно посещал его родной кров. Сидя подле его очага, Катон отверг дары самнитян, некогда своих врагов, а тогда уже клиентов (*Ноний*, 522, 26).

(XXIX, 41) *ЛЕЛИЙ*. — …[Каков] Тиберий Гракх был в Азии, таков же остался он по отношению к согражданам; он презрел права союзников и латинян[47] и договоры с ними. Если эта привычка к своеволию начнет распространяться все шире и заставит нашу державу перейти от законности к насилию, так что тех, кто пока еще повинуется нам добровольно, мы будем удерживать страхом, то, хотя люди нашего поколения, можно сказать, уцелели благодаря своей бдительности, я все же тревожусь за наших потомков и за бессмертие государства, которое могло бы быть вечным, если бы люди жили по заветам и обычаям «отцов».

(XXX, 42) После этих слов Лелия все присутствующие стали говорить, что он доставил им большое удовольствие, а Сципион, можно сказать, был в восторге.

Ты, Лелий, — сказал он, — часто выступал как защитник во многих судебных делах, так что я не сравню с тобой не только нашего коллегу Сервия Гальбу[48], которого ты, пока он был жив, ставил выше всех других, но даже ни одного из аттических ораторов — ни по приятности речи, … [ни по ее силе.]

…двух качеств недоставало ему: уверенности в себе и голоса, что мешало ему говорить перед толпой и на форуме[49] (*Ноний*, 262, 22).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

…от стонов заключенных в него людей бык, казалось, мычал[50] (Схолии к сатирам Ювенала, VI, 480).

(XXXI, 43) *СЦИПИОН*. — …[которого я намеревался] привезти назад [в Агригент.] Итак, кто назвал бы это «достоянием народа», то есть государством[51], когда все были угнетены жестокостью одного и не было ни общей связи в виде права, ни согласия, ни союза людей, собравшихся вместе, что и есть народ? Это же было и в Сиракузах. Этот знаменитый город, по свидетельству Тимея[52], величайший из греческих городов и самый красивый из городов мира, его крепость, достойная изумления, гавани, воды которых омывают самое сердце города и его плотины, его широкие улицы, портики, храмы, стены[53] — все это, в правление Дионисия[54], никак не заслуживало того, чтобы называться государством; ведь народу не принадлежало ничего, а сам народ принадлежал одному человеку. Итак, где существует тиранн, там не просто дурное государство, как я говорил вчера, а, как мы теперь должны сказать на основании своих рассуждений, вообще не существует никакого государства.

(XXXII, 44) *ЛЕЛИЙ*. — Ты говоришь превосходно; я ведь уже понимаю, к чему клонится твоя речь.

СЦИПИОН. — Следовательно, ты понимаешь, что даже такое государство, которое полностью находится во власти клики, не может, по справедливости, называться государством.

ЛЕЛИЙ. — Таково, действительно, мое мнение.

СЦИПИОН. — И ты совершенно прав. В самом деле, где же было «достояние» афинян тогда, когда после великой пелопоннесской войны этим городом совершенно беззаконно правили тридцать мужей[55]? Разве древняя слава городской общины, или прекрасный внешний вид города, или театр, гимнасии, портики, или прославленные Пропилеи, или крепость, или изумительные творения Фидия, или величественный Пирей[56] делали Афины государством?

ЛЕЛИЙ. — Никоим образом, так как все это не было «достоянием народа».

СЦИПИОН. — Ну, а когда в Риме децемвиры в течение третьего года правили без того, чтобы по их решениям была возможна провокация, когда сама свобода утратила свою законную защиту[57]?

ЛЕЛИЙ. — «Достояния народа» не было; более того, народ постарался вернуть себе свое «достояние».

(XXXIII, 45) *СЦИПИОН*. — Перехожу теперь к третьему виду государства[58], при рассмотрении которого, пожалуй, возникнут затруднения. Когда народ, как говорят, вершит всем и в его власти находится все, когда толпа обрекает на казнь всякого, кого захочет, когда людей подвергают гонениям, когда грабят, захватывают, расточают все, что только захотят, то можешь ли ты, Лелий, и тогда отрицать, что это есть государство, раз все принадлежит народу, так как мы условились считать, что государство есть «достояние народа»?

ЛЕЛИЙ. — Ни одному государству не откажу я в этом названии с такой легкостью, как именно этому, в котором все целиком находится в полной власти толпы. Ибо, если мы признали, что государства не существовало ни в Сиракузах, ни в Агригенте, ни в Афинах, когда там правили тиранны, ни здесь, когда у нас были децемвиры, то я не понимаю, почему понятие государства более применимо к владычеству толпы; ибо, во-первых, для меня народом является только такой, которого удерживает вместе согласие относительно прав[59],

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
как ты, Сципион, превосходно определил, но такое сборище людей, о котором ты упомянул ранее, есть тиранн в такой же мере, как если бы им был один человек, и это даже еще более отвратительный тиранн, так как нет более свирепого зверя, чем тот, который подражает внешнему виду народа и принимает его имя[60]. И совсем не правильно, чтобы — в то время как имущество помешанных людей, по законам, находится во власти их родичей, так как… [они не могут распоряжаться им, — неразумной толпе была дана возможность распоряжаться «достоянием народа».] [Лакуна]

(XXXIV, 46) *СЦИПИОН*. — …[так что об оптиматах] можно сказать то же, что было сказано о царской власти, — почему их правление есть государство и «достояние народа».

МУММИЙ. — И даже с гораздо б**о**льшим основанием; ведь царь более походит на владыку еще и потому, что он один; но ни одно государство не может быть счастливее такого, где власть возьмут в свои руки несколько честных мужей. Но я даже царскую власть предпочту правлению «свободного» народа; ибо именно этот третий вид и есть самое дурное государство.

(XXXV, 47) *СЦИПИОН*. — Знаю я, Спурий, что ты настроен против народного правления[61]. И хотя терпеть его легче, чем это обычно делаешь ты, я все же согласен с тем, что из трех видов государственного устройства этот вид наименее всего заслуживает одобрения. Но я не согласен с тобой в одном — что оптиматы лучше царя. Ведь если государством правит мудрость, то какая же разница, будет ли это мудрость одного или же нескольких человек? Но мы, рассуждая так, становимся жертвой некоторого заблуждения. Ведь когда их называют «оптиматами», то их власть кажется «наилучшей»[62]. Ну, можно ли представить себе что-либо лучшее, чем наилучшее? Но стоит нам только упомянуть о царе, как в нашем воображении тут же появляется царь несправедливый. Но теперь, когда мы рассматриваем вопрос о государстве с царем во главе, мы о несправедливом царе не говорим. Итак, подумай о Ромуле, или о Помпилии, или о царе Тулле; ты, пожалуй, не станешь порицать этот государственный строй.

(48) МУММИЙ. — Какую же хвалу согласен ты воздать народному правлению в государстве?

СЦИПИОН. — А как же, Спурий, родосцы, у которых мы недавно были вместе с тобой[63]? Разве у них, по-твоему, нет государства?

МУММИЙ. — По моему мнению, есть и никак не заслуживающее порицания.

СЦИПИОН. — Ты прав. Но, если помнишь, все люди, правившие там совместно, были то из плебса, то из сенаторов, причем они чередовались: в одни месяцы они выполняли обязанности народа, в другие исправляли должность сенаторов. Но в обоих случаях они получали жалование, причем в театре и в курии[64] одни и те же люди разбирали и уголовные, и все остальные дела. [Сенат] обладал такой же властью и таким же влиянием, какими обладала толпа, … [Лакуна]

Фрагменты из третьей книги

1. В некоторых людях имеется, так сказать, мятежное начало, которое либо возбуждается при наслаждениях, либо при трудностях подавляется (*Ноний*, 301, 5).

2. Но для того, чтобы они сами испытывали свою душу, видя, что им, по их мнению, предстоит сделать, … (*Ноний*, 364, 7).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

3. Пунийцы первые, торгашеством и с товарами, ввезли в Грецию алчность, роскошь и ненасытные страсти (*Ноний*, 431, 11).

4. Пресловутый Сарданапалл, пороками своими гораздо более отвратительный, чем даже своим именем[65] (Схолии к сатирам Ювенала, X, 362).

5. Разве только кто-нибудь захочет, в виде памятника, заново изваять Афон[66]. Ведь какой Афон или Олимп столь велики, чтобы… (*Присциан*, VI, 13, 70).

ПРИМЕЧАНИЯ
О ГОСУДАРСТВЕ. Книга III

1. Ср. Платон, «Государство», книги I, II, III (рассуждение о справедливости и несправедливости).
2. Ср. Лукреций, «О природе вещей», V, 1022 слл., 1028; Платон, «Критон», 383 *А—В*.
3. *Маний Курий Дентат* — консул 290, 284, 275 и 274 гг., победитель самнитов и царя Пирра.
4. Первый фрагмент принадлежит Эннию, «Анналы», фр. 209 Уормингтон; второй фрагмент принадлежит Сенеке, Послания, 108, 33. [Сенека, в свою очередь, цитирует «Анналы» Энния. В отрывке речь идет о Сципионе Африканском Старшем. — Прим. О. Любимовой.]
5. Южная Италия и Сицилия с преобладанием греческого населения.
6. Т.е. по сократическому методу: теза и антитеза.
7. *Карнеад Киренский* — 214—129 гг., основатель Новой Академии, участник посольства, прибывшего в 156 г. из Греции в Рим. В состав посольства входили также и перипатетик Критолай и стоик Диоген.
8. *Орк* (он же Плутон, у греков Аид) — божество, властитель царства умерших.
9. Аристотель. Имеется в виду его сочинение о справедливости (утрачено).
10. *Хрисипп* — около 281—204 гг., противник Карнеада, основатель средней Стои, систематизировал учение стоической философии.
11. Платон и Аристотель.
12. Т.е. естественное право.
13. *Пакувий* — (220—130) трагический поэт, принадлежал к Сципионовскому кружку.
14. Ср. Цицерон, «О законах», II, 26; «О природе богов», I, 115. См. Геродот, I, 131; VIII, 109; Эсхил, «Персы», 809 слл.
15. Царь *Александр Македонский* и его отец *Филипп III*.
16. См. Павсаний, «Описание Эллады», X, 35, 2.
17. Черное море. «*Понт Аксинский*»— негостеприимное море; обычное название — Понт Евксинский — гостеприимное море. См. Овидий, «Тристии», IV, 4, 55 слл. Имеются в виду человеческие жертвоприношения Артемиде. См. Еврипид, «Ифигения в Тавриде»; Геродот, IV, 103. Высказано предположение, что иранское слово *axsaina* (синий) было осмыслено греками как *axeinos*, а впоследствии заменено словом *euxeinos*.
18. По мифу, сын Посейдона, убитый Гераклом. Имеется в виду принесение чужеземцев в жертву богам. См. Аполлодор, II, 5, 11.
19. См. Цезарь, «Записки о галльской войне», VI, 16.
20. См. Диодор Сицилийский, V, 31 сл.; XIX, 14; Энний, «Анналы», фрагм. 237 Уормингтон.
21. Об *этолянах* см. Фукидид, I, 5. Критские пираты, вместе с киликийскими, действовали против римлян.
22. См. Плутарх, «Алкивиад», 15.
23. См. Цезарь, «Записки о галльской войне», VI, 22; Диодор Сицилийский, V, 32, 4.
24. Этот запрет был издан сенатом в 154—125 гг. Для Массилии было сделано исключение.
25. Имеются в виду илоты — коренное ахейское население Лаконики, превращенное дорийскими завоевателями в полусвободных, прикрепленных к земле.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
26. Консул 149 г., известный юрист, участник диалога «О государстве». См. Цицерон, «Об ораторе», I, 212.
27. *Легат* — имущество, отказанное по завещанию.
28. Закон, проведенный в 169 г. (или в 174 г.) трибуном *Квинтом Воконием Саксой*; он лишил женщин права наследовать по гражданину первого разряда, т.е. владевшему имуществом в 100 000 ассов, и ограничил легацию (см. прим. 27). См. Гай, «Институции», II, 226, 272.
29. *Публий Лициний Красс Муциан*, консул 97 г., отец триумвира 60 г., был усыновлен Публием Лицинием Крассом Богатым. [П. Лициний Красс Муциан был консулом 131 г. до н.э. и не являлся предком триумвира Красса. — Прим. О. Любимовой.]
30. См. Цицерон, «О законах», I, 15 слл.; Платон, «Государство», I, 339 С.
31. См. Платон, «Государство», I, 331 слл.
32. О *Пифагоре* см. прим. 50 к кн. I. *Эмпедокл Акрагантский* — около 494—434 гг. — в своей философской поэме «Очищения» отразил представления Пифагора о природе животных и о метемпсихозе (последовательное переселение души в другие существа, сопровождающееся ее очищением).
33. Гай Луцилий (148—102), фрагм. 1337 Маркс.
34. Ср. I, 50.
35. Приводится беседа между Александром Македонским и пленным пиратом. См. Августин, «О государстве божьем», IV, 4, 25. *Миопарон* — легкое военное судно.
36. *Император* — в эпоху римской республики высшее военное почетное звание, присваивавшееся солдатами (также и сенатом) полководцу после решительной победы над врагом.
37. Ср. Корнелий Непот, «Гамилькар», II, 5; Ливий, XXXVI, 1, 3.
38. Ср. Павсаний, II, 14, 4; V, 1, 1; Овидий, «Фасты», II, 289.
39. Имеются в виду эпикурейцы.
40. Ср. Платон, «Государство», II, 361 сл.
41. В 137 г., во время войны в Испании, консул *Гай Гостилий Манцин* по собственному почину заключил договор о капитуляции римской армии, окруженной нумантинцами, и о мире с Нуманцией. Римский сенат не утвердил этого договора и в 136 г., по предложению консула Луция Фурия Фила, постановил выдать Манцина нумантинцам, которые, однако, не приняли пленника, не желая согласиться на расторжение заключенного им договора. — В 140 г. проконсул *Квинт Помпей* заключил с нумантинцами договор, подобный заключенному Манцином; договор этот был аннулирован сенатом, постановившим продолжать войну. См. Цицерон, речи: «По делу Цецины», 98; «Об ответах гаруспиков», 43; «Об обязанностях», III, 109; «О пределах добра и зла», II, 54; «Брут», 103.
42. По-видимому, имеется в виду Карнеад.
43. См. I, 30.
44. *Луций Сауфей* и *Патрон* были эпикурейцами. См. Цицерон, «Письма к близким», XIII, 1 (198); «К Аттику», VI, 9, 4 (279); VII, 1, 1 (281).
45. Геркулес (Геракл) и Ромул. См. I, 25; II, 17 слл.; «Речь в защиту Сестия», 143.
46. *Гай Фабриций Лусцин*, консул 282, 278 и 273 гг., как и *Маний Курий Дентат* (прим. 3), считался образцом римской доблести и неподкупности.
47. По аграрному закону Тиберия Гракха, земли союзников, находившиеся в Италии, также должны были быть отчуждены в пользу плебса. О союзниках и латинянах см. прим. 93 к кн. I.
48. *Сервий Сульпиций Гальба* — консул 144 г., славился как оратор. Как и Сципион Эмилиан, он был членом коллегии авгуров («коллега»). См. Цицерон, «Брут», 86 и 333.
49. По-видимому, речь идет об Исократе. Ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 10; III, 28.
50. Имеется в виду бык Фаларида. См. I, 44.
51. См. I, 39.
52. *Тимей Тавроменский* — (около 359—262), сицилийский историк. См. Цицерон, «О государстве», III, 43.
53. Ср. Цицерон, «Речи против Верреса», (II) IV, 117 слл.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
54. См. I, 28.
55. См. I, 44.
56. В Афинах славился театр Диониса, палестры и гимнасии (места для гимнастических упражнений; философы вели там занятия); особенной известностью пользовались палестры Академии и Ликея. *Пропилеи* (украшенный колоннадами вход в Акрополь) были построены при Перикле. В храме Парфеноне находились статуи Зевса и Афины, изваянные Фидием. *Пирей* — морской порт Афин.
57. См. II, 62.
58. Т.е. к правлению народа. См. I, 41 и 66.
59. Ср. I, 39.
60. Ср. II, 47 и 67.
61. Ср. Цицерон, «О законах», III, 19 и 23.
62. Игра слов. См. прим. 135 к кн. I.
63. В 141—139 гг. Сципион Эмилиан, с целью разбора некоторых династических споров в государствах Востока, подвластных Риму, в сопровождении Спурия Муммия, Луция Метелла Кальва и Панэтия совершил путешествие на Восток и посетил остров Родос.
64. В Греции *театр* был местом народных собраний; *курия* в Риме была местом заседаний сената. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Флакка», 16 слл.
65. Мифический царь Ассирии, ошибочно отождествлявшийся с Ассурбанипалом (VII в.); по представлениям греков, тиранн, склонный к чувственным наслаждениям и роскоши. Окруженный врагами, он будто бы покончил с собой путем самосожжения.
66. По свидетельству Витрувия («Об архитектуре», II, 2), зодчий Динократ предложил превратить гору Афон в огромную статую Александра Македонского.

Второй день
Книга IV

(I, 1) Так как о теле и о душе уже было упомянуто, то я все же попытаюсь, насколько я, в скудоумии своем, это вижу, разъяснить сущность и того, и другого, Я нахожу нужным взять на себя эту задачу более всего по той причине, что Марк Туллий, муж выдающегося ума, попытавшись сделать это в своей четвертой книге о государстве, ограничил обширный материал узкими пределами, слегка коснувшись его краев, а дабы его никак не извиняли в том, что он не проследил этого вопроса до конца, он сам заявил, что у него не было недостатка ни в доброй воле, ни в старании. Ибо он сам в своей первой книге о законах, мимоходом коснувшись этого вопроса и подведя итог, говорит следующее: Сципион, мне кажется, достаточно ясно изложил этот вопрос в тех книгах, которые вы прочитали (*Лактанций*, “De opificio Dei”, I, 11—13).

…и сам ум — тот, что грядущее предвидит, прошедшее помнит, … (*Ноний*, 500, 9).

…И в самом деле, если нет человека, который не предпочел бы смерть превращению в какое-либо животное, — даже если бы он при этом сохранил человеческий ум, — то насколько более жалок удел, сохраняя человеческий образ, быть в душе зверем! Мне лично это кажется уделом более жалким настолько, насколько душа выше тела (*Лактанций*, “Instit. div.”, V, 11, 2).

…он не думает, что имущество агнца и имущество Публия Африканского представляет собой одинаковую ценность (*Августин*, «Против Юлиана Пелаг.», IV, 12, 59).

…и это же тело, становясь на пути как препятствие, создает ночной мрак для счета дней и для отдыха от трудов (*Ноний*, 234, 14).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

…И когда осенью земля раскроется, чтобы принять семена, зимой разрыхлится, чтобы их сохранить, а в летней зрелости одно размягчит, а другое высушит, … (*Ноний*, 343, 20).

…когда они поручают скот пастухам… (*Ноний*, 156, 16).

(II, 2) *СЦИПИОН*. — …влияние. Как разумно распределены сословия, возрасты, разряды, всадники, вместе с которыми подают голоса и сенаторы![1] Впрочем, есть уже немало людей, неразумно желающих упразднения этого полезного порядка. Они добиваются новой раздачи денег на основании какого-то плебисцита насчет возврата коней[2].

(III, 3) Теперь оцените, сколь мудро предусмотрено все остальное; ведь имелось в виду общество граждан, которые должны были жить счастливо и в почете. Ибо в этом и заключается первое основание для объединения людей[3], и оно должно создаваться в соответствии с государственным устройством, отчасти в силу обычаев, отчасти на основании законов. Прежде всего было решено, чтобы для свободнорожденных воспитание детей не было ни строго определенным законами, ни установленным от имени государства, ни единым для всех, между тем как греки напрасно затратили на это много стараний: а наш гость Полибий[4] именно за это упрекает наши установления в невнимании; ибо…

…существовал обычай назначать поступавшим в войска телохранителей, дабы они руководили молодыми людьми в течение первого года их службы (*Сервий*, к «Энеиде», V, 546).

…не только в Спарте, где мальчиков учат похищать и воровать[5]…(*Ноний*, 20, 12).

…для юношей было позором, если у них не было любовников… (*Сервий*, к «Энеиде», X, 325).

(IV, 4) *СЦИПИОН*. — …[запрещалось, чтобы] юноша обнажался[6]. Столь издалека проистекают, так сказать, основания стыдливости. Что касается упражнений юношества, то как неразумны они в гимнасиях! Как легка пресловутая военная служба эфебов[7]! Как вольны и свободны прикосновения и проявления любви! Не стану говорить об элейцах и фиванцах, у которых страсть даже пользуется дозволенной и ничем не стесняемой вольностью, если она обращена к свободнорожденным[8]. Сами лакедемоняне в любви к юношам позволяют все, кроме бесчестия, и отгораживают то, что запрещают, лишь очень тонкой стенкой; ибо они допускают объятия и совместное спанье, если между людьми положены плащи.

ЛЕЛИЙ. — Я прекрасно понимаю, Сципион, что ты, когда речь идет об этих учениях греков, которые ты осуждаешь, предпочитаешь оспаривать постановления самых знаменитых государств, но только не спорить со своим дорогим Платоном, которого ты даже не упоминаешь, — тем более, что…

(V, 5) Слушатель Сократа, Платон, которого Туллий называет богом философов и который, один из всех, в своей философии более других приблизился к истине, все же, не зная бога, во многом допустил большие ошибки и заблуждался сильнее, чем кто-либо другой, и прежде всего в том, что потребовал в своих книгах о государстве, чтобы у всех все было общим. Что касается имущества, то это еще терпимо, хотя и не справедливо; ибо никому не должно ни повредить, если у него благодаря его усердию есть больше, ни послужить на пользу, если у него по его же вине меньше. Впрочем это, как я уже сказал, еще возможно как-то перенести. Но будут ли общими также и жены, также и дети? Тогда не будет никакого различия по крови, не будет ни определенного рода, ни семьи, ни родства, ни свойства; нет, все будет перемешано и неразличимо, как в стадах скота. Мужчины будут лишены воздержности, женщины — целомудрия. Какая возможна и и в тех, и в других супружеская любовь, когда в них нет определенного и особого расположения друг к другу? Кто станет чтить отца, не зная своего происхождения? Кто будет любить сына, которого считает чужим? Более того, Платон даже сохранил

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
за женщинами доступ в курию, разрешил им военную службу, магистратуры и империй. Сколь несчастлив будет город, в котором женщины присвоят себе обязанности мужчин! (*Лактанций*, Эпитома, 33 [38], 1—5).

…а наш Платон пошел еще дальше, чем Ликург; ведь он требует, чтобы все было общим достоянием, дабы ни один гражданин не мог назвать ни одной вещи своей собственностью или принадлежащей лично ему[9] (*Ноний*, 362, 11).

…Да, и туда же, куда Платон высылает Гомера, украшенного венками и умащенного благовониями, из того города, который он создает себе в своем воображении[10], я… (*Ноний*, 308, 38).

(VI, 6) …Замечание цензора почти не наносит осужденному ущерба, кроме того, что заставляет его покраснеть. Поэтому, коль скоро все это решение касается только доброго имени, то наказание и называется «утратой доброго имени» (*Ноний*, 24, 5).

…государство, как говорят, впервые ужаснулось от их суровости (*Ноний*, 423, 4).

…и к женщинам не следует приставлять блюстителя, каковые обыкновенно назначаются у греков, но должен быть цензор, который мог бы обучать мужей обращению с женами (*Ноний*, 499, 13).

…Столь большую силу имеет воспитание скромности: все женщины обходятся без вина (*Ноний*, 5, 10).

…Также если у женщины была дурная слава, то родичи не целовали ее (*Ноний*, 306, 3).

…Таким образом наглость [petulantia] получила свое название от слова «просить» [petere], навязчивость [procacitas] — от слова «попрошайничать» [procare], то есть «требовать» [poscere] (*Ноний*, 23, 17 и 21).

(VII, 7) Я не согласен с тем, чтобы один и тот же народ и повелевал всем миром, и собирал в нем пошлины. Но наилучшим источником дохода как в частных хозяйствах, так и в государстве я считаю бережливость (*Ноний*, 24, 15).

Сооружение театров, портиков и новых храмов я осуждаю с некоторой сдержанностью из уважения к Помпею[11], но этого не одобряют ученейшие мужи, как сам Панэтий, которому я в этих книгах во многом следую, хотя и не перевожу его, а также и Деметрий Фалерский, порицающий Перикла, первого человека Греции, за то, что он истратил много денег на великолепные Пропилеи. Впрочем, я тщательно рассмотрел весь этот вопрос в книгах о государстве, которые я написал (*Цицерон*, «Об обязанностях», II, 60).

…Верность [fides], мне кажется, получила свое название потому, что сказанное делается [fit] (*Ноний*, 24, 11).

…В гражданине высокого положения и в знаменитом человеке льстивость, угодливость и честолюбие, по моему мнению, — признак ничтожности (*Ноний*, 194, 26).

Все те, которые стараются приобрести уважение людей, устраивая для них угощения и пирушки и тратя деньги, открыто дают понять, что лишены истинного блеска, придаваемого доблестью и достоинством (*Помпей Трог*).

Останови на короткое время свое внимание именно на книгах о государстве, из которых ты почерпнул свое чувство преданнейшего гражданина, так как для честных людей не существует меры

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
или предела в их заботах об отечестве, останови свое внимание, заклинаю тебя, и посмотри, сколь великая хвала воздается в них бережливости, воздержности, а также и верности узам брака и чистым, добропорядочным и честным нравам (*Августин*, Послания, 91, 3).

(VIII, 8) Я восхищаюсь изысканностью, не только содержания, но и слов. «Если они ссорятся», — говорится там[12]. Столкновения между благожелательно настроенными людьми (не тяжба между недругами) называются ссорой… Итак, закон считает, что соседи ссорятся между собой, а не ведут тяжбу (*Ноний*, 430, 29).

…такие же пределы существуют для человеческих забот и жизни; так, согласно понтификальному праву, неприкосновенность места погребения… (*Ноний*, 174, 7).

…и так как они оставили непогребенными тех, чьих тел они не смогли найти в море из-за сильной бури, то они, хотя и были невиновны, были казнены[13] (*Ноний*, 293, 41).

…и в этом споре я встал на сторону не народа, а лучших людей… (*Ноний*, 519, 14).

…Ведь не легко противодействовать сильному народу, если держишь его в полном или в почти полном бесправии (*Присциан*, XV, 4, 20).

…О, если бы я предсказал ему будущее правильно, надежно и обстоятельно! (*Ноний*, 469, 16).

(IX, 9) Всякий раз, как до них дойдут крики и одобрение народа, словно он, так сказать, великий и мудрый наставник, то какую напускают они темноту, какие опасения внушают они, какие страсти разжигают[14]! (*Августин*, «О государстве божьем», II, 14).

Цицерон говорит, что, проживи он даже две жизни, у него все же не нашлось бы времени прочитать лирических поэтов (*Сенека*, Письма, 49, 5).

(X, 10) *СЦИПИОН*. — …Так как они считали сценическое искусство и театр вообще позорящими человека, то они постановили, чтобы такие люди не только были лишены почета, подобающего другим гражданам, но даже подлежали исключению из трибы на основании порицания цензора[15] (*Августин*, «О государстве божьем», II, 13).

(11) *СЦИПИОН*. — Комедии, если бы обычаи повседневной жизни не терпели их, не могли бы заслужить одобрения зрителей своими позорными представлениями. [Лакуна] …кого комедия не затронула, вернее, не терзала? Допустим, что она задела народных вожаков, негодяев, питавших мятежные намерения по отношению к государству, — Клеона, Клеофонта, Гипербола[16]. Стерпим это, хотя было бы лучше, если бы порицание таким гражданам высказал цензор, а не поэт. Но оскорблять Перикла после того, как он уже в течение многих лет, пользуясь величайшим авторитетом, во времена мира и войны стоял во главе своего государства, и произносить эти стихи на сцене было не более пристойно, чем если бы наш Плавт или Невий захотели поносить Публия и Гнея Сципионов[17], а Цецилий[18] — Марка Катона… (12) Напротив, наши Двенадцать таблиц[19], назначив смертную казнь лишь за очень немногие преступления, признали нужным назначить ее также и в том случае, если кто-нибудь станет распевать или сложит песню, поносящую и позорящую другого человека. Превосходно; ибо наша жизнь должна подлежать суду магистратов и рассмотрению по закону, а не суду поэтов, и мы должны выслушивать хулу только при условии, что нам позволят отвечать и защищаться в суде… Древние римляне не соглашались на то, чтобы кого бы то ни было, при его жизни, на сцене восхваляли или порицали (*Августин*, «О государстве божьем», II, 9).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XI, 13) По словам Цицерона, комедия — подражание жизни, зеркало привычек, отображение истины (*Донат*, 22, 19).

…Афинянин Эсхин[20], красноречивейший муж, после того, как в молодости играл в трагедиях, стал заниматься государственной деятельностью, а Аристодема, опять-таки трагического актера, афиняне не раз отправляли послом к Филиппу для переговоров о важнейших делах мира и войны (*Августин*, «О государстве божьем», II, 11).

(XII, 14) Радость, какова бы она ни была, не заслуживает порицания и сама по себе не составляет цели музыки, но это движение души возникает как сопутствующее явление; конечная же цель — помочь доблести. Этого не заметили многие и прежде всего тот, кто в сочинения римлянина Цицерона «О государстве» осуждает музыку. Ибо я не склонен утверждать, что подобные взгляды высказал сам Цицерон. И в самом деле, кто решился бы утверждать, что Цицерон принижает музыку и, как нечто дурное, порицает искусство, различающее достоинства и недостатки гармоний и ритмов, Цицерон, которого игра актера Росция, славившегося одними только ритмами и к тому же неблагородными и дурными, тогда изумляла до того, что он был склонен приписывать появление Росция среди людей промыслу богов[21]. И если кто-нибудь скажет, что мысли, высказанные Цицероном в его сочинении «О государстве», соответствуют его собственным взглядам, а его высказывания о Росции — тогдашним обстоятельствам, то и нам ничто не помешает придать этим же словам обратный смысл. Но, несмотря на это, скорее можно было бы втайне отвергнуть мнение оратора, насколько оно относится к рассматриваемому нами вопросу, а не поддерживать его. Ибо, когда дело идет о поисках истины или справедливого решения вопроса, то не достоин доверия тот, кто в своем ответе сообразуется с окружением или со своим предвзятым мнением, а не с действительным положением вещей. Но я полагаю, что никто не стал бы — из-за наличия подкупленных людей среди ораторов — порицать само ораторское искусство. Точно так же, если некоторые художники, желая угодить толпе, исполняют неблагородные произведения, то это не укор искусству. Но ведь отечество самого Цицерона еще во времена Нумы и несколько позднее, когда люди были дикими, как говорит сам Цицерон, воспитывало их при посредстве музыки, которая в частной жизни сопровождала их пиры, в общественной — все священнодействия (*Аристид Квинтилиан*, «О музыке», II, стр.69 слл. Мейб.).

ПРИМЕЧАНИЯ
О ГОСУДАРСТВЕ. Книга IV

1. По-видимому, имеется в виду Сервиева реформа. См. II, 39 сл. Вплоть до второй половины II в. сенаторы голосовали в центуриатских комициях вместе с римскими всадниками, подававшими голоса после голосования *centuriae praerogativae*, т.е. центурии, голосовавшей в первую очередь; она назначалась в первом разряде по жребию. См. Ливий, XXXIX, 44.
2. Речь идет о *плебисците*, принятом в пользу римских всадников. См. Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 134.
3. См. I, 39. Ср. Аристотель, «Политика», I, 1252 *b* — 1253 *a*.
4. См. прим. 96 к кн. I.
5. См. Плутарх, «Ликург», 17 сл.
6. Римские обычаи не позволяли взрослому сыну мыться в бане вместе с отцом, зятю вместе с тестем. См. Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 141; «Об обязанностях», I, 129.
7. *Эфеб* (греч.) — юноша. В Афинах юноши начинали военную службу в 18-летнем возрасте; она длилась два года.
8. См. Платон, «Пир», 182 *B*.
9. См. Платон, «Государство», III, 416 сл.; V, 47; Плутарх, «Ликург», 8 слл., 15; Полибий, VI, 45, 3; 48, 3.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
10. См. Платон, «Государство», III, 397 *E* — 398 *A*.
11. Первый каменный *театр* в Риме был построен Гнеем Помпеем в 55 г.; он имел 27 000 мест для сидения и отличался большой пышностью; к нему примыкали портики и два храма — Венеры и Победы. См. Цицерон, «Об обязанностях», II, 60; «Письма к близким», VII, 1, 2 (127).
12. Возможно, цитата из законов Двенадцати Таблиц. См. кн. II, 54 слл.
13. Во время Пелопоннесской войны, после победы афинского флота под Аргинусскими островами (406 г.), из-за бури на море оказалось невозможным найти в море и предать земле тела многих погибших. Шестеро афинских морских военачальников за это были преданы суду и, несмотря на заступничество Сократа (см. следующий фрагмент), осуждены на казнь. См. Ксенофонт, “*Hellenica”*, I, 7, 12.
14. По-видимому, речь идет об авторах комедий.
15. См. Ливий, VII, 2, 12.
16. Афинские демагоги, осмеянные Аристофаном.
17. См. I, 1.
18. *Цецилий Стаций* (около 230—168) — ученик Энния, автор комедий из римской жизни, известных нам только по названиям и отдельным упоминаниям римских писателей.
19. См. II, 61.
20. *Эсхин* (около 390—314) — противник Демосфена, известен своей речью «Против Ктесифонта». Ктесифонт предложил наградить Демосфена золотым венком в ознаменование его заслуг перед Афинским государством.
21.См. Цицерон, «Речь по делу Квинкция», 77 слл.

Третий день
Книга V

(I, 1) Итак, в ту пору римское государство уже не было даже таким, каким его описывает Саллюстий, — наихудшим и низко павшим, как он говорит; нет, государства вообще не существовало — если рассматривать его с точки зрения, которая была высказана в беседе о государстве, состоявшейся тогда между выдающимися людьми. Так заявляет и сам Туллий, не приводя ни слов Сципиона, ни чьих бы то ни было еще, но говоря своими собственными, в начале пятой книги, сперва напомнив стих поэта Энния, гласящий (*Августин*, «О государстве божьем», II, 21):

Древний уклад и мужи — вот римской державы опора[1].

Стих этот, ввиду его краткости и правдивости, поэт, мне кажется, изрек, как бы уподобясь оракулу: ибо ни эти мужи, если бы гражданам не был присущ такой уклад, ни уклад, если бы мужи эти не стояли во главе гражданской общины, не смогли бы ни основать, ни так долго сохранять столь великое государство, могущество которого столь далеко и столь широко распространялось. Поэтому еще до наших времен сам дедовский уклад привлекал лучших мужей к деятельности, а выдающиеся мужи хранили древний уклад и заветы предков. (2) Наше же поколение, получив государство как превосходную картину, но уже потускневшую от времени, по небрежности своей не только не обновило ее теми же красками, какими она была написана, но даже не позаботилось о сохранении хотя бы ее общего вида и как бы очертаний. И в самом деле, что остается от древнего уклада, этой, по выражению поэта, опоры римской державы? Ведь он, как мы видим, предан такому полному забвению, что его теперь не только не чтут, но уже и не знают. А о мужах что могу я сказать? Ведь сам уклад утрачен нами вследствие отсутствия мужей, и в этом огромном зле мы должны не только отдать отчет, но как бы и ответить перед судом, словно мы обвиняемся в государственном преступлении. Ибо мы, вследствие своих собственных пороков, а не какой-нибудь случайности, государство

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
сохраняем на словах, но в действительности уже давно его утратили (*Августин*, «О государстве божьем», II, 21).

В своем сочинении о государстве Туллий говорит, что правитель государства должен быть выдающимся и ученейшим мужем; при этом он должен быть и мудрым, и справедливым, и воздержным, и красноречивым, дабы ему было легко своей непринужденной речью проявлять скрытые качества своего духа и править плебсом. Он также должен быть сведущим в праве, знать сочинения греков, что подтверждается примером Катона, который, в глубокой старости обратившись к изучению сочинений греков, доказал, сколь велика их польза (M. Tulli Ciceronis de re publica librorum fragmenta. Rec. Fr. Osannus. Gottingae, 1847. P. 349, из рукописного комментария к Цицерону).

(II, 3) *МАНИЛИЙ* (?). — [Лакуна.] … [Ничто не было в такой мере] признаком царской власти, как проявление справедливости[2]; оно включала в себя истолкование права, так как частные люди обыкновенно искали правосудия у царей, и по этой причине устанавливались границы пахотной земли, лесов и обширных и тучных пастбищ, которые должны были быть царскими и обрабатываться без усилий и труда царей; таким образом, никакая забота о личных делах не должна была отвлекать их от дел народа. И ни один частный человек не был ни судьей, ни арбитром по тяжбе; все вершилось царским судом. И, по моему мнению, наш царь Нума строго придерживался этого древнего обычая царей Греции. Ведь наши другие цари, хотя исполняли также и эти обязанности, все же значительную часть своего времени тратили на ведение войн и занимались законами войны; между тем продолжительный мир при Нуме был для нашего города матерью права и религии. Ведь Нума также составлял законы[3], которые, как вы знаете, сохранились, а это свойственно именно такому гражданину, о каком мы говорим… [Лакуна].

(III, 4) …но все же ему, как и заботливому хозяину, нужен опыт в обработке земли, в возведении построек, в расчетах (*Ноний*, 497, 23).

(5) *СЦИПИОН*. — Разве тебе не будет приятно знать толк в деревьях и семенах?

МАНИЛИЙ. — Отнюдь нет, если только будет надобность в этом.

СЦИПИОН. — Неужели ты полагаешь, что все это — дело одного только управителя усадьбой?

МАНИЛИЙ. — Вовсе нет, так как его забот было бы весьма часто недостаточно для обработки земли.

СЦИПИОН. — Следовательно, как управитель усадьбой знает свойства земли, а счетовод сведущ в ведении записей, но оба они отказываются от удовольствия, получаемого от наук, и обращаются к полезной деятельности, так этот наш правитель, конечно, постарается изучить право и законы, во всяком случае, узнать их источники; он не должен постоянно задерживаться на разрешении вопросов, чтении и записях и этим лишать себя возможности ведать делами государства и быть в нем, так сказать, управителем усадьбой, как человек, владеющий основами права, без знания которых никто не может быть справедлив; он также должен хорошо знать гражданское право, но обладать таким же опытом, каким в движении звезд обладает кормчий, а в естестве — врач; ведь и тот, и другой используют эти знания для своего искусства, но не в ущерб исполнению своих обязанностей. Но муж этот поймет, что… [Лакуна]

(IV, 6) *СЦИПИОН* (?). — …государства, в которых лучшие люди добиваются хвалы и почестей, а от позора и бесчестия бегут. И их действительно отпугивает от преступления не столько страх перед карой, определенной законами[4], сколько чувство стыда, данное человеку

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
природой и как бы заставляющее его бояться вполне справедливого порицания. Это чувство стыда правитель государства усиливает общепринятыми мнениями и доводит до полной силы установлениями и философскими учениями, — дабы совестливость не в меньшей мере, чем страх, мешала гражданам совершать преступления. И все это приносит славу; это можно было изложить более обстоятельно и более подробно[5].

(V, 7) Но для повседневной жизни законными браками, рождением законных детей, святостью мест пребывания богов-пенатов и домашних ларов[6] создан определенный порядок[7] — с тем, чтобы все могли пользоваться и всеобщими, и своими личными выгодами, чтобы нельзя было жить без государства, хорошо устроенного, и чтобы самым счастливым было хорошо устроенное государство. Поэтому мне обыкновенно кажется весьма странным, что может существовать такое великое философское учение, … [Лакуна]

(VI, 8) …Как благоприятное плавание для кормчего, здоровье для врача, победа для императора[8], так для этого правителя государства служит целью счастливая жизнь граждан — с тем, чтобы она была обеспеченной средствами, богатой благодаря изобилию, великой благодаря славе и почетной благодаря доблести. Я хочу, чтобы он был исполнителем этого величайшего и прекрасного человеческого труда (Цицерон, «Письма к Аттику», VIII, 11, 1).

…И где он, так как и ваши писания прославляют этого правителя отечества, который заботится о пользе народа больше, чем о его желаниях? (*Августин*, Послания, 104, 7).

(VII, 9) …наши предки, движимые жаждой славы, совершили много изумительных и великих подвигов (*Августин*, «О государстве божьем», V, 13).

…первенствующий в государстве человек должен вскармливаться славой, и государство стоит прочно до тех пор, пока все оказывают почет первенствующему человеку (Petrus Pictaviensis, Epist, ad calumniat. Bibl.).

…тогда он доблестью, трудом, настойчивостью своей оберегал бы прирожденные качества выдающегося мужа, если бы его неукротимый характер каким-то образом чересчур настойчиво его не… (*Ноний*, 233, 39).

…Эта доблесть называется храбростью; она заключает в себе величие духа, а к смерти и страданию глубокое презрение (*Ноний*, 201, 29).

(VIII, 10) Марцелл, как человек сильный духом и воинственный; Максим, как человек осмотрительный и медлительный, … (*Ноний*, 337, 34).

…включенных во весь мир… (*Харизий*, I, 139, 17).

…так как он мог бы уделить вашим семьям кое-что из тягот своей старости (*Ноний*, 37, 26).

(IX, 11) …как лакедемонянину Менелаю была присуща, так сказать, сладостная приятность речи[9]; …пусть он, произнося речь, стремится к краткости (Геллий, XII, 2, 6 сл.).

СЦИПИОН. — И так как в государстве самым неподкупным должно быть голосование, высказывание мнения[10], то я не понимаю, почему тот, кто все это купит за деньги, заслуживает кары, а тот, кто купит это своим красноречием, даже удостаивается похвалы. Я лично полагаю, что в подкупе судьи речью больше зла, чем в его подкупе платой, так как подкупить честного человека деньгами не может никто, а подкупить речью может (*Аммиан Марцеллин*, XXX, 4, 10).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

…Когда Сципион сказал это, Муммий вполне согласился с ним, так как чувствовал ненависть к риторам (*Ноний*, 521, 2).

…тогда превосходные семена были бы брошены в землю в надежде на прекрасный урожай (Аноним, комментарии к «Георгикам» Вергилия).

ПРИМЕЧАНИЯ
О ГОСУДАРСТВЕ. Книга V

1. Энний, «Анналы», фрагм. 467 Уормингтон.
2. См. I, 53; «Речь по делу Цецины», 37; «Об ораторе», I, 240.
3. Ср. II, 26.
4. Ср. III, 18.
5. В 44 г. Цицерон написал трактат «О славе». См. «Письма к Аттику», XV, 27, 2 (765); XVI, 2, 6 (772).
6. *Lar familiaris* первоначально считался покровителем земельного участка и людей, обрабатывавших его. В городе лары считались покровителями перекрестков (Lares compitales). Праздник Ларалий (или Компиталий) справлялся 23 декабря. См. Плавт, «Клад», Пролог.
7. См. Цицерон, «О законах», II, 47 слл.
8. Об *императоре* см. прим. 36 к кн. III.
9. См. Гомер, «Илиада», III, 212 слл,
10. Технический термин. См. прим. 57 к кн. II.

Третий день
Книга VI

(I, 1) …Если бы мне не было внушено этих помыслов о триумфе, которые также и ты одобряешь, то ты, право, не долго искал бы того мужа, который изображен в шестой книге. И в самом деле, к чему мне хитрить с тобой, проглотившим эти книги? Более того, именно теперь не поколеблюсь я отказаться от столь великого дела, если это будет более правильно. Но и то, и другое одновременно невозможно: честолюбиво добиваться триумфа и сохранять свободу в государственных делах (*Цицерон*, «Письма к Аттику», VII, 3, 2).

…Итак, ты ожидаешь от этого правителя полного предвидения, которое даже это свое наименование получило от слова «предвидеть» (*Ноний*, 42, 3).

…Вот почему этот гражданин должен подготовиться, дабы всегда быть во всеоружии против всего того, что колеблет государственный строй (*Ноний*, 256, 27).

…И этот разлад между гражданами, когда они бредут врозь,— одни к одним, другие к другим,— называется распрей (*Ноний*, 25, 3).

…И право, при раздорах между гражданами, когда честные люди представляют собой бо**л**ьшую ценность, чем толпа, граждан, полагаю я, следует оценивать по их весу, а не по их числу (*Ноний*, 519, 17).

…Ибо жестокие властительницы помышлений наших — страсти — повелевают нами и толкают нас на все, что угодно; и так как страсти эти не возможно ни удовлетворить, ни насытить, то тех, кого они воспламенили своими приманками, они побуждают к любому преступлению (*Ноний*, 424, 31).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

…который сломил его силу и эту необузданную дикость (*Ноний*, 492, 1).

(II, 2) И это проявлялось тем сильнее еще и потому, что, хотя они как коллеги были в одинаковом положении, они не вызывали одинаковой ненависти к себе; более того, любовь к Гракху смягчала ненависть к Клавдию[1] (*Геллий*, VII, 16, 11; *Ноний*, 290, 15).

…кто в этих выражениях обещал свою помощь множеству оптиматов и первенствующих людей, тот утратил строгое и полное достоинства звучание своих речей и свое высокое положение (*Ноний*, 409, 31).

…чтобы, как он пишет, изо дня в день тысяча человек в одеждах, окрашенных пурпуром, спускалась на форум[2] (*Ноний*, 501, 27).

…у них, как вы помните, при стечении жалкой толпы, собравшейся за деньги, неожиданно были устроены похороны[3] (*Ноний*, 517, 35).

…Ведь предки наши повелели, чтобы браки были прочны и нерушимы (*Ноний*, 512, 27).

…Речь Лелия, которая имеется у всех нас, о том, сколь по сердцу бессмертным богам ковши понтификов и, как он пишет, самосские чаши с ручками[4] …(*Ноний*, 398, 28).

(III, 3) В подражание Платону, Цицерон в своем сочинении о государстве также описывает нечто подобное воскресению памфилийца Эра, который, когда его положили на костер, будто бы ожил и поведал людям много тайн о подземном царстве[5].

Цицерон изложил это, не прибегая к встречающемуся в сказках правдоподобию, но создал свой рассказ путем, так сказать, искусного изображения сложного сновидения, то есть как ученый пояснил, что

то, что говорят о бессмертии души и о небе, не вымысел философов-мечтателей, и не россказни, не заслуживающие веры и высмеиваемые эпикурейцами, а догадки мудрецов (Favonius Eulogius, Comment, ad Somnium Scip., p. 1, 5 Hold.).

(IV, 4) Некоторые из нас, любящие Платона за его редкостное красноречие и правдивые высказывания, говорят, что он, подобно нам, сказал кое-что и о воскресении мертвых. Этого касается Туллий в своих книгах о государстве, утверждая, что Платон

скорее шутил, чем хотел сказать, что его утверждения истинны (*Августин*, «О государстве божьем», XXII, 28).

(VIII, 8) Ведь самого Сципиона следующий случай побудил рассказать о своем сновидении, о котором он, по его собственному свидетельству, до того времени молчал: когда Лелий стал жаловаться на то, что Насике не было в общественных местах воздвигнуто статуй в награду за убийство тиранна. Сципион, между прочим сказал:

Хотя для мудрецов само сознание того, что они совершили выдающиеся деяния, есть высшая награда за доблесть, однако эта богами внушенная доблесть требует не статуй, скрепленных свинцом, не триумфов с сохнущими лаврами, но наград, более долговечных и невянущих.

ЛЕЛИЙ.— Какие же это награды?

СЦИПИОН.— Позвольте мне, так как уже наступил третий день празднеств, …

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

И далее он переходит к рассказу о своем сновидении и разъясняет, что более долговечные и невянущие награды — те, которые он видел сам, награды, сохраненные для доблестных правителей государств (*Макробий*, Комментарии к сновидению Сципиона, I, 4, 2).

(VI, 6) Сохраняя этот порядок, Туллий оказался не менее умен, чем одарен. После того, как он во все времена — и на досуге от дел, и во время своей государственной деятельности — в рассуждениях своих отдал пальму первенства справедливости, он поместил священные обители бессмертных душ и тайны небесных областей на вершине законченного им творения, указав, куда следует прийти, вернее, возвратиться тем, кто правил государством, проявляя мудрость, справедливость, храбрость и воздержность. А выведенный Платоном разгласитель тайн, по имени Эр, по происхождению памфилиец, солдат по роду занятий, вследствие ранений, полученных им в сражении, казалось, испустил дух; через двенадцать дней, когда ему, вместе с другими солдатами, павшими вместе с ним, собирались оказать почести, разведя последний костер, он внезапно (получил ли он жизнь снова или не терял ее) поведал людям обо всем том, что делал и видел в течение дней, прошедших между его обеими жизнями, словно сообщал об этом властям. Хотя Цицерон, конечно, зная сам, где правда, сожалеет, что невежественные люди высмеяли этот рассказ, он все же, избегая этого примера, который, ввиду своей нелепости, мог бы вызвать порицание, предпочел разбудить рассказчика, а не возвращать его к жизни.

(VII, 7) Но прежде чем истолковать содержание сна, нам следует разобраться в том, о каких людях, будто бы высмеявших рассказ Платона, упоминает Туллий, вернее, со стороны каких людей он не боится такого же отношения к себе самому. Ведь он не хочет, чтобы под этими словами понимали неискушенную чернь, но имеет в виду людей, не ведающих истины, хотя и хвастающих своей ученостью; ведь о них было известно, что они, хотя и прочитали такие произведения, но склонны их осуждать. Итак, скажем, кто, по его словам, проявил, так сказать, легкомыслие, высказав устное порицание столь великому философу, и кто из них даже оставил обвинение в письменном виде…

Вся клика эпикурейцев, в своем общем для них заблуждении всегда далекая от истины и всегда считающая заслуживающим осмеяния то, чего она не знает, высмеяла священный свиток и глубоко почитаемые тайны природы. Колот же, среди слушателей Эпикура пользовавшийся довольно дурной славой и более известный своей болтливостью, даже изложил в виде книги все то, что он со злобной колкостью обо всем этом высказал. Но прочее, что он несправедливо заклеймил и что не относится к сновидению, о котором здесь идет речь, мы можем в этом месте пропустить. Мы обратимся к той клевете, которая, если не будет опровергнута, останется в силе по отношению и к Цицерону, и к Платону. По его словам, философу не подобало придумывать басню, так как людям, возвещающим истину, не пристал никакой вид вымысла. Почему же,— говорит он,— если ты захотел сообщить нам сведения о небесных явлениях и о состоянии душ, ты не избрал пути простого и совершенного изображения, но выведенное тобой действующее лицо, придуманная тобой необычность события и составленная тобой вымышленная картина осквернили ложью уже самые двери, ведущие к искомой истине? Так как этот рассказ, когда он касается Эра, о котором пишет Платон, не дает покоя также и нашему Публию Африканскому, видящему сон, …то окажем сопротивление нападающему; он должен быть отвергнут как злостный обвинитель — с тем, чтобы, когда будет развеяна клевета на одного, деяние обоих этих людей, как это и должно быть, сохранило свое достоинство в неприкосновенности (*Макробий*, Комментарии к сновидению Сципиона, I, 1, 8—2, 5).

Сновидение Сципиона

(IX, 9) *СЦИПИОН*.— Когда я прибыл в Африку под начало консула Мания Манилия[6], в четвертый легион, как вы знаете, в качестве военного трибуна[7], ничего я так не хотел, как встретиться с царем Масиниссой[8], который с полным на то основанием был лучшим другом нашей ветви рода. Как только я к нему явился, старец, обняв меня, прослезился; затем он обратил свой взор к небу и сказал: «Благодарю тебя, Высокое Солнце[9], и вас, другие небожители, за то, что мне, прежде чем я уйду из этой жизни, дано увидеть в своем царстве и под этим кровом Публия Корнелия Сципиона, чье одно уже имя возвращает мне силы. Ведь в моей душе всегда живы воспоминания о том наилучшем и совершенно непобедимом муже[10]». Затем я расспросил его о его царстве, а он меня — о наших государственных делах, и весь этот день прошел у нас в оживленной беседе.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(X, 10) После этого, когда я был принят с царской пышностью, мы продолжили беседу до глубокой ночи, причем старец говорил только о Публии Африканском и, как казалось, помнил все его не только деяния, но и высказывания. Потом, едва мы расстались и легли спать, я, и утомленный дорогой, и бодрствовавший до глубокой ночи, заснул более глубоким сном, чем обычно. В нем мне — думаю, в связи с тем, о чем мы беседовали[11] (ведь вообще бывает, что наши помышления и разговоры порождают во сне нечто такое, о чем Энний пишет относительно Гомера[12], о котором он, по-видимому, часто размышлял и говорил наяву) — явился Публий Африканский в том виде, в каком он, по своему восковому изображению, мне знаком больше, чем по его живому облику[13]. Как только я узнал его, я содрогнулся, но он молвил: «Будь тверд, Сципион[14], и отбрось страх, а то, что я тебе скажу, передай потомкам.

(XI, 11) Видишь ли ты вон тот город, который, хотя я и заставил его покориться римскому народу, снова вступает на путь войн и не может оставаться мирным[15]?» При этом он с какого-то высоко находящегося и полного звезд, светлого и издалека видного места[16] указал мне на Карфаген. «Осаждать этот город ты теперь явился сюда чуть ли не как простой солдат[17]. Ты как консул разрушишь его через два года, и у тебя будет тобой самим заслуженное прозвание, которое ты пока еще носишь как унаследованное от меня[18]. А после того, как ты разрушишь Карфаген, справишь триумф[19], будешь цензором, как посол отправишься в Египет, в Сирию, в Азию, в Грецию, ты будешь вторично избран в консулы заочно[20], завершишь величайшую войну и разрушишь Нуманцию[21]. Но когда ты на колеснице въедешь на Капитолий, ты застанешь государство потрясенным замыслами моего внука[22].

(XII, 12) Здесь именно ты, Публий Африканский, должен будешь явить отечеству свет своего мужества, ума и мудрости. Но я вижу как бы двоякий путь, определенный роком на это время[23]. Ибо, когда твой возраст совершит восемью семь оборотов и возвращений солнца[24], а эти два числа, из которых одно по одной, другое по другой причине считается полным[25], в своем естественном обороте завершат число лет, назначенное тебе роком, то к тебе одному и к твоему имени обратятся все граждане, на тебя будет смотреть сенат, на тебя — все честные люди, на тебя — союзники, на тебя — латиняне[26]; ты будешь единственным человеком, от которого будет зависеть благополучие государства, и — буду краток — ты должен будешь как диктатор установить в государстве порядок, если только тебе удастся спастись от нечестивых рук своих близких[27]».

Тут у Лелия вырвался возглас, а остальные глубоко вздохнули, на что Сципион заметил с ласковой улыбкой: «Пожалуйста, соблюдайте тишину, а то вы меня разбудите. Немного внимания, дослушайте до конца».

(XIII, 13) «Но знай, Публий Африканский, дабы тем решительнее защищать дело государства: всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы[28], назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром,— во всяком случае, всем происходящим на земле,— как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами[29]; их правители и охранители, отсюда отправившись[30], сюда же и возвращаются».

(XIV, 14) Здесь я, хотя и был охвачен ужасом — не столько перед смертью, сколько перед кознями родных, все же спросил, живы ли он сам, отец мой Павел и другие, которых мы считаем умершими. «Разумеется,— сказал он,— они живы; ведь они освободились от оков своего тела, словно это была тюрьма, а ваша жизнь, как ее называют, есть смерть[31]. Почему ты не взглянешь на отца своего Павла, который приближается к тебе?» Как только я увидел его, я залился слезами, но он, обняв и целуя меня, не давал мне плакать.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XV, 15) Когда я, сдержав лившиеся слезы, снова смог говорить, я спросил его: «Скажи мне, отец, хранимый богами и лучший из всех: так как именно это есть жизнь, как я узнал от Публия Африканского, то почему же я и долее нахожусь на земле? Почему мне не поспешить сюда к вам? » — «О, нет,— ответил он,— только в том случае, если божество, которому принадлежит весь этот вот храм[32], что ты видишь, освободит тебя из этой тюрьмы, твоего тела, для тебя может быть открыт доступ сюда[33]. Ведь люди рождены для того, чтобы не покидать вон того называемого Землей шара, который ты видишь посреди этого храма[34], и им дана душа из тех вечных огней, которые вы называете светилами и звездами; огни эти, шаровидные и круглые, наделенные душами и божественным умом[35], совершают с изумительной скоростью свои обороты и описывают круги. Поэтому и ты, Публий, и все люди, верные своему долгу, должны держать душу в тюрьме своего тела, и вам — без дозволения того, кто вам эту душу дал, — уйти из человеческой жизни нельзя, дабы не уклониться от обязанности человека, возложенной на вас божеством[36]. (XVI, 16) Но, подобно присутствующему здесь деду твоему, Сципион, подобно мне, породившему тебя, блюди и ты справедливость и исполни свой долг, а этот долг, великий по отношению к родителям и близким, по отношению к отечеству величайший[37]. Такая жизнь — путь на небо и к сонму людей, которые уже закончили свою жизнь и, освободившись от своего тела, обитают в том месте, которое ты видишь (это был круг с ярчайшим блеском, светивший среди звезд) и которое вы, следуя примеру греков, называете Млечным кругом».

Когда я с того места, где я находился, созерцал все это, то и другое показалось мне прекрасным и изумительным. Звезды были такие, каких мы отсюда[38] никогда не видели, и все они были такой величины, какой мы у них никогда и не предполагали; наименьшей из них была та, которая, будучи наиболее удалена от неба и находясь ближе всех к земле, светила чужим светом[39]. Звездные шары величиной своей намного превосходили Землю. Сама же Земля показалась мне столь малой, что мне стало обидно за нашу державу, которая занимает как бы точку на ее поверхности.

(XVII, 17) В то время как я продолжал пристально смотреть на Землю, Публий Африканский сказал: «Доколе же помыслы твои будут обращены вниз, к Земле? Неужели ты не видишь, в какие храмы ты пришел? Все связано девятью кругами, вернее, шарами, один из которых — небесный внешний; он объемлет все остальные[40]; это — сам**о** высшее божество, удерживающее и заключающее в себе остальные шары. В нем укреплены вращающиеся круги, вечные пути звезд; под ним расположены семь кругов, вращающиеся вспять, в направлении, противоположном вращению неба[41]; одним из этих кругов владеет звезда, которую на Земле называют Сатурновой. Далее следует светило, приносящее человеку счастье и благополучие; его называют Юпитером. Затем — красное светило, наводящее на Землю ужас[42]; его вы зовете Марсом. Далее внизу, можно сказать, среднюю область занимает Солнце, вождь, глава и правитель остальных светил, разум и мерило вселенной; оно столь велико, что светом своим освещает и заполняет все. За Солнцем следуют как спутники по одному пути Венера, по другому Меркурий, а по низшему кругу обращается Луна, зажженная лучами Солнца. Но ниже уже нет ничего, кроме смертного и тленного, за исключением душ, милостью богов данных человеческому роду; выше Луны все вечно. Ибо девятое светило, находящееся в середине,— Земля — недвижимо и находится ниже всех прочих, и все весомое несется к ней в силу своей тяжести[43]».

(XVIII, 18) С изумлением глядя на все это, я, едва придя в себя, спросил: «А что это за звук, такой громкий и такой приятный, который наполняет мои уши[44]?» — «Звук этот,— сказал он,— разделенный промежутками неравными, но все же разумно расположенными в определенных соотношениях, возникает от стремительного движения самих кругов и, смешивая высокое с низким, создает различные уравновешенные созвучия. Ведь в безмолвии такие движения возбуждаться не могут, и природа делает так, что все, находящееся в крайних

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
точках[45], дает на одной стороне низкие, на другой высокие звуки. По этой причине вон тот наивысший небесный круг, несущий на себе звезды и вращающийся более быстро, движется, издавая высокий и резкий звук; с самым низким звуком движется этот вот лунный и низший круг; ведь Земля, девятая по счету, всегда находится в одном и том же месте, держась посреди мира. Но восемь путей, два из которых обладают одинаковой силой[46], издают семь звуков, разделенных промежутками, каковое число, можно сказать, есть узел всех вещей. Воспроизведя это на струнах и посредством пения, ученые люди открыли себе путь для возвращения в это место — подобно другим людям, которые, благодаря своему выдающемуся дарованию, в земной жизни посвятили себя наукам, внушенным богами[47]. (19) Люди, чьи уши наполнены этими звуками, оглохли. Ведь у нас нет чувства, более слабого, чем слух. И вот там, где Нил низвергается с высочайших гор к так называемым Катадупам[48], народ, живущий вблизи этого места, ввиду громкости возникающего там звука лишен слуха. Но звук, о котором говорилось выше, производимый необычайно быстрым круговращением всего мира, столь силен, что человеческое ухо не может его воспринять,— подобно тому, как вы не можете смотреть прямо на Солнце, когда острота вашего зрения побеждается его лучами».

(XIX, 20) Изумляясь всему этому, я все же то и дело переводил взор на Землю. Тогда Публий Африканский сказал: «Я вижу, ты даже и теперь созерцаешь обитель и жилище людей. Если жилище это кажется тебе малым, каково оно и в действительности, то на эти небесные края всегда смотри, а те земные презирай. В самом деле, какой известности можешь ты достигнуть благодаря людской молве, вернее, какой славы, достойной того, чтобы ее стоило добиваться? Ты видишь — на Земле люди живут на редко расположенных и тесных участках, и в эти, так сказать, пятна, где они живут, вкраплены обширные пустыни, причем люди, населяющие Землю, не только разделены настолько, что совершенно не могут общаться друг с другом, но и находятся одни в косом, другие в поперечном положении по отношению к вам, а третьи даже с противоположной стороны[49]. Ожидать от них славы, вы конечно, не можете.

(XX, 21) Но ты видишь, что эта же Земля охвачена и окружена как бы поясами[50], два из которых, наиболее удаленные один от другого и с обеих сторон упирающиеся в вершины неба, скованы льдами; средний же и наибольший пояс высушивается жаром Солнца. Два пояса обитаемы; из них южный, жители которого, ступая, обращены к вам подошвами ног, не имеет отношения к вашему народу; что касается другого пояса, обращенного к северу, то смотри, какой узкой полосой он соприкасается с вами. Ведь вся та земля, которую вы населяете, суженная с севера на юг и более широкая в стороны, есть, так сказать, небольшой остров, омываемый морем, которое вы на Земле называете Атлантическим, Большим морем, Океаном; но как он, при своем столь значительном имени, все же мал, ты видишь. (22) Разве слава твоя или слава, принадлежащая кому-либо из нас, могла из этих населенных и известных людям земель либо перелететь через этот вот Кавказ, который ты видишь, либо переплыть через вон тот Ганг[51]? Кто в остальных странах восходящего или заходящего солнца или в странах севера и юга услышит твое имя? Если отсечь их, то сколь тесны, как ты, конечно, видишь, будут пределы, в которых ваша слава сможет распространяться! А что касается даже тех, кто о нас говорит теперь, то сколько времени они еще будут говорить?

(XXI, 23) Но что я говорю! Если отдаленные поколения пожелают передать своим потомкам славу, полученную каждым из нас от отцов, то все-таки, вследствие потопов и сгорания земли[52] (а это неминуемо происходит в определенное время[53]), мы не можем достигнуть, не говорю уже — вечной, нет — даже продолжительной славы. Какое имеет значение, если те, кто родится впоследствии, будут о тебе говорить, когда о тебе ничего не сказали те, кто родился в твое время? (XXII, 24) А ведь они были и не менее многочисленными и, конечно, лучшими мужами — тем более, что ни один из тех самых мужей, которые могли услышать наше имя, не смог добиться памяти о себе хотя бы в течение

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
года. Ведь люди обыкновенно измеряют год по возвращению одного только Солнца, то есть одного светила; но в действительности только тогда, когда все светила возвратятся в то место, откуда они некогда вышли в путь, и по истечении большого промежутка времени принесут с собой тот же распорядок на всем небе, только тогда это можно будет по справедливости назвать сменой года[54]. Сколько поколений людей приходится на такой год, я не решаюсь и говорить. Ведь Солнце некогда, как показалось людям, померкло и погасло, когда душа Ромула переселилась именно в эти храмы[55]; когда оно вторично померкнет с той же стороны и в то же самое время, вот тогда и следует считать, что, по возвращении всех созвездий и светил в их исходное положение, истек год. Но — знай это — еще не прошло даже и двадцатой части этого года.

(XXIII, 25) Поэтому, если ты утратишь надежду возвратиться в это место, где все предназначено для великих и выдающихся мужей, то какую же ценность представляет собой ваша человеческая слава, которая едва может сохраниться на протяжении ничтожной части одного года? Итак, если ты захочешь смотреть ввысь и обозревать эти обители и вечное жилище, то не прислушивайся к толкам черни и не связывай осуществления своих надежд с наградами, получаемыми от людей; сама доблесть, достоинствами своими, должна тебя увлекать на путь истинной славы; что говорят о тебе другие, о том пусть думают они сами; говорить они во всяком случае будут.

Однако все их толки ограничены тесными пределами тех стран, которые ты видишь, и никогда не бывают долговечными, к кому бы они ни относились; они оказываются похороненными со смертью людей, а от забвения потомками гаснут».

(XXIV, 26) После того, как он произнес эти слова, я сказал: «Да, Публий Африканский, раз для людей с заслугами перед отечеством как бы открыта тропа для доступа на небо, то — хотя я, с детства пойдя по стопам отца и твоим, не изменял вашей славе — теперь, когда меня ждет столь великая награда, я буду еще более неусыпен в своих стремлениях».

Он ответил: «Да, дерзай и запомни: не ты смертен, а твое тело[56]. Ибо ты не то, что передает твой образ; нет, разум каждого — эти и есть человек, а не тот внешний вид его, на который возможно указать пальцем. Знай же, ты — бог[57], коль скоро бог — тот, кто живет, кто чувствует, кто помнит, кто предвидит, кто повелевает, управляет и движет телом, которое ему дано, так же, как этим вот миром движет высшее божество. И подобно тому, как миром, в некотором смысле смертным, движет само высшее божество, так бренным телом движет извечный дух.

(XXV, 27) Ибо то, что всегда движется, вечно[58]; но то, что сообщает движение другому, а само получает толчок откуда-нибудь, неминуемо перестает жить, когда перестает двигаться. Только одно то, что само движет себя, никогда не перестает двигаться, так как никогда не изменяет себе; более того, даже для прочих тел, которые движутся, оно — источник, оно — первоначало движения. Но само первоначало ни из чего не возникает; ведь из первоначала возникает все, но само оно не может возникнуть ни из чего другого; ибо не было бы началом то, что было бы порождено чем-либо другим. И если оно никогда не возникает, то оно и никогда не исчезает. Ведь с уничтожением начала оно и само не возродится из другого, и из себя не создаст никакого другого начала, если только необходимо, чтобы все возникало из начала. Таким образом, движение начинается из того, что движется само собой, а это не может ни рождаться, ни умирать. В противном случае неминуемо погибнет все небо, и остановится вся природа, и они уже больше не обретут силы, которая с самого начала дала бы им толчок к движению.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

(XXVI, 28) Итак, коль скоро явствует, что вечно лишь то, что движется само собой, то кто станет отрицать, что такие свойства дарованы духу? Ведь духа лишено все то, что приводится в движение толчком извне: но то, что обладает духом, возбуждается движением внутренним и своим собственным; ибо такова собственная природа и сила духа. Если она — единственная из всех, которая сама себя движет, то она, конечно, не порождена, а вечна. (29) Упражняй ее в наилучших делах! Самые благородные помышления — о благе отечества; ими побуждаемый и ими испытанный дух быстрее перенесется в эту обитель и в свое жилище. И он совершит это быстрее, если он еще тогда, когда будет заключен в теле, вырвется наружу и, созерцая все находящееся вне его, возможно больше отделится от тела[59]. Ибо дух тех, кто предавался чувственным наслаждениям, предоставил себя в их распоряжение как бы в качестве слуги и, по побуждению страстей, повинующихся наслаждению, оскорбил права богов и людей, носится, выйдя из их тел, вокруг самой Земли[60] и возвращается в это место только после блужданий в течение многих веков[61]».

Он удалился, а я пробудился от сна.

Фрагменты из неизвестных книг

1. Если кому дано в небожителей веси подняться,
На небо мне одному вход широчайший открыт[62].

…это верно, Публий Африканский! Ведь также и для Геркулеса этот же вход оказался открытым (*Лактанций*, “Instit. div.", I, 18, 11).

2. Для Фанния трудная задача — хвалить мальчика; ведь хвалить приходится не уже совершенное, а еще ожидаемое (*Сервий*, Комментарии к «Энеиде», VI, 875).

3. …так как его реплика отвлекла нас от самой цели, … (*Сенека*, Письма, 108, 32).

ПРИМЕЧАНИЯ
О ГОСУДАРСТВЕ. Книга VI

1. *Гай Клавдий Пульхр* был консулом в 177 г.; цензором он был в 169 г., вместе с Тиберием Семпронием Гракхом (отцом знаменитых трибунов); обвиненные в государственной измене в связи с их борьбой против злоупотреблений откупщиков, они были оправданы судом.
2. Цитата из Филарха, афинского историка III в.; речь идет о колофонянах. См. Афиней, XII, 526 а.
3. Возможно, речь идет о Квинте Фабии Максиме Кунктаторе. См. Плутарх, «Фабий», 17.
4. Имеется в виду *речь Лелия*, произнесенная им как претором в 145 г. Он возражал против предложения трибуна Гая Лициния Красса об установлении выборности членов жреческой коллегии (вместо кооптации).
5. См. Платон, «Государство», X, 614 B слл.
6. *Маний Манилий Непот* — в 149 г. консул вместе с Луцием Марцием Ценсорином, начальствовал над войсками, осадившими Карфаген в начале третьей пунической войны.
7. *Военные трибуны* (tribuni militum) были офицерами, в течение двух месяцев командовавшими по очереди легионом. В легионе было шесть военных трибунов. Для первых четырех легионов они избирались комициями (tribuni militum comitiati); для остальных они назначались консулом (tribuni militum rufuli).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
8. Нумидийский царь *Масинисса* (240—169) в начале второй пунической войны был на стороне Карфагена; с 206 г. он стал союзником Рима. Сципион Старший восстановил его на престоле и расширил его владения за счет владения царя Сифакса.
9. О культе Солнца и Луны у ливийцев см. Геродот, IV, 188; Платон, «Кратон», 397 С.
10. Имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский Старший.
11. Ср. Цицерон, «О предвидении», II, 128; Лукреций, IV, 962 слл.
12. Энний, «Анналы», фрагм. 4 сл. Уормингтон; Лукреций, I, 117 слл.; Гораций, «Послания», II, 1, 50.
13. Речь идет о *восковой маске* умершего (*imago*). Восковая маска курульного магистрата хранилась его потомками в особом шкафу; ее несли во время похорон того или иного члена рода; это право называлось ius imaginum. Сципион Старший умер в 183 г. Сципион Эмилиан родился, по-видимому, в 165 г.
14. Обращение по прозванию «*Сципион*» должно означать, что Эмилиан, будучи Сципионом, не должен испытывать страха.
15. Имеются в виду первая и вторая пунические *войны*. В Карфагене, после поражения во второй пунической войне ставшем данником Рима и обязавшемся разоружиться, снова восторжествовала военная партия.
16. Млечный путь. См. ниже, § 16; Цицерон, перевод «Феноменов» Арата, 249.
17. Преувеличение, подчеркивающее контраст между Эмилианом, военным трибуном, и будущим завоевателем Карфагена. Для молодого человека из нобилитета военный трибунат был началом военной карьеры. В нарушение Виллиева закона (см. прим. 54 к кн. 1), Эмилиан был избран в консулы, не достигнув 42 лет. См. Цицерон, «О дружбе», 11.
18. Имеется в виду почетное прозвание «Африканский». Карфаген был взят в 146 г., когда Сципион был уже проконсулом; он был консулом в 147 г.
19. *Триумфом* назывался религиозный акт, празднество в честь Юпитера Феретрийского, приуроченное к возвращению полководца (императора), одержавшего решительную победу над внешним врагом, во время которой он сам командовал войском. В ожидании разрешения сената справить триумф полководец находился в окрестностях Рима (ad Urbem) и должен был получить на этот день империй в Риме (imperium in Urbe), насчет чего издавался куриатский закон. В шествии участвовали сенаторы и магистраты; за ними шли трубачи, несли предметы военной добычи, изображения взятых городов, вели быков для жертвоприношения и наиболее важных пленников в оковах. За ними в триумфальной колеснице, запряженной четверкой белых лошадей, стоя ехал триумфатор в тоге, расшитой звездами и с лавровой ветвью в руке; лицо триумфатора было выкрашено в красный цвет (как на древнейших изображениях Юпитера); государственный раб держал над его головой золотой венок. Колесницу окружали ликторы, связки которых были обвиты лавром. За полководцем ехали верхами его военные трибуны и легаты. Шествие замыкали солдаты, иногда распевавшие песни с насмешками над триумфатором. Процессия вступала в город через Триумфальные ворота, проходила через Большой цирк, forum boarium, Велабр и форум. На Капитолийском склоне пленников уводили и чаще всего казнили. В Капитолии триумфатор приносил жертву Юпитеру Феретрийскому и слагал с себя венок. Его имя вносили в списки триумфаторов (fasti triumphales); он получал право появляться в расшитой тоге во время общественных игр.
20. Сципион Эмилиан был цензором в 142 г. и вторично консулом в 134 г. О его легатстве см. прим. 63 к кн. III.
21. В 132 г. Сципион Эмилиан получил прозвание «Нумантийский» в связи с его триумфом по окончании Нумантийской войны.
22. Имеется в виду враждебный интересам нобилитета земельный закон трибуна 133 г. Тиберия Гракха, старшего сына Корнелии, дочери Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего.
23. Т. е. после возвращения Сципиона из-под стен Нуманции и до его смерти (133—129). Тон пророчества: частое у древних противопоставление короткой жизни, проведенной в

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
государственной деятельности и на войне, и долгой жизни, проведенной в погоне за наслаждениями. Ср. миф о Геркулесе на перепутье.
24. Торжественный тон: 56 лет, возраст Сципиона Эмилиана в год его смерти. Речь идет о видимом движении Солнца по эклиптике: оно описывает вокруг земли окружность, поднимаясь от тропика Козерога к тропику Рака (anfractus), а затем опускаясь в обратном направлении (reditus). См. Арат, «Феномены», 60 сл., 264 (перевод Цицерона); Лукреций, V, 683; Цицерон, «О природе богов», II, 102.
25. См. прим. 50 к кн. I.
26. «*Честные люди*» — оптиматы. О *союзниках* и *латинянах* см. прим. 93 к кн. I; см. прим. 47 к кн. III.
27. *Сципион Эмилиан* был найден мертвым в своей постели утром того дня, когда он намеревался выступить против судебного закона Тиберия Гракха. В его смерти обвиняли Корнелию, мать Гракхов, его жену Семпронию, их сестру, и триумвиров по распределению земли — Гая Папирия Карбона» Марка Фульвия Флакка и Гая Гракха. Свидетельства источников противоречивы. Ср. I, 31; Цицерон, «Речь в защиту Милона», 16; «О дружбе», 12; Макробий, «Сатурналии», III, 14, 6.
28. Ср, I, 2, 12.
29. Ср. I, 39.
30. Т. е. из области Млечного пути. По учению пифагорейцев, душа человека — астрального происхождения, состоит из эфира и огня и является порождением божественного разума. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 66 слл.
31. В соответствии с учением Платона и пифагорейцев. См. Платон, «Федон». 67 C—D; Цицерон, «О старости», 75, 77; «О дружбе», 14; «Тускуланские беседы», I, 75.
32. *Templum* — первоначально часть неба, которую авгур своим посохом отграничивал для наблюдения знамений; впоследствии — освященный участок земли, затем — здание (храм); здесь — вселенная. См. ниже, § 24; Платон, «Федон», 62 B.
33. Платон и пифагорейцы не допускали самоубийства. См. Платон, «Федон», 62 B; Цицерон, «О старости», 73.
34. В соответствии с геоцентрическим учением о вселенной. См. Цицерон, «О природе богов», II, 37; «Тускуланские беседы», I, 40, 68: Платон, «Федон», 97 E, 108 E.
35. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 19; «О природе богов», II, 39, 47; Платон, «Тимей», 40 B.
36. Смешение двух концепций: 1) пифагорейцев и Платона — о человеческом теле как о «тюрьме»; 2) прагматической — о долге человека и гражданина. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 74; «О старости», 72, 77.
37. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 57.
38. Т. е. с Земли; возможно, звезды Южного полушария.
39. Луна. При рассматривании из области Млечного пути Луна должна была казаться малой величины; еще меньшей величины должна была казаться Земля.
40. Т. е. небо, несущее на себе неподвижные звезды. По учению стоиков, небо (небесный эфир) отождествлялось с божеством. Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 47 сл., 65; «Тускуланские беседы», I, 68.
41. По геоцентрическому учению, Земля неподвижна; вселенная ограничена небом неподвижных звезд, вращающимся вокруг Земли с запада на восток; в это небо концентрически заключены семь сфер, несущих на себе планеты и вращающиеся вокруг Земли с востока на запад. См. Цицерон, «О природе богов», II, 49 слл.
42. Древние, в частности халдеи, приписывали небесным светилам, особенно планетам, способность оказывать влияние на судьбу человека. См. Цицерон, «О предвидении», II, 87; Гораций, Оды, I, 11, 2 сл.
43. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 40; «О природе богов», II, 98; «Об ораторе», III, 178.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/
44. Гармония вращающихся сфер, по учению Пифагора. См. Платон, «Государство», X, 617 B; Аристотель, «О небе», II, 290 B.
45. Т. е., с одной стороны, небо неподвижных звезд; с другой — круг, занимаемый Луной.
46. См. I, 22. *Круги*, «*обладающие одинаковой силой*», — это круги Меркурия и Венеры. Семь звуков соответствуют семи звукам гептахорда (семиструнный инструмент) Терпандра (VII век).
47. Таким образом, Цицерон открывает доступ в область Млечного пути не только государственным деятелям и полководцам, но и певцам и музыкантам. См. Квинтилиан, «Обучение оратора», I, 10, 12 сл.
48. Верхние пороги на Ниле. См. Геродот, II, 17; Плиний, «Естественная история», VI, 181.
49. Речь идет о жителях разных широт, в том числе и об антиподах; см. ниже, § 21.
50. Учение о зонах (*поясах*) принадлежит Пармениду, Эратосфену и Аристотелю.
51. *Кавказский хребет и река Ганг* считались восточными пределами Земли.
52. По учению стоиков, по окончании «большого года» (см. ниже, § 24) происходит всеобщий пожар, существующий мир уничтожается и возникает новый (палингенез); затем начинается новый цикл. См. Цицерон, «О природе богов», II, 118.
53. Т. е. по истечении «большого года».
54. Согласно легенде, Ромул исчез в 716 г.; беседа, о которой сообщает Сципион Эмилиан, относится к 149 г. Если промежуток времени в 567 лет меньше одной двадцатой части «большого года», то для Цицерона последний не меньше 11 340 лет.
55. Т. е. в область Млечного пути. См. § 11.
56. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 52.
57. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 65.
58. Ср., Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 53 слл.; Платон, «Федр», 245 C—E.
59. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 75; «О старости», 78; Платон, «Федон», 67 C—D.
60. Ср. Платон, «Федон», 81 C—D.
61. Ср. Платон, «Федр», 107 E; 108 B—C; 249 A сл.; «Государство», I, 615, A.
62. См. Энний, Эпиграммы, фрагм. 3 сл. Уормингтон. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», V, 49; Сенека, Письма, 108, 34.

СОДЕРЖАНИЕ

Первый день. Книга I (стр. 1)
Первый день. Книга II (стр. 32)
Второй день. Книга III (стр. 51)
Второй день. Книга IV (стр. 65)
Третий день. Книга V (стр. 71)
Третий день. Книга VI (стр. 74)